

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

Трудный путь к свободе: о роли личностей и их мировоззрения в недавней российской истории

ЧАСТЬ I.....	3
1. ДИСКУССИЯ О РОЛИ ГАЙДАРА.....	3
2. БОЛЬШОЙ ПЕРЕХОД К СВОБОДНОМУ ОБЩЕСТВУ	6
3. СПРОС НА РЕФОРМЫ.....	11
4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ РЕФОРМ.....	16
5. ПРОГРАММЫ РЕФОРМ.....	20
6. ПОВОРОТНЫЕ ТОЧКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	22
7. РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ НА ФОНЕ ЗАРУБЕЖНЫХ	25
8. КАК ЭТО МОГЛО БЫ БЫТЬ	31
9. РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР	32
<i>Егор Гайдар и Борис Федоров.....</i>	<i>33</i>
10. ПОСЛЕДНЯЯ РАЗВИЛКА.....	36
11. ПЕРЕХОД К РЫНКУ ИЛИ СОЗДАНИЕ СВОБОДНОГО ОБЩЕСТВА?.....	39
Сноски.....	42
ЧАСТЬ II. АНАТОМИЯ РЕФОРМ	44
12. Истоки мировоззрения.....	44
13. “СПАСЕНИЕ ОТ УГРОЗЫ ГОЛОДА”	46
14. ОСКОЛОК ИМПЕРИИ	50
15. ЕГОР ГАЙДАР И ВЛАДИМИР ПУТИН	53
16. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ	56
17. ДНИ ПОРАЖЕНИЙ БЕЗ ПОБЕД.....	59
18. ПРОПАВШИЙ МИЛЛИАРД	61
19. ЕГОР ГАЙДАР И ВИКТОР ГЕРАЩЕНКО	64
20. НАШ ЧЕЛОВЕК В ГАВАНЕ	67
21. ДУХ ИМПЕРИИ.....	69
22. ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ. СМУТЫ И ИНСТИТУТЫ	71
23. ГОСУДАРСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ	73
24. ЗАКРЫТИЕ ДЕМОКРАТИИ	75
25. “ПОЛК, ГОТОВЫЙ СТРЕЛЯТЬ В НАРОД”	78
26. ДАР СКАЗИТЕЛЯ	81
27. ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ	86
28. БОЛЬШОЙ ПЕРЕХОД К СВОБОДЕ: РОЛЬ ЛИЧНОСТЕЙ.....	88
29. ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНЕ.....	90
30. НОСИТЕЛИ СВОБОДЫ.....	92
Сноски.....	95
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ.....	123
ОТ РЕДАКЦИИ	123

Книга подготовлена в процессе её прочтения из «сырого» файла, взятого в инете
https://docs.google.com/document/pub?id=1adPBCTEb9VAgM6o_q0fRUbp3Mk271WaYjHjZ85wQgi8&pli=1). Если чего-то не заметил –
 не судите строго! Есть замечания? Найти меня можно в Facebook-е = [alex ivanopulo](#) =

Фото взято здесь: http://www.polit.ru/article/2012/02/13/premiya_illarionov

Часть I.

1. Дискуссия о роли Гайдара

— Андрей Николаевич, идея взять это интервью возникла у нас давно. Но непосредственным толчком к тому, чтобы реализовать ее, стала безвременная смерть Егора Гайдара и та общественная дискуссия, которая развернулась в связи с этим, и в которую Вы тоже оказались так или иначе вовлечены. Мы внимательно следили за Вашим участием в этой дискуссии по Вашему “Живому Журналу”, где Вы не раз отмечали, что сделанное Гайдаром заслуживает серьезного общественного разговора. “Но такой разговор, — писали Вы в январе, — может произойти лишь по истечении необходимого времени, приличествующего произошедшему печальному событию”.

Кроме того, Вас останавливала тогда и другая причина. Вы писали тогда: “Обычно такой разговор об ушедшем человеке начинается сразу же — с разбором его достоинств и недостатков, побед и поражений, крупных достижений и трагических ошибок. Так было после ухода всех без исключения значимых фигур нашей общественной и политической жизни — Андрея Сахарова, Галины Старовойтовой, Бориса Ельцина, Бориса Федорова. Однако такой разговор о Егоре Гайдаре пока еще не начался. Причина этого — не в том, что о нем нечего сказать. И даже не в том, что начало разговора откладывалось из-за необходимой паузы: никогда ранее в нашей нынешней жизни факт ухода человека не являлся препятствием для начала серьезного разговора о его идейном и политическом наследстве. Причина в другом — в том, что психологическая атмосфера, искусственно созданная в обществе относительно Гайдара, этого пока не позволяла. Не позволяла этого делать из-за начатой сразу же после его смерти некоторыми из его “друзей и коллег” назойливой, шумной и иногда не очень приличной кампании по мифологизации Гайдара”.

Но уже в феврале месяце Вы начали говорить о том, что дальнейшее откладывание в публичном пространстве такого разговора — разговора “без крайностей, спокойного и серьезного”, — было бы и неправильным, и непростительным. Вы обозначили тому несколько причин, о которых мы считаем необходимым напомнить нашим читателям.

Во-первых, то, что Гайдар своими действиями предопределил многое в нашей экономической и политической жизни, и потому “общество нуждается не в замазывании его черной краской и не в обливании его слащавым елеем, а в серьезном и предельно честном разговоре — о том, что и как им было сделано, что не было сделано и почему... Если его взгляды были бы в нашем обществе маргинальными, — писали Вы, — то тогда, наверное, можно было бы оставить их архивам. Однако это не так. Многие гайдаровские представления, оценки, объяснения являются весьма распространенными. И это значит, что отказ от дискуссии с теми его идеями, какие являются неверными, с теми его оценками, какие являются ошибочными, с теми его объяснениями, какие являются ложными, означал бы их молчаливое признание. А вот с этим согласиться нельзя”.

Во-вторых, анализируя отклики на Ваши высказывания о Гайдаре во время прошлых дискуссий (в частности, в 2008 году), Вы не могли не констатировать: “Постоянство, с которым мне задают примерно одни и те же вопросы, а, кроме того, воспроизводят одни и те же цитаты с ошибочными, на мой взгляд, комментариями, говорит о том, что непонимание и общественный спрос на прояснение позиций в рамках этой дискуссии по-прежнему сохраняются. Следовательно, разъяснения позиций действительно необходимы”.

В-третьих, хотя дискуссии по вопросам экономической политики Гайдара шли почти всегда, но, отмечали Вы, почти всегда они шли непублично. В 1992 году их не выносили на публику из-за нежелания “политически ослабить” “реформаторское правительство”. Позже, в середине 1990-х, их не выносили из-за опасения “уменьшить шансы” на возможное раньше или позже “возвращение Гайдара во власть” и “возвращение власти к реформам”. В начале 2000-х их не выносили, потому что, пока есть такая возможность, “зачем же дебатировать? — реформы делать надо”. Ну, а затем, примерно с 2003 года, — а что тут дебатировать? — если появилась более опасная общая угроза? Правда, появившиеся время от времени публичные заявления самого Е. Т. Гайдара о том, что,

независимо от своего личного отношения к власти, он “будет пытаться делать все возможное” для того, чтобы ей помочь, заставляли серьезно задуматься о том, воспринималась ли им эта угроза как общая, воспринимался ли им нынешний политический режим как угроза, и вообще — что именно воспринималось им как реальная угроза.

В-четвертых, то, что “не только сами ошибки, сделанные Е. Гайдаром и А. Чубайсом, но и их отказ от публичного разбора этих ошибок, от честного, откровенного и принципиального разговора об этих ошибках, привел к повторению многих из них, к дискредитации либерального и демократического движения в нашей стране, в конечном счете — к появлению и закреплению нынешнего политического режима. Режим, против которого ни один, ни другой не сказали ни слова, но которому оба оказывали активную помощь. В том числе и тогда, когда его природа ни для кого, включая, естественно, и Е. Гайдара и А. Чубайса, секретом не была”.

Наконец, в-пятых, неумолимая поступь времени постепенно забирает ключевых участников событий конца 1980-х — начала 1990-х годов. Сейчас, отмечали Вы, с нами нет ни Галины Старовойтовой, ни Бориса Ельцина, ни Бориса Федорова, ни Алексея Головкина, ни — теперь — Егора Гайдара. Все меньше остается тех людей, кто непосредственно участвовал в реформах, кто помнит, что и как происходило, кто готов об этом говорить. Время стирает из памяти одни события, искажает другие. Если сейчас не воссоздать, не воспроизвести историю уходящей эпохи, — какой бы трудной, тяжелой, болезненной она ни была, — через некоторое время от нее останутся одни лишь приукрашенные мифы. Поэтому разговор об этом времени — еще и долг перед нашими согражданами.

Все это и дало Вам, на наш взгляд, полное право заявить, что откладывать такой разговор больше нельзя. “Нельзя молчать перед нынешними российскими гражданами, многие из которых оказались успешно зомбированными двумя удобно тасуемыми мифами: либо 1) “лихие 90-е” против “благословенных нулевых”, либо 2) “благословенные 90-е” против “лихих нулевых”. Ни тот миф, ни другой не отражают более сложной реальности. Нельзя молчать и перед будущими поколениями: у них все же должна быть возможность узнать о том, что, кто и как делал, и почему получилось то, что получилось. Может быть, хотя бы им удастся извлечь уроки из исторического опыта предшественников и, не повторяя их ошибок, создать, наконец, свободную и демократическую Россию”.

Мы совершенно согласны с Вами в этом и хотим предоставить Вам возможность такого разговора на страницах нашего журнала — разговора, который уже начался в Вашем “ЖЖ”, — но только начался.

Мы понимаем, что, как справедливо отметили Вы, ни начало такого разговора, ни его продолжение “не обещают быть легкими”. Но мы, как и Вы, не хотели бы продолжать дискуссию о Гайдаре в той интонации и в той форме, в какой это получилось первоначально, потому что проблема-то, в общем, как нам представляется, не в самом по себе Гайдаре как личности, хотя это, безусловно, феномен очень важный, о котором мы будем говорить. Но самое главное — понять все-таки, аналитически ясно понять, что же произошло тогда, в 91-м году. Как происходила эта реформа, какой она была, какие дала последствия, как, в каком стержневом направлении пошла после этого Россия. Тем более что это, как кажется, мало кто представляет себе сейчас.

Действительно, сегодня в стране уже другая публика, и то, что как-то еще, может быть, было ясно тогда, сейчас, через двадцать лет, представляется совершенно непонятным... Так что, как кажется, имеет смысл заново — просто, как в учебнике, — рассказать о том, что это была за реформа, из чего она состояла. Чтобы любой, если не пятиклассник, то десятиклассник, мог в принципе понять, о чем идет речь: какие меры были приняты; что дала либерализация цен; что было сделано так, а что не так; какие тенденции это породило; какую линию развития задало. То есть дать схему всех этих реформ, как она видится Вам... А потом уже можно обсуждать причины этого, истоки, менталитет и т. п.

— Попробую, пользуясь возможностями вашего журнала, дать развернутый ответ на эти вопросы. Наш, уже не первый, разговор в редакции “Континента” для меня весьма ценен: не так много осталось в нашей стране мест, где вопросы такого рода можно обсуждать спокойно, без необходимости демонстрировать лояльность той или иной партийной позиции. В этом отношении наша беседа, хотелось бы надеяться, станет

своего рода продолжением того разговора, который произошел у нас два с лишним года тому назад¹.

Следует сделать одну важную оговорку: так как по ряду тем публичный разговор пойдет впервые, некоторые из формулировок могут носить предварительный характер.

И еще: перед тем как непосредственно перейти к сформулированной вами теме, я хотел бы еще раз остановиться на дискуссии, развернувшейся сразу после кончины Егора Гайдара, – дискуссии о его роли в истории нашей страны.

В этой дискуссии можно выделить несколько заметных этапов. Каждый из них оказался существенным для уточнения понимания того, что произошло в нашей стране в последнее двадцатилетие.

Первый этап дискуссии был начат Анатолием Чубайсом буквально через несколько часов после смерти Егора Гайдара...

– Да, это бросилось в глаза. Было странное чувство, что СМИ пытаются создать просто какой-то культ личности Гайдара. В своем “ЖЖ” Вы даже назвали эту кампанию мифологизации “шумной и не очень приличной”. И надо сказать, что и на наш взгляд она выглядела как-то не особенно уместно...

– Можно понять отношение А.Чубайса к своему близкому другу. Но личные чувства не могут быть достаточным оправданием предпринятых им попыток довольно агрессивного навязывания всему российскому обществу культа личности Гайдара как “спасителя страны от голода, гражданской войны, распада”. Тем более что попытка не критического представления распространялась не только на Гайдара, но и на его коллег. (Когда я говорю о деятельности коллег Гайдара в начале 1990-х годов, то имею в виду, в том числе, и себя, поскольку в то время работал в российском правительстве.) Нелепость этой попытки особенно показательна на фоне того, что в книге, вышедшей под редакцией самого Гайдара еще в 1998 году, рассуждения типа “Гайдар спас страну от голода” высмеивались как “верный признак отказа от серьезного анализа проблем посткоммунистической трансформации”².

Второй этап дискуссии о роли Гайдара не заставил себя ждать. Во многом реакцией на политику вульгарного навязывания обществу культа личности Гайдара стала попытка его вульгарного же опровержения, предпринятая в совместной статье Юрием Лужковым и Гавриилом Поповым. В качестве антитезы противниками Гайдара были выдвинуты по сути три противоположных тезиса: именно действия Гайдара вызвали голод, гражданскую войну, распад страны.

Развернутая затем кампания публичного осуждения московских мэров напомнила худшие образцы гонений на инакомыслящих. По своей сути она преследовала цель сохранить обсуждение деятельности Гайдара на уровне примитивных и взаимоисключающих пропагандистских штампов и, следовательно, не допустить содержательного анализа того, что Гайдаром было сделано верно, и того, что им было сделано ошибочно. Успех кампании сакрализации ушедшего означал бы получение бессрочной индульгенции его коллегами, продолжающими, по их мнению, “дело Гайдара”.

Несмотря на временное доминирование в общественном пространстве весьма эмоциональных заявлений, на третьем этапе общественной дискуссии удалось перейти к более взвешенному обсуждению. В результате провалившимися можно признать обе крайние попытки создания полярного отношения к Гайдару – и попытку его идеализации, и попытку его демонизации. Как показывает взвешенный анализ, ни та, ни другая интерпретация его роли не соответствуют действительности.

Прошедшая краткосрочная, хотя и весьма ожесточенная, дискуссия оказалась весьма важной, поскольку помогла, пусть частично, восстановить в нашем обществе более адекватное представление о проведенных реформах, о том, что на самом деле было сделано, а что сделано не было, что было сделано правильно, а что – неверно. Она помогла отвергнуть надуманные, идеологизированные, а иногда и прямо сфальсифицированные утверждения.

Если поначалу многие люди, следуя законам массовой психологии, повторяли вброшенные штампы, то затем квазирелигиозный экстаз заметно ослабел, и пропагандистские лозунги и формулировки практически исчезли. Свидетельством более зрелого восприятия недавнего прошлого стала серия интервью непосредственных участников событий 1991 года в русском “Форбсе”³, публикации в журнале “Итоги”⁴,

интервью Петра Авена журналу “Медведь”⁵. Следует отметить, что косвенным признанием неудачи в деле создания культа Гайдара стали и более поздние комментарии Анатолия Чубайса, в которых он уже воздержался от повторения своих, не соответствовавших действительности, лозунгов о спасении Гайдаром страны от голода, гражданской войны и распада.

Как бы то ни было, но теперь появляется возможность более трезвого анализа происшедшего.

Что же касается версий для учебников, то их варианты, естественно, будут различаться позициями и целями их создателей. В любом случае, возможно, более объективные тексты смогут предложить и другие авторы, а не только непосредственные участники событий, включая и меня.

— Да, но нас интересует именно Ваша версия. Просто, повторим, мы хотели бы, чтобы Вы изложили ее так, как если бы она была признана наиболее адекватной, и Вам дали написать учебник.

— Должен предупредить, что с моей стороны неизбежно присутствие довольно существенного элемента субъективизма. Во-первых, потому что в течение ряда лет я был членом т. н. московско-ленинградского кружка экономистов, в рамках которого шло обсуждение необходимых и возможных реформ. Позже, как и многие из его участников, оказавшись в российских органах государственной власти, я был вовлечен в их осуществление. Во-вторых, мой субъективизм связан с личными представлениями о том, что и как надо было делать, чего следовало избегать. Наконец, мои сегодняшние представления — хотя и не полностью, но в некоторых чертах заметно — отличаются от моих представлений двадцатилетней давности.

— Ну вот, если все необходимые предупредительные слова сказаны, давайте перейдем к сути.

2. Большой переход к свободному обществу

— Для начала следует упомянуть контекст, в котором реформы готовились и осуществлялись. Следует взглянуть на дело и с точки зрения тогдашних представлений участников процесса перемен, и с высоты нашего сегодняшнего понимания того, что и как необходимо было делать.

Распространенное описание ситуации конца 1980-х — начала 1990-х годов почти всегда включает указание на то, что “тогда перед страной стояла задача перехода к рыночной экономике”. Иными словами, внимание публики привлекается к весьма важному, но, тем не менее, лишь к одному из необходимых переходов — переходу к рыночной экономике. Два других важнейших общественных перехода упоминаются меньше, хотя они не менее важны.

Неизбежность для России осуществления тройного перехода была сформулирована Сергеем Васильевым и Борисом Львиным во время обсуждений в клубе “Синтез” и в московско-ленинградской группе экономистов во второй половине 1980-х годов. Имелись в виду три перехода: 1) от централизованно планируемой экономики (командной экономики, экономики бюрократического торга) к свободной рыночной, 2) от тоталитарного (авторитарного) политического режима, оказавшегося на рубеже 1980-х-1990-х годов на стадии интенсивной демократизации, к демократической политической системе и 3) от имперской формы государства к национальной.

Все три перехода являлись составными элементами Большого перехода — продвижения российского общества от несвободного состояния к свободному, — продвижения, требовавшего освобождения как экономического, так и политического и национального.

— Эти переходы связаны между собой?

— Они тесно связаны друг с другом, хотя каждый из них может осуществляться относительно самостоятельно. То, что в России три перехода происходили одновременно или почти одновременно, не исключало того, что в других странах подобные переходы (или часть из них) могли осуществляться в разное время. Этнически более однородные государства Центральной Европы пережили лишь двойной переход: от тоталитарной (авторитарной) политической системы к демократии и от централизованно планируемой экономики к рыночной. Перехода от имперской к национальной форме государства во

многих из них (за исключением Югославии и Чехословакии) не требовалось. В восточно-азиатских странах, например, в Китае и Вьетнаме, за три последних десятилетия состоялся лишь один переход – от централизованно планируемой экономики к рыночной, перехода от авторитарной политической системы к демократии в этих странах пока не произошло.

Эти примеры показывают, что сочетания частных переходов в разных странах могли быть разными. Переход к свободному обществу не обязательно должен завершиться в течение, например, двух десятилетий. Он может быть незавершенным, нельзя исключить и попятного движения. Можем ли мы, например, сегодня уверенно утверждать, что в России переход от имперской формы государства к национальной уже произошел, и что он является окончательным?

– То есть Вы полагаете, что этот процесс может быть возвратным?

– Давайте вспомним историю. В 1917 – 1918 годах начался первый этап распада Российской Империи, на обломках которой возникла большая группа национальных государств. Однако затем, в течение относительно короткого исторического времени – чуть более двух десятилетий, – была проведена реинтеграция значительной части империи, за пределами которой остались лишь два ее крупных осколка – Финляндия и Польша. При этом по отношению к каждому из них обновленная империя предпринимала неоднократные попытки возвращения их в свою орбиту. В Финляндии произошла кровопролитная гражданская война, лишь победа в ней правых (белофиннов, по советской терминологии) спасла Финляндию от возвращения в лоно империи. Еще две попытки включения этой страны в СССР были предприняты во время так называемой “зимней войны” в 1939 – 1940 годах и “летней войны” в 1941 – 1944 годах.

Польшу империя тоже в покое не оставляла. Во время советско-польской войны 1920 года Красная Армия дошла до предместий Варшавы. В 1939 году совместно с нацистской Германией СССР произвел четвертый раздел Польши, в результате чего в советскую империю была включена примерно половина ее территории.

С завершением Второй мировой войны попытки восстановления имперского контроля не прекращались. По отношению к Финляндии они увенчались определенным успехом: страна была вынуждена согласиться на размещение советской военной базы на своей территории, отказаться от членства в западных оборонительных союзах, а язык современных международных отношений пополнился термином “финляндизация”, каким теперь именуют состояние ограниченного суверенитета страны. Очередная попытка реколонизации Польши была совершена в 1944 – 1947 годах в результате сохранения советских войск на ее территории после войны и установления в ней коммунистического режима.

Поэтому первый этап распада и временной реинтеграции российской империи даже по отношению к Финляндии и Польше не завершился приобретением этими странами полноценной независимости. В еще меньшей степени это относилось к Эстонии, Латвии, Литве, Украине, Белоруссии, Азербайджану, Армении, Грузии, независимое существование которых продлилось от двух десятков до всего лишь нескольких лет. Территория нынешней Молдовы по правому берегу Днестра была отобрана у Румынии в 1940 году, так что таким образом частично была восстановлена старая имперская граница. Иными словами, во-первых, начальный этап распада российской империи относительно быстро был остановлен. Во-вторых, он оказался частично обратимым.

В конце XX века начался второй этап распада империи, сопровождавшийся национальным освобождением ряда народов и возникновением группы из пятнадцати суверенных национальных государств. Однако затем мы вновь стали свидетелями возобновления попыток реставрации имперского контроля за утраченными ранее территориями. Имперская идеология и имперская практика по-прежнему демонстрируют свою живучесть.

– И Вы не исключаете возникновения нового исторического монстра – такого национального государства с имперским менталитетом?..

– Прежде всего, следует обратить внимание на то, что процесс превращения даже самой России в национальное государство еще далек от завершения. И, следовательно, имперская природа нашего нынешнего государственного образования – Российской Федерации – хотя и несколько ослабела, но по-прежнему сохраняется. Имперский

характер ее внутренней политики предопределен, прежде всего, неравным правовым статусом представителей разных народов, исторически проживающих на ее территории. Наиболее очевидно он проявился в подавлении национально-освободительного движения в Чечне в ходе двух последних российско-чеченских войн, движений в других национальных автономиях страны, в серии идущих гражданских войн на Северном Кавказе.

Во-вторых, имперский менталитет в большой степени сохранился среди разных общественных и политических групп современной России. В наибольшей степени ему подвержены сотрудники спецслужб, военные, часть бюрократии, представители которых обладают сейчас полнотой политической власти в стране. Но и представители иных политических сил оказываются подчас не меньшими империалистами, чем силовики. Достаточно вспомнить лозунг так называемой либеральной империи, выдвинутый А.Чубайсом и взятый СПС на вооружение во время выборной кампании 2003 года, де-факто поддержку российского авторитарного режима в его империалистической агрессии против Грузии, высказывавшуюся Е.Гайдаром, Б.Немцовым, другими политиками, нередко воспринимаемыми в качестве “либеральных” и “демократических”.

Наконец, отчетливо имперской в последние несколько лет стала и внешняя политика российских властей. Ее официальное провозглашение произошло летом 2008 года при обнародовании Д.Медведевым концепции так называемых зон привилегированных интересов. Ее очевидно имперский характер особенно заметен по отношению к Грузии, Украине, Беларуси – православным странам, народы которых культурно близки для значительной части населения России. В последние годы вмешательство российских властей во внутренние дела и политические процессы во многих пост-советских государствах вышло на новый качественный уровень. Российско-грузинская война с оккупацией российскими войсками Абхазии и Южной Осетии и де-факто их аншлюсом стала империалистической авантюрой, по своему характеру более типичной для XIX – первой половины XX веков, нежели для начала XXI века.

Так что традиции имперского поведения в нашей стране имеют отношение, увы, не только к прошлому, но и к настоящему.

– А переход от авторитарной политической системы к демократической?

– После Августовской революции 1991 года многим в нашей стране казалось, что переход от тоталитаризма к политической демократии будет переходом не более сложным, чем переход от командной экономики к рыночной. Казалось, что закрепление в российской жизни важнейших элементов демократической системы – личных гражданских свобод, политических прав, партийной конкуренции, свободных выборов, самостоятельного суда, независимых СМИ – уже произошло.

Однако сейчас, по прошествии не слишком большого времени, мы видим, что это не так. И демократический период существования страны – в течение двух с небольшим лет (с конца августа 1991-го по середину сентября 1993 года) – и полудемократический – в течение последующих примерно десяти лет (с октября 1993-го по июль-октябрь 2003 года) – уже закончились. Можно пользоваться разными индикаторами и применять различные критерии, по-разному определять длительность разных этапов политического развития страны и границы между ними. Однако никем из серьезных аналитиков не подвергается сомнению то, что, по крайней мере, с рубежа поздней осени – начала зимы 2003 года политическая система России перестала быть даже полудемократической и превратилась в авторитарную. Так что второй важнейший переход к свободному обществу, а именно, к политической демократии, в России пока не состоялся.

Более того, начиная с 2004 года по индексам гражданских свобод и политических прав Россия сползла в менее демократичное и более авторитарное состояние, чем это было характерно, например, даже для СССР в 1989-1991 годах. Получается, что в последние годы власти КПСС наша страна была политически более свободной, чем нынешняя Россия, а советские граждане того времени имели больше гражданских свобод и политических прав, чем современные россияне. Это следует иметь в виду для понимания масштабов колоссального разворота в общественном развитии страны, произошедшего в последнее десятилетие. Это важно также и для понимания того, когда и благодаря кому произошли переход страны к демократической политической системе и отказ от нее.

Политическое освобождение страны состоялось, прежде всего, благодаря усилиям Михаила Горбачева и его коллег. И произошло оно не на рубеже 1991 – 1992 годов, с которым часто ассоциируются качественные изменения в российском обществе, а в 1989 – 1990 годах – в результате выборов Съезда народных депутатов СССР в марте 1989 года и особенно Съезда народных депутатов России в марте 1990 года. Следует подчеркнуть также, что мартовские выборы народных депутатов России 1990 года, так же как и президентские выборы в июне 1991 года, проведенные еще при власти КПСС, оказались более свободными, чем любые выборы в независимой России после 1998 года.

– При гораздо большем участии и вовлеченности населения!

– Степень охвата политическим процессом граждан страны – это один из двух важнейших критериев демократичности политической системы. Второй критерий – это интенсивность конкуренции между кандидатами, борющимися за политическую власть. По обоим критериям выборы депутатов России 1990 года, президентские выборы 1991 и 1996 годов, парламентские выборы 1993 и 1995 годов являлись наиболее свободными в недавней истории нашей страны.

К настоящему времени переход к демократической и полудемократической политической системе произошел в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, на Балканах, в странах Балтии, в Молдове, Украине, Грузии. Переход к демократии не состоялся в России, Беларуси, Армении, Азербайджане, Казахстане, странах Средней и Восточной Азии. В некоторых из этих стран авторитарный политический режим остался мало измененным, в других после короткой демократической (или полудемократической) паузы произошло возвратное движение к авторитарной системе, в третьих, как, например, в Туркменистане и Узбекистане, произошло, очевидно, его ужесточение даже по сравнению с позднесоветскими временами.

На фоне промежуточных результатов политических преобразований в примерно трех десятках стран, бывших коммунистическими в конце 1980-х годов, Россия оказалась ближе не к центрально-европейским странам, не к странам Балтии, не к Польше, Болгарии, Эстонии, Грузии, а к странам Средней Азии, Казахстану, Азербайджану, Китаю, Вьетнаму.

Что касается реформы имперского государства и избавления общества от рудиментов имперского мышления, то по классификации произошедших переходов Россия оказалась мало похожей на Чехию и Сербию – страны, бывшие метрополиями чехословацкой и югославской мини-империй. Для каждой из них состоялись переходы не только от плановой экономики к рыночной, не только от авторитарной политической системы к демократической, но и от имперского государства к национальному (без войны – в Чехословакии, с войной – в Югославии). Теперь суверенитет и независимость новых национальных государств, образованных на обломках этих мини-империй, в основном не подвергаются сомнению и элитами их бывших метрополий.

В отличие от ситуации в этих странах, итоги первых двух переходов в России выглядят следующим образом: состоялся частичный переход от имперской формы государства к национальной, однако с 1994 года (со времени первой российско-чеченской войны) происходит регенерация имперского государства, имперского мышления, имперской политики, регенерация, существенно ускорившаяся с 1999 года. Что же касается перехода политической системы страны к демократии, то можно сказать, что, за исключением короткой демократической паузы в начале 1990-х годов, такой переход не состоялся.

– Так, с национальными государствами и демократической системой все более или менее понятно. А что же с рыночной экономикой? Этот-то переход совершился или нет?

– В целом переход к рыночной экономике произошел. Если на время оставить в стороне вопрос о том, какая именно рыночная экономика создана, насколько успешным оказался переход к ней, насколько эффективной получилась новая экономическая система, и говорить лишь о факте самой трансформации, то рыночная экономика в России, несомненно, состоялась.

Следует также заметить, что переход к рыночной экономике (разного типа и качества, разной эффективности) за это время произошел практически во всех странах, бывших коммунистическими в конце 1980-х годов, – от Восточной Германии до Вьетнама, от

Албании до Китая, от Эстонии до Таджикистана — за исключением лишь Кубы и Северной Кореи.

— Учитывая нынешнее разное состояние трех переходов, можно ли дать какую-то общую оценку произошедшего за двадцатилетие?

— При оценке переходов, произошедших полностью (а также произошедших частично или не произошедших совсем), можно пользоваться разными критериями эффективности, зависящими, прежде всего, от целей и мировоззрения оценивающих. Для реформистской части бывшей партийной элиты, административного аппарата, сотрудников спецслужб — тех людей в позднесоветских элитах, кто стремился лишь к переходу от плановой экономики к рыночной, — произошедшие изменения оказались весьма успешными. А вот для диссидентов, правозащитников, политических активистов, — тех, для кого обеспечение гражданских свобод, политических прав, формирование демократической системы были целями не менее важными, чем создание рыночной экономики, этот переход воспринимается как неудача, как провал неосуществленных надежд, как время растроченных усилий, как эпоха гибели достойных людей.

Например, для Егора Гайдара была дорога “стабильность сложившегося режима”, и он публично заверял, что “вне зависимости от своих симпатий или антипатий” будет делать все возможное для “тех, кто стоит у власти в моей стране”⁶. Для Анатолия Чубайса, утверждавшего, что он вместе с Егором Гайдаром “не проиграл страну” и “готов рыдать” от того, что в России “премьер-министр — бывший помощник Собчака Владимир Путин, а президент — молодой юрист из команды Собчака”⁷, полученный результат — очевидная удача.

А вот, очевидно, для Сергея Ковалева, Юрия Афанасьева, Гарри Каспарова итоги двадцатилетия оказались менее приемлемыми. Не думаю, что согласились бы с Гайдаром и Чубайсом, будь у них такая возможность, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Юрий Щекочихин, Анна Политковская, Александр Литвиненко, Магомед Евлоев, Наталья Эстемирова, Макшарип Аушев, Сергей Магницкий и тысячи других российских граждан, убитых, задавленных, сожженных в Норд-Осте, Беслане, Чечне, в тюрьмах, подъездах, на улицах по всей стране и за ее пределами.

Неодинаковыми ответы на ваш вопрос будут и у участников национально-освободительных движений в разных регионах бывшего СССР. Скажем, в странах Балтии, сумевших создать независимые государства, ставших членами ЕС и НАТО, можно получить, очевидно, более позитивные ответы. Для национальных же элит в некоторых автономиях России результаты воспринимаются менее оптимистично. Диапазон оценок различен — в зависимости от того, кто дает ответ, и какие критерии оценки он берет за основу.

Тем не менее, для российского гражданина, заинтересованного в долгосрочном процветании собственной страны, по прошествии этих лет ясно, что об успешности всех трех переходов к свободному обществу, о которых у нас шла речь, говорить не приходится. Тем более нет оснований говорить об успешности переходов в иных сферах.

— А именно?

— В частности, об успешности перехода в сфере общественной культуры. Под общественной культурой в данном случае понимаются устойчивые, регулярно воспроизводимые традиции в бытовом, экономическом, общественном, политическом поведении людей. Скажем, в ряде своих недавних работ Юрий Николаевич Афанасьев и его соавторы обращают внимание на сохранение многих культурных стереотипов, сохраняющихся в российском обществе, независимо от того, насколько меняются внешние, в том числе экономические и политические, условия.

Двадцать лет назад изменение общественной культуры в качестве цели трансформации большинством политиков и экспертов даже не обсуждалось. Однако за прошедшие годы важность перехода в сфере культуры постепенно начала осознаваться. Теперь уже многими признается, что успех перехода к иной экономической, политической и правовой системе, к иной государственной форме во многом зависит от успешности эволюции общественной культуры. Такой переход в современной России пока не состоялся. Да и сами проблемы культурного перехода лишь относительно недавно стали перемещаться с периферии общественной дискуссии к ее центру.

— Как Вы полагаете, почему?

— Отчасти это объясняется господством в мировоззрении советских и постсоветских людей экономического детерминизма, унаследованного от марксистского образования и по-прежнему широко распространенного в российском обществе. Кроме того, экономический детерминизм играл и играет важную роль в мейнстримовских работах по общественным наукам на Западе, ставших широко доступными для российского читателя после крушения “железного занавеса”.

Экономистам, участвовавшим в реформах в начале 1990-х годов, искренне казалось, что трансформации политической системы, социальной сферы, культуры являются во многом производными от успеха экономического перехода. Многие из тех, кто оказался в органах российской власти два десятилетия назад, полагали, что их задача заключается исключительно в осуществлении экономических реформ, и если они окажутся успешными, то переходы в других сферах либо произойдут сами собой, либо — благодаря успеху экономического перехода — будут существенно облегчены. “Мы создаем экономическую базу, кто-то другой пусть обеспечит переходы в других областях”, — такая точка зрения среди экономистов-реформаторов была широко распространена не только в начале 1990-х, но еще и в начале 2000-х годов.

Лишь осуществление значительной части (хотя и не всех) экономических реформ к середине 2000-х обнажило более глубокие препятствия для общественной эволюции, связанные с неосуществленностью культурного перехода. Лишь после того, как с принятием уже администрацией Владимира Путина большого пакета реформ в начале 2000-х годов был закреплен переход к новому экономическому бытию, лишь тогда, когда стабилизировалась макроэкономическая ситуация, и восстановился экономический рост, когда ощущение перманентного кризиса постепенно стало уходить из российского общественного сознания, стали очевидными и возможности, и ограничения воздействия на жизнь страны одного лишь перехода к рыночной экономике.

Если экономические реформы у нас оказались бы осуществленными в начале — середине 1990-х годов, когда их в основном провели в Центральной Европе и странах Балтии, то, возможно, и обсуждение вопросов культурного перехода у нас началось бы на десятилетие раньше. Однако бесконечные неудачи экономического реформирования 1990-х годов затянули не только восстановление объемов производства и уровня жизни населения, но и переход общественной дискуссии к новой стадии. До тех пор, пока не удавалось преодолеть “маленький холмик” экономического реформирования, не было видно “более высоких горных вершин” культурного перехода.

3. Спрос на реформы

— Правильно ли мы Вас поняли: Вы сказали, что реформы начала — середины 2000-х годов оказались успешными?

— В настоящее время факт перехода России к рыночной экономике представляется совершенно очевидным. Однако если бы наш разговор происходил не сегодня, а, например, в 1995 году или, скажем, в августе 1998 года, то ответ был бы, скорее всего, иным. Вряд ли кто-нибудь решился бы назвать ситуацию, сложившуюся на тот момент, успешным экономическим переходом.

Широко распространенными критериями минимальной успешности перехода к рыночной экономике считается снижение инфляции до более или менее приемлемого уровня и восстановление более или менее устойчивого экономического роста. Это те показатели, динамика которых легко воспринимается и более или менее однозначно интерпретируется и властями и общественностью.

Однако у многих участников дискуссий предреформенного времени, например, 1989 - 1991 годов, в том числе и у тех, кто позже оказался причастным к проведению экономических реформ, критерии реформаторского успеха были иными. Значительная часть претензий, предъявлявшихся советской плановой системе, заключалась в том, что по уровню экономического развития, по уровню жизни, по темпам экономического роста наша страна все больше отставала от окружающего мира. Независимо от того, какие именно параметры назывались в качестве важнейших — уровень и качество жизни граждан или нехватка ресурсов для проведения экспансионистской политики, — увеличивавшееся отставание страны от других стран мира было совершенно очевидным.

Безотносительно к тому, какой именно желаемый образ страны тот или иной автор видел в будущем, тогдашнее экономическое отставание воспринималось как убедительное свидетельство того, что СССР не выдерживает международной конкуренции. Поэтому одним из очевидных критериев успеха предстоящих трансформаций, как среди реформистской части советского руководства, так и среди представителей экспертного сообщества, называлось сближение показателей уровней экономического развития и личного потребления в нашей стране и в ведущих странах Запада. Или хотя бы прекращение нашего отставания от них.

Для тех, кто следил за динамикой абсолютных объемов и душевых показателей национального дохода и валового внутреннего продукта, не был большим секретом тот факт, что, по крайней мере, с середины 1970-х годов отставание нашей страны от США и других западных стран возрастало. Тренды, характерные для последнего пятнадцатилетнего периода существования СССР, заметно отличались от тенденций предшествовавших трех десятилетий (с середины 1940-х до середины 1970-х годов), когда экономическое отставание СССР от многих западных стран действительно сокращалось.

— Те, кто сегодня с придыханием вспоминают сталинские времена, утверждают, что в послевоенном СССР жизнь с каждым годом улучшалась. Но разве это не было просто пропагандой? И можно ли верить советским статистическим сборникам — все равно сталинских, хрущевских или брежневских времен?

— Разумеется, следует делать поправки на то, насколько качественной была советская статистика, насколько адекватно она отражала реальное положение дел, насколько велики были приписки. Тем не менее, по многим показателям экономического и социального развития в 1950-х — 1960-х годах, первой половине 1970-х годов (это были уже и хрущевский, и брежневский периоды в истории СССР) действительно наблюдалось уменьшение отрыва Советского Союза от развитых стран. Среди таких индикаторов — потребление продуктов питания, количество товаров длительного пользования, жилая площадь, детская и общая смертность, средняя продолжительность жизни. Отставание СССР от США и ряда западных стран по некоторым демографическим показателям сокращалось до середины 1960-х годов, по экономическим — до середины 1970-х.

Провозглашенный в 1957 году Н. С. Хрущевым курс “Догнать и перегнать Америку!” далеко не во всем выглядел безосновательным шапкозакидательством. Хрущев говорил о том, что тогда казалось достаточно очевидным, — о трендах экономического и социального развития, устойчиво наблюдавшихся в течение послевоенных лет и казавшихся вполне естественными. Можно было даже посчитать, когда именно (при экстраполяции существовавшего тогда превосходства СССР в темпах роста) произошла бы ликвидация его экономического отставания от Запада — к 1980-му, к 2000-му или 2050-му году. Само же преодоление отставания от развитых стран в будущем казалось тогда вполне предсказуемым и даже неизбежным — причем не только для советского руководства, но и для многих зарубежных наблюдателей. Конечно, понимание того, что общественная жизнь эволюционирует по более сложным законам, чем в соответствии с простой экстраполяцией прошлых трендов, пришло не сразу.

Однако вскоре тренды изменились: с середины 1960-х годов по демографическим показателям, с середины 1970-х годов — по экономическим. Сокращение отрыва СССР от развитого мира прекратилось, началось его отставание, нараставшее с каждым годом. О качественном изменении динамического положения страны в мире стало известно и специалистам, и коммунистическому руководству, которое немедленно засекретило целые разделы демографической и экономической статистики. И для самих себя, и для целей пропаганды власти пытались найти приемлемые идеологические отговорки. Однако к концу 1970-х — началу 1980-х годов осознание того, что отставание от окружающего мира приобрело характер не кратковременной флуктуации, а долгосрочного тренда, овладело, наконец, и политическим руководством СССР.

— Вы говорите о трендах роста. А как же тогда голод в начале 60-х? Как же подорожание водки и мяса, которым старики по сей день поминают Хрущева?.. А навеки вошедшая в анекдоты “царица полей”?

— Серьезные проблемы с продовольственным снабжением городов в СССР были всегда. Волнения рабочих в Новочеркасске в 1962 году, вызванные повышением цен на мясо,

были подавлены советскими войсками. Они не были единственными событиями такого рода. Массовые выступления граждан происходили в Караганде, Темиртау, Александрове, Муроме, Тбилиси, Грозном, Одессе.

С другой стороны, ни факты административного увеличения цен на те или иные товары, ни перебои с продовольствием в регулируемой экономике (тем более локальные) не были в состоянии существенно повлиять на динамику общенациональных показателей. Временной ряд значений ВВП для СССР, реконструированный блистательным британским экономистом (к сожалению, недавно ушедшим из жизни) Ангусом Мэддисоном, показывает, что в 1962 году этот показатель вырос на 2,7%.

Тем не менее, именно десятилетие с середины 60-х до середины 70-х для многих экономических трендов оказалось переломным. Сокращение отставания СССР от США, других западных стран, продолжавшееся три десятка послевоенных лет, замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. С середины 1970-х годов разрыв в уровнях экономического потенциала и экономического развития, сокращавшийся до того времени, стал увеличиваться. В советском руководстве нарастало ощущение, что с экономикой происходит что-то неладное.

Понимание, что рост экономики замедляется, и что сама она становится все более расточительной, что ресурсов для удовлетворения существующих запросов не хватает, вызвало в 1965 году к жизни первую серьезную попытку экономического реформирования, традиционно связываемую с именами харьковского экономиста Евсея Либермана и советского премьера Алексея Косыгина.

— А в чем был смысл этой реформы?

— С точки зрения сегодняшнего дня она была довольно мягкой — введение новых отчетных показателей, запускавших, по мнению их авторов, действие рыночных стимулов в рамках плановой экономики. Однако по тем временам она воспринималась как довольно радикальный пересмотр основных принципов хозяйственного механизма. Экономист Игорь Бирман называл ее тогда третьей наиболее важной реформой советской экономики — после НЭПа и сталинской хозяйственной реформы 1929 - 1931 годов. В рамках реформы 1965 года была расширена хозяйственная самостоятельность предприятий, сокращено количество директивных плановых показателей с приданием ключевой роли показателям прибыли и рентабельности, ликвидированы совнархозы, восстановлена отраслевая система управления народным хозяйством.

Реформа продемонстрировала важный поворот в эволюции представлений советского экономического и политического руководства — начался постепенный демонтаж командной экономики. В чем-то похожие, но более последовательные и более близкие к рыночным принципам, реформы, подготовленные Отто Шиком в Чехословакии в 1967 — 1968 годах, стали экономической частью программы преобразований Пражской весны 1968 года.

Воздействие реформы Либермана-Косыгина на темпы роста экономики оказалось весьма ограниченным: по сравнению с первой половиной 1960-х годов, во второй половине десятилетия они даже немного уменьшились (4,8 и 4,7% в среднем в год). В первой половине 1970-х годов темпы роста упали еще больше — до 2,9%, а во второй половине 1970-х — даже до 1,9%. Осознание факта нарастающего экономического отставания вызвало к жизни совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы” от 12 июля 1979 года.

— Да, помнится, в свое время в средствах массовой информации это постановление называли “эпохальным”. Оно действительно было таким?

— Не совсем. Пожалуй, даже наоборот. Реформа 1979 года оказалась весьма слабой — как по предложенным мерам, так и по полученным результатам. Широко разрекламированные меры — переход от валовой продукции к чистой, внедрение других показателей, по которым оценивалась деятельность предприятий, усиление материального стимулирования — не привели к ускорению экономического роста. Вместо этого темпы роста ВВП продолжали снижаться — до 1,8% в год в первой половине 1980-х годов.

– Вряд ли это по сути разговора, но вот просто чтобы вспомнить: Продовольственная программа СССР и лозунг “Экономика должна быть экономной” – это разве 79-й год? Не раньше?

– Это было немного позже. Лозунг “Экономика должна быть экономной” был провозглашен Леонидом Брежневым на XXVI съезде КПСС в феврале 1981-го. А Продовольственная программа СССР была принята в мае 1982 года. Тем не менее, для нашего разговора важно отметить, что упомянутые вами события иллюстрировали, во-первых, ухудшавшееся состояние советской экономики, не дававшее забыть об этом ни рядовым гражданам, ни партийному руководству. Во-вторых, они свидетельствовали о том, что власти постоянно пытались найти чудодейственный эликсир и среди хозяйственных инструментов, и среди идеологических лозунгов. В-третьих, тогда практически не проходило и года, чтобы власть не выступила с какой-либо новацией в сфере экономической политики, очередная неудача которой постепенно расширяла горизонты ее мышления и стимулировала осуществление следующего шага.

После прихода к власти Юрия Андропова были предприняты меры иного рода – под условным названием “Порядок и дисциплина”. Массовые облавы на “прогульщиков” в универмагах и кинотеатрах в 1983 году вызвали оторопь у уже достаточно либерализованного к тому времени советского общества и не имели значимых экономических последствий.

– Эта кампания, кажется, длилась всего несколько месяцев. Андропов ведь почти сразу тяжело заболел и пробыл у власти очень недолго. А год правления Черненко в этом смысле вообще как будто не замечателен ничем.

– Действительно, из-за своей легендарной физической и интеллектуальной слабости, а также краткого срока пребывания во власти Константин Черненко не успел предпринять в экономике чего-либо заметного. Однако с приходом Михаила Горбачева к власти в марте 1985 года начинается непрерывная серия экономических новаций – борьба с алкоголизмом, политика ускорения, принятие законов о предприятии, о кооперации, об аренде, концепции регионального и республиканского хозрасчета, программы перехода к рыночной экономике.

Если взять за временные границы 1979 год, когда было принято постановление ЦК и Совмина о совершенствовании хозяйственного механизма, а также 2005 год, когда российским правительством была проведена последняя заметная экономическая реформа (по монетизации социальных льгот), то можно идентифицировать чуть более чем 25-летний период в истории страны, в течение которого задача “осуществления экономических преобразований” (в терминологии 1988 – 2005 гг. – “проведения экономических реформ”) почти непрерывно лидировала в национальной повестке дня. До 1979 года коммунистические власти обращались к масштабным изменениям экономической системы лишь спорадически. После 2005 года сам термин “экономические реформы” фактически исчезает из речи представителей российского руководства.

В течение этого немногим более чем четвертьвекового периода не было иного вопроса, какой столь же последовательно занимал бы внимание властей и общества, чем экономические реформы. Лишь на короткое время на первое место в рейтинге важнейших тем выходили другие проблемы – смена первых лиц в стране, политические преобразования конца 1980-х – начала 1990-х годов, Августовский путч (и Августовская революция) 1991 года, роспуск СССР, российско-чеченские войны.

После пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР в июне 1987 года, одобдивших закон о предприятии, основной вектор эволюции представлений и партийного руководства, и союзного правительства, и утверждаемого законодательства стал совершенно очевидным: советская экономическая система движется в сторону рынка. Задача перехода к рыночной экономике была четко сформулирована коммунистическими властями.

По их заказу были подготовлены программы экономических реформ как для СССР, так и отдельных республик, включая и Россию: программа реформ союзного правительства Николая Рыжкова, программа Леонида Абалкина, “президентская программа” (“100 дней” Николая Петракова и Бориса Федорова), “Четыреста дней доверия” Григория Явлинского, совместная программа российского и союзного правительств “Переход к

рынку (Пятьсот дней)”, называвшаяся также программой ШаталинаЯвлинского, компромиссный план Абеда Аганбегяна, программа правительства Валентина Павлова, программа интеграции СССР в мировую экономику “Согласие на шанс” Григория Явлинского и Грэма Аллисона; программа реформ Игоря Нита и Павла Медведева, программа Евгения Сабурова, программы приватизации Михаила Малеев, Дмитрия Беднякова, Петра Филиппова. Экономические реформы обсуждались также и во многих экономических центрах, включая академические и отраслевые институты. Новыми центрами экономической мысли стали “Эпицентр” Григория Явлинского и московско-ленинградская группа Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Развернутые программы перехода к рыночной экономике были предложены советским властям консорциумом международных финансовых организаций в исследовании “Экономика СССР. Выводы и рекомендации”⁹, группой зарубежных экономистов под руководством Мертона Пека и Томаса Ричардсона в книге “Что делать?”, подготовленной и изданной в Международном институте системного анализа (IIASA) в Австрии¹⁰. К началу 1990-х годов был накоплен солидный потенциал идей по экономическому реформированию, подкреплявшийся к тому же опытом осуществления практических реформ не только в странах Восточной Азии и Латинской Америки, но уже и в странах Центральной Европы и даже в республиках Балтии (в частности, в Эстонии).

Экономические реформы лидировали в рейтинге значимости проблем страны и привлекали огромное внимание советских властей. Их действия в других областях часто выполняли своего рода вспомогательную роль. Даже преобразования политической системы с созданием Съезда народных депутатов и конкурентными выборами были начаты отчасти в надежде использовать их как средство, облегчавшее проведение экономических преобразований. Обсуждавшееся предоставление союзным центром больших прав союзным республикам в рамках СССР (в том числе с переходом на республиканский хозрасчет) поначалу рассматривалось с точки зрения ускорения экономических реформ “на местах”.

— Но это как раз понятно: мир для марксистов (а марксистами, как кажется, были все поголовно), как на трех китах, зиждился на экономическом базисе, так что неудивительно, что для советских властей абсолютным приоритетом были экономические реформы.

— Я бы сказал, что приоритетом для властей было скорее поддержание экономической мощи, а экономические реформы воспринимались ими в качестве необходимого средства по ее созданию и поддержанию. Непосредственно же избранный тип экономических реформ явился результатом длительной эволюции представлений коммунистического руководства и, конечно же, личного выбора Михаила Горбачева. До конца 1970-х годов в постоянной повестке дня советских властей экономических реформ не значилось, и даже еще в 1983 году их пытались заменить андроповским административным прищипыванием.

Что же касается правозащитников, диссидентов, участников демократического движения, то хотя их целевые приоритеты были иными, проведение экономических реформ им не противоречило. На этой почве обнаружилась возможность для формирования политической коалиции между реформистской частью партийной и силовой бюрократии и демократическим движением по поводу осуществления программы реформ, включавшей как экономические, так и политические преобразования. Только одними участниками такого союза политические реформы воспринимались как средство для осуществления экономических реформ; для других же политическая трансформация была главной целью.

В чем-то похожим образом формировалась и де-факто коалиция реформистского крыла союзной бюрократии с национальными движениями в республиках Балтии и Закавказья. Проведение экономических реформ в республиках воспринималось в качестве шага к национальной независимости; для центральных же властей это был лишь способ привлечения союзников в политической борьбе против консервативной части коммунистического руководства. Лишь тогда, когда национальные движения набрали силу, центру стало ясно, насколько неприемлемыми для него являются их конечные цели. И та политическая коалиция, которая формировалась в 1987 — 1989 годах,

рассыпалась на глазах. Ее участники оказались по разные стороны баррикад, что стало очевидным в апреле 1989 года в Тбилиси, в январе 1991 года в Вильнюсе и Риге.

— Вы говорили об откровенной неудаче экономического реформирования в начале 90-х. Потом сказали, что переход к рынку оказался более или менее успешным. Но не договорили о критериях этой успешности.

— По сравнению с критериями успешности реформ, возобладавшими в обсуждениях в 1990-е годы (снижение темпов инфляции, возобновление экономического роста), в конце 1980-х — начале 1990-х годов критерии успешности реформирования воспринимались по-другому. Как для властей, так и для многих представителей аналитического сообщества критерием успеха предстоящего преобразования экономической системы должна была стать как минимум стабилизация относительных показателей экономического развития нашей страны по сравнению с западными государствами.

Сокращение удельного веса Советского Союза в мировом ВВП происходило еще с начала 1960-х годов. Прежде всего, это было обусловлено снижением удельного веса населения СССР в мире из-за более высоких темпов естественного прироста в развивающихся странах. Однако затем стала снижаться и относительная величина ВВП на душу населения в СССР: с середины 1970-х годов — по сравнению с показателями США и стран Запада, а с первой половины 1980-х — и по сравнению со среднемировым уровнем. Поэтому лишь стабилизация этих соотношений означала бы, что темпы роста советской экономики не уступают темпам роста западных стран и мировой экономики. Иными словами, вместо безнадежно устаревшего к тому времени лозунга “Догнать и перегнать!” де-факто был выдвинут другой — “Хотя бы не отставать!”

По прошествии более чем двух десятилетий с начала наиболее заметных экономических реформ в конце 1980-х годов и по прошествии уже тридцати с лишним лет с конца 1970-х годов, когда тема “экономические преобразования” стала лидировать в национальной повестке дня, можно констатировать, что задача, сформулированная советскими властями и экспертами в 1980-х годах, по-прежнему не решена. Более того, уровень экономического развития России относительно США и западных стран сегодня ниже, чем он был не только в конце 1980-х — начале 1990-х, но и в середине 1970-х годов. Если в 1976 году российский ВВП на душу населения составлял 42,9% от тогдашнего показателя США, в 1989-м — 37,5%, в 1991-м — 35,6%, то в 2008 году — уже 31,5%, а в 2009-м — лишь 30,1%. Если в середине 1980-х годов ВВП на душу населения в России превышал среднемировой уровень на 70%, а в 1991-м — на 54%, то в 2009 году — лишь на 17%. Иными словами, в чисто экономическом отношении Россия продолжала отставать от окружающего мира и в последние два десятилетия.

Следует, конечно, отметить, что “дно” относительного спада было достигнуто в 1998 году: тогда ВВП на душу населения упал до 17% от американского показателя. Несомненно и то, что в 1999 - 2008 годах в нашей стране происходил быстрый экономический рост, опережавший по своим темпам рост и в США и во многих других странах, и в значительной степени сокративший катастрофическое отставание страны, возникшее в советское время и усугубленное во время “Долгого кризиса 1990 - 1998 годов”. Однако даже с учетом итогов последнего десятилетия, фактически удвоившего размеры ВВП по сравнению с нижней точкой экономического спада в 1998 году, результат прошедшего “двадцатилетия реформ” оказывается, мягко говоря, не слишком впечатляющим. Тем более что теперь не менее значимым оказывается сопоставление экономического положения нашей страны не только с Западом, но и с Востоком.

При таких результатах встают непростые вопросы об обоснованности сделанного выбора, о совершенных во время перехода ошибках, о существовавших альтернативах. Причем отказ защитников позиции, согласно которой все реформы были проведены абсолютно правильно, от обсуждения таких болезненных вопросов лишь усиливает подозрения в отсутствии у них убедительных аргументов.

4. Предложение реформ

— То есть мы правильно поняли, что общественно-политическая полемика относительно плюсов и минусов проведенных реформ существенно затруднена...

— Увы, полемика сильно политизирована и нередко опирается не на факты, а на мифологизированную историю реформ.

Устойчивый спрос на экономические реформы возник в конце 1970-х годов. Главным источником этого спроса были союзные власти. Тот, кто готовил реформы, взаимодействовал непосредственно с ними. И Леонид Абалкин, и Николай Петраков, и Борис Федоров, и Григорий Явлинский, и Евгений Сабуров, и Игорь Нит, и Павел Медведев, и Егор Гайдар — все они, так или иначе, работали с органами союзного управления. Пожалуй, лишь Виталий Найшуль написал свою “Другую жизнь” не для ЦК КПСС, а для Самиздата.

Появление на политической арене российского парламента и Бориса Ельцина радикально изменило сложившийся характер взаимодействия потенциальных реформаторов с властями. Думаю, что в том, что и как произошло в стране в 1991 году, был существенный элемент случайности. Если бы у Ельцина был шанс получить политическую власть в Советском Союзе, не исключено, что и история страны могла повернуться по-другому, и мы сейчас обсуждали бы, возможно, совсем другие проблемы. Но так получилось, что в силу цепочки событий Ельцин оказался избранным на Съезд народных депутатов РСФСР, а затем еще и в Верховный Совет РСФСР. Именно с помощью российского парламента — в силу более быстрого развития демократических процессов в России, чем в Советском Союзе в целом, — у Ельцина появилась возможность получить реальную политическую власть. В результате тяжелой борьбы на Съезде с перевесом в четыре голоса 12 июня 1990 года Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР.

Эта дата и стала, судя по всему, началом агонии Советского Союза. Все попытки остановить Ельцина политическими методами, в том числе и на президентских выборах с помощью Николая Рыжкова, не увенчались успехом. Когда год спустя, 12 июня 1991 года, Ельцин победил уже на прямых президентских выборах в России, то у участников будущего ГКЧП, строго говоря, не оставалось несиловых методов для того, чтобы его остановить. Тем более что последовательно провалились и другие попытки “вывести” Ельцина “из политической игры”, — в частности, с помощью спецназа КГБ.

— О чем речь?

— Было предпринято несколько попыток решить проблему Ельцина традиционными для спецслужб способами. То ли в силу случайности, то ли в силу своего невероятного чутья Ельцину удалось избежать появления там, где его терпеливо ждали. Сейчас нет необходимости останавливаться на этом подробно. Повторим лишь, что после того, как эти попытки не удались, никаких других способов остановить Ельцина и, следовательно, распад Советского Союза у будущих ГКЧПистов уже не оставалось. Выход из СССР Балтийских государств с трудом, но еще можно было перенести, а вот выход из своего состава России Советский Союз по очевидным причинам пережить не мог. Так что дальнейшие шаги тех, кто не мог представить себе существование страны вне рамок СССР, были предопределены событиями 12 июня 1990 года и 12 июня 1991 года.

При этом следует все же отметить, что хотя в ГКЧП оказались люди, представления которых об обществе и общественной эволюции были, скажем так, весьма специфическими, тем не менее, для некоторых из них сам факт существования рыночной экономики не был чем-то абсолютно непредставимым. Непредставимым для них являлось прекращение существования Советского Союза. Провал Августовского путча и победа Августовской революции оказались решающими в процессе роспуска СССР. Процесс, запущенный 12 июня 1990 года и достигший кульминации у стен Белого дома 19 — 22 августа 1991 года, достиг своего финала 8 декабря 1991 года в Беловежской Пуще. Иными словами, весь процесс роспуска Советского Союза был завершен за полтора года. Дальнейшие события и в политике, и в экономике в большой степени были предопределены тем, что произошло в эти восемнадцать месяцев. Специалисты, занимавшиеся подготовкой экономических реформ в Советском Союзе, оказались перед неожиданной дилеммой. Некоторые из них осознали ее сразу, некоторые — позже, но именно скорость решения ими этой дилеммы во многом предопределила их последующую политическую судьбу. Тот, кто, как теперь говорят, считал лучше и понял, что провал Августовского путча означает конец Советского Союза, осознал, что реальной властью становится только российская власть и, значит, работать надо с ней. Тот, кто

понял это раньше других и предпринял необходимые для этого шаги, получил шанс на политическое выживание. Тот же, кто, руководствуясь традиционными представлениями, базировавшимися на истории предшествовавших десятилетий, полагал, что Россия и другие республики – это лишь второстепенные детали на фоне великого СССР с его мощной союзной властью, тот, кто пытался продолжать работать с остатками союзных властей, тем самым во многом похоронил свое политическое будущее.

Эти два подхода отчетливо проявились в действиях двух наиболее ярких представителей когорты позднесоветских экономических реформаторов – Григория Явлинского и Егора Гайдара. Ирония судьбы проявилась в том, что еще за год до августа 1991-го каждый из них был вовлечен в дела, практически противоположные тем, какими они занялись год спустя.

После своего избрания руководителем Верховного Совета России Борис Ельцин пригласил Явлинского, уже известного ему автора программы реформ для союзных властей “Четыреста дней доверия”, на пост вице-преьера российского правительства и попросил его подготовить программу реформ для России. Тот согласился готовить совместный документ для российских и союзных властей и пригласил для этого известных ему экономистов. Ему удалось привлечь Бориса Федорова, ставшего министром финансов и одним из соавторов программы реформ, получившей название “Пятьсот дней”. Евгений Ясин, бывший в то время заведующим отделом Госкомиссии по экономической реформе союзного правительства, в российское правительство не пошел, но в подготовке программы участие принял.

Неудача постигла Григория Явлинского, когда он пригласил для работы над программой реформ Александра Шохина и Егора Гайдара. Шохин служил помощником союзного министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе и предпочел им и остаться. А у Гайдара к тому времени за плечами было уже несколько лет работы с ЦК КПСС и Совмином СССР – он регулярно писал записки и для союзного правительства, и для Михаила Горбачева, участвовал в подготовке книги “Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы”, вышедшей затем под авторством советского премьера Николая Тихонова. К 1990 году Гайдар уже поработал редактором экономического отдела журнала “Коммунист” и стал редактором экономического отдела газеты “Правда”. На предложение Явлинского Гайдар ответил отказом, сказав “буквально, что он находится в команде Горбачева и потому не перейдет к Ельцину”¹¹. По воспоминаниям Б. Федорова, Гайдар сослался на обязательства перед “Правдой” и ее главным редактором Иваном Фроловым¹². По словам Е. Ясина, Гайдар “не привлёкся”: “Мне позвонил Явлинский: приезжайте скорей, начинается работа над программой “500 дней”. Гайдара тоже пытались привлечь, но он не привлёкся”¹³. Сам же Гайдар писал об этом так: “Летом 1990 года отклоняю предложение Григория Явлинского поработать в российском правительстве. Не в последнем счете и потому, что не хочу оставлять Горбачева в тяжелое для него время”¹⁴. Работа в российском правительстве для Гайдара, очевидно, тогда была не слишком привлекательной. Не исключено, что свою роль играло и его личное отношение к Григорию Явлинскому¹⁵. Но главное было в другом: Гайдар уходил из “Правды” в Институт экономической политики, только что созданный Горбачевым специально для него, в качестве благодарности за хорошо подготовленные и понравившиеся ему материалы.

Год с небольшим спустя отношение Гайдара к Горбачеву и Ельцину немного изменилось. 19 августа 1991 года он позвонил экономическому помощнику Горбачева Олегу Ожерельеву и поинтересовался, может ли он сделать что-нибудь для его (и своего) шефа. Отсутствие информации из Фороса и уклончивая позиция Ожерельева помогли Гайдару освободиться от прежних обязательств и, не мешкая, продемонстрировать лояльность, говоря его собственными словами, новому, уже российскому, “начальству”¹⁶. Очевидно, день 19 августа 1991 года для Горбачева был, по мнению Гайдара, уже не столь тяжелым временем, как июль 1990 года. На следующий день партийное собрание Института экономической политики приняло решение о выходе своих сотрудников из КПСС и о ликвидации самой партийной организации. Вечером 20 августа Гайдар лично направился в российский Белый дом. На встрече с Геннадием Бурбулисом он заявил о готовности сотрудничать с Борисом Ельциным.

В отличие от Егора Гайдара Григорий Явлинский, бывший летом предыдущего года вице-премьером российского правительства и работавший над совместной российско-союзной программой реформ (“программой Горбачева-Ельцина”, “программой 500 дней”, “программой Шаталина-Явлинского”), по своему мировоззрению оставался прежде всего “человеком союзным”. Когда после провала Августовского путча кабинет Валентина Павлова был распущен, и вместо него был создан Межгосударственный экономический комитет Ивана Силаева, Явлинский стал заместителем руководителя этого комитета. На новой должности Явлинский энергично взялся за подготовку экономического договора между бывшими союзными республиками, каждая из которых к тому времени либо уже провозгласила свой суверенитет, либо же готовилась это сделать. Тогда было еще неясно, чем станет формирующийся организм — федерацией, конфедерацией, или же его не будет вовсе. Очевидно, что в своей деятельности Явлинский был не готов немедленно переориентироваться исключительно на Россию. Более того, он не считал это правильным.

В отличие от Явлинского, Гайдар произвел переориентацию на сотрудничество с российской властью за один день — 19 августа. Возможно, свою роль сыграло его предварительное знакомство с прогнозами Бориса Львина о неминуемом крахе СССР. Возможно, верным оказался его политический анализ, не оставлявший шансов Горбачеву. Возможно, его не подвело аппаратное чутье. Как бы то ни было, но именно этот шаг во многом предопределил его дальнейший административный и политический успех. Предложение Гайдара Геннадием Бурбулисом было принято, и для подготовки пакета экономических реформ именно гайдаровской команде была предоставлена ставшая легендарной пятнадцатая дача в дачном поселке российского правительства Архангельское. Летом 1990 года Гайдар, казалось, совершил непоправимую ошибку, отказавшись от сотрудничества с российскими властями. Однако своей оперативной реакцией во время Августовского путча он попытался ее исправить. Когда 28 октября 1991 года на V Съезде народных депутатов Борис Ельцин произносил свою знаменитую речь о радикальной экономической реформе, это был текст, написанный в основном уже гайдаровской командой.

Тем не менее, когда встал вопрос о назначении нового российского правительства и о формировании его экономической части, свое первое предложение 3 ноября 1991 года Борис Ельцин сделал все же Григорию Явлинскому. И лишь после того, как тот ответил на него отказом, Геннадий Бурбулис на следующий день проинформировал Егора Гайдара о назначении того на пост вице-преьера российского правительства. Строго говоря, Явлинский отказался от предложенного поста лишь тогда, когда получил отрицательные ответы на два своих предложения: о сохранении экономического договора между постсоветскими государствами и о начале реформ в России путем продажи гражданам государственной собственности со стерилизацией полученных денежных средств и постепенной либерализацией цен.

Предложение Явлинского об экономическом договоре республик могло показаться Ельцину подозрительным, поскольку, возможно, воспринималось им в качестве составной части попыток Горбачева сохранить на месте СССР “мягкую конфедерацию” под вывеской Союза Суверенных Государств (ССГ). Сохранение межреспубликанского союза в какой бы то ни было форме означало бы, так или иначе, сохранение Горбачева в качестве значимой политической фигуры и, следовательно, неизбежный раздел власти с ним. На это Ельцин, естественно, пойти не мог.

Так что на самом деле критерий, в соответствии с которым произошел выбор первого реформатора России, судя по всему, оказался несколько иным, чем об этом принято сейчас говорить. Выбор реформаторской команды определила не только и не столько предложенная ею содержательная программа реформирования, сколько лояльность ее руководителя политическому курсу российского руководства, о несогласии с которым Гайдар успел неоднократно высказаться в 1990-1991 годах.

5. Программы реформ

— За месяцы, прошедшие со смерти Гайдара, появилось довольно много статей, где говорится о формировании того правительства. В частности, утверждается, что никто не хотел брать власть. Это так?

— Один из мифов, относящихся к тому времени, гласит, что все отказывались от власти, согласился на нее лишь один Егор Гайдар. Конечно, это не так. Готовы были (и очень хотели) взять власть многие — и Юрий Скоков, и Олег Лобов, и Святослав Федоров, и Евгений Сабуров. Но власть им не предлагалась. Предложено было двоим — Григорию Явлинскому и Егору Гайдару. Причем Явлинский сформулировал условия своего контракта. Гайдар согласился без условий.

Егор Гайдар был готов делать реформы по сути дела в любой ситуации: если существует Союз, то — в Союзе, если Союза нет, то — в России; если реальная политическая власть принадлежит Горбачеву, то — с Горбачевым, если власть у Ельцина, то — с Ельциным. Тем самым он показал себя малосентиментальным прагматиком, понимающим законы власти и неукоснительно следующим этим законам. Григорий Явлинский пытался придерживаться определенных моральных принципов и привнести их в политику. Независимо от того, какими именно они были, ему этого не удалось.

— Приходилось читать, что программа Гайдара была последовательной, радикальной, глубокой и серьезной, и что ни у кого другого ничего подобного не было. Это так? И еще: чем программа реформ Гайдара отличалась от программы реформ Явлинского?

— Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под программой реформ. Если говорить о представлении, что нужно делать, то оно, несомненно, и у Егора Гайдара, и у членов его команды было. Было немало статей, записок, разработок, в которых Гайдар и его коллеги высказывали отдельные идеи, предлагали возможные решения, обсуждали те или иные направления реформ. Было немало профессиональных обсуждений в рамках семинаров московско-ленинградской группы экономистов и руководимого Гайдаром Института экономической политики. Если же говорить о написанном тексте под названием “программа реформ”, то такого документа у гайдаровской команды не было.

Программы необходимых действий были у многих экономических команд. У Григория Явлинского и его коллег было несколько текстов (в том числе программы “Четыреста дней”, “Пятьсот дней”, “Согласие на шанс”). Программы реформ были у союзных правительств Рыжкова и Павлова. У Игоря Нита и Павла Медведева была концепция “обратимых денег”. Несколько текстов были написаны Евгением Сабуровым. Возможно, единственной заметной группой профессиональных экономистов, у какой не было подобного документа, оказалась гайдаровская команда.

Конечно, само наличие текстов программ у той или иной группы еще ничего не говорит об их качестве, а отсутствие у них текстов программ — о непонимании ее членами того, что надо было делать. Проблема однако в том, что сравнивать имеющиеся написанные программы одних команд с представлениями членов гайдаровской команды затруднительно. Ирония российских реформ проявилась, в частности, в том, что право осуществлять их было предложено тому, чья программа действий была малоизвестна за пределами круга членов его собственной команды. Впрочем, как показали дальнейшие события, представления о возможных действиях Гайдара не были слишком известными и в пределах этого узкого круга. Отсутствие публичного документа с изложением программы действий затем породило немало претензий со стороны и общественности и российского парламента, в течение всего срока существования гайдаровского правительства требовавшего от последнего ее предъявления.

Лишь летом 1992 года такую программу подготовила рабочая группа гайдаровского правительства с участием ряда российских аналитических центров под руководством Сергея Васильева и присоединившегося к нему позднее Евгения Ясина. Документ получил название “Программа углубления экономических реформ правительства Российской Федерации”.

— То есть Вы хотите сказать, что они сами не знали, что делают? Или просто не удосужились записать свои проекты на бумаге?

— Нет, еще раз повторюсь: представления о том, что надо делать, и у Егора Гайдара, и у его коллег, вне всякого сомнения, были. На семинарах московско-ленинградской группы,

Института экономической политики детально и квалифицированно обсуждались вопросы внутренней и внешней либерализации, финансовой стабилизации, приватизации, последовательности реформ, их социальные ограничения, политические препятствия и многое другое. Но вот документа, который можно было бы продемонстрировать и депутатам, и широкой публике и сказать: “Вот здесь вы можете прочитать то, что мы собираемся делать”, — до начала реформ не было. Строго говоря, документа с изложением замысла реформ (а не объяснения и оправдания их пост-фактум) не появилось и после. Лишь в 1993 году и лишь на английском языке вышла изданная Фондом Эберта в Варшаве книга под названием “Программа Гайдара”. Но это было не изложение программных документов гайдаровской команды. Это был сборник статей, посвященных разработке реформ, их обсуждению и осуществлению, написанный под руководством тогдашнего советника российского правительства, директора польского исследовательского центра CASE Марека Домбровского.

Наиболее развернутые материалы по реформированию экономики были подготовлены членами гайдаровской команды в сентябре-октябре 1991 года на пятнадцатой даче в Архангельском. Это был большой пакет нормативных документов: проекты указов президента, законов для парламента, правительственных постановлений, а также многочисленные аналитические записки об экономическом положении страны. Но для того, чтобы разобраться в этих документах, надо было брать весь этот пакет материалов и анализировать его целиком. Даже для специалистов это был не самый удобный формат работы. Широкой публике и депутатам Съезда разобраться в этом было еще труднее.

Увы, никакого единого удобочитаемого текста, в котором бы на десяти, ста или даже пятистах страницах излагались бы концепция действий правительства, их обоснование и последовательность, количественные и качественные ориентиры, возможные альтернативы и ожидаемые развилки, не было. Поэтому утверждение о том, что сторонние наблюдатели могли оценить программу реформ Гайдара, дать ей какие-либо характеристики, тем более сравнить ее с программами других экономических команд, является мифом. С другими документами можно было сравнивать не программу реформ, а лишь рассказы о ней.

В современной российской дискуссии детали подготовки экономических реформ в конце 1980-х — начале 1990-х годов оказались позабыты настолько, что сейчас можно встретить удивительные утверждения, вообще отрицающие существование чьих-либо программ, за исключением программы Гайдара: мол, ни у кого, включая и Явлинского, программы не было, а вот у Гайдара — была. Тогда, во-первых, возникает вопрос, к какому именно жанру текстов относятся документы под названиями “Четыреста дней” и “Пятьсот дней”. А, во-вторых, возникает просьба показать текст программы Гайдара. Пока это не очень получается.

Наряду с мифом о существовании текста гайдаровской программы реформ, можно отметить еще несколько популярных мифов, относящихся к тому времени: что выбор первого реформатора страны произошел из-за качества его программы, что иных программ экономических реформ не было, что никто тогда не готов был взять власть, что Гайдар спас страну от голода, гражданской войны и распада.

— Но голод был... Пенсионеры, роющиеся на помойках, просящие милостыню, интеллигенция, торгующая с лотков, собирающая бутылки...

— То, о чем вы говорите, относится все же не к 1991-му, а к другому времени — к 1992-му и последующим годам. Осенью 1991 года голода не было. Серьезные перебои со снабжением крупных городов — были, многочасовые очереди за продовольствием — были, карточки и талоны — были. Но массового голода с резким ростом смертности и гибелью тысяч людей от недоедания осенью 1991 года не было. В то же время во многих семьях были накоплены большие запасы продуктов длительного хранения. Наиболее же острая фаза в ситуации с продовольствием, наступившая в ноябре-декабре 1991 года, была в немалой степени спровоцирована действиями самих российских властей, объявивших в конце октября 1991 года о грядущей либерализации цен 1 декабря 1991 года, но перенесшей ее вначале на 16 декабря, а затем и на 2 января 1992 года.

Неудивительно, что те граждане, у кого были свободные деньги, постарались их как можно быстрее потратить, а предприятия торговли постарались придержать товары до либерализации цен. В наибольшем проигрыше оказались люди наименее состоятельные,

наиболее законопослушные и наименее склонные к радикальному изменению своего экономического поведения.

Что же касается гражданских войн на территории страны, то действия гайдаровского правительства их предотвратить не могли и не предотвратили. В 1991 году на территории России гражданских войн не было. Они начались позже. В октябре - ноябре 1992 года произошли кровавые столкновения между осетинами и ингушами в Пригородном районе. А в октябре 1993 года скоротечная гражданская война развернулась на улицах Москвы.

Не соответствует действительности и утверждение о том, что Гайдар предотвратил распад страны. Существовавший тогда СССР был распущен в результате Беловежских соглашений, в подготовке которых он сам принимал непосредственное участие. За это, думаю, его следует как раз поблагодарить. Так же как и за то, что он выступал против развязывания первой российско-чеченской войны, нацеленной, как некоторые ошибочно полагают, на преодоление распада России.

6. Поворотные точки российской истории

— Хорошо, скажите, пожалуйста, принесло ли ожидавшиеся результаты осуществление гайдаровских реформ, пусть они и не были зафиксированы на бумаге и существовали лишь в виде представлений Гайдара и его коллег?

— Для ответа на этот вопрос попробуем взглянуть на логику политико-экономической эволюции страны, делая упор на ключевые поворотные точки ее недавней истории. Два с лишним года тому назад мы с вами уже делали нечто подобное. Попробуем еще раз ответить на вопрос: на каких развилках в жизни страны были приняты решения, сделавшие неизбежным поворот ее политической и правовой системы в направлении нынешних авторитаризма, насилия, беззакония? Тогда мы отмечали (и сегодня это, кажется, никем не оспаривается), что последняя по времени принципиальная точка перелома — это лето и осень 2003 года, когда власти арестовали Платона Лебедева и Михаила Ходорковского и начали разгром компании ЮКОС.

Почему силовики напали на ЮКОС? Почему были арестованы Лебедев и Ходорковский? Почему была разгромлена лучшая нефтяная компания страны? Ответ очевиден: у группы сотрудников спецслужб, пришедших к власти в России в 1999 - 2000 годах, сложилось впечатление, что в результате выборного цикла 2003 - 2004 годов они могут потерять значительную часть своей власти. Ими не исключалось, что на декабрьских выборах 2003 года Ходорковский и политические силы, ассоциировавшиеся с ним, могли бы завоевать существенные позиции в российском парламенте. Михаил Ходорковский не скрывал, что в случае победы своих сторонников будет добиваться перехода страны от президентской к парламентской республике.

Такое развитие событий, вне всякого сомнения, лишило бы эту группу силовиков значительного объема политической власти и экономических привилегий. Как и в случае с Ельциным в 1990 - 1991 годах, у них уже не оставалось несилевых методов для того, чтобы пресечь казавшийся им неостановимым марш Ходорковского к власти. Для сохранения своего положения они постарались сделать с Ходорковским почти то же самое, что в свое время КГБ пытался и не смог сделать с Ельциным. Попытки запугать Ходорковского и выдвинуть его из страны не удались. “Пришлось” его арестовывать и сажать в тюрьму. Что, конечно, сопровождалось немалыми репутационными издержками, но компенсировалось, с их точки зрения, несомненной политической целесообразностью. По сути дела аресты Лебедева и Ходорковского стали Июльско-октябрьским путчем 2003 года — исправленным и уточненным изданием Августовского путча 1991 года. И тот, и другой были нацелены на недопущение ожидавшегося существенного перераспределения политической власти — по результатам подписания Союзного договора в 1991 году и по результатам парламентских выборов в 2003 году. В отличие от Августовского путча 1991 года, Июльско-октябрьский путч 2003 года проводился силами не военных, а сотрудников спецслужб и оказался намного более успешным для его организаторов.

Тогда возникает следующий вопрос: если Июльско-октябрьский путч 2003 года был “неизбежным”, если он был предопределен более ранними событиями, то когда была достигнута предыдущая точка исторического перелома? Очевидно, им был приход Владимира Путина к власти в результате президентских выборов 2000 года. Однако

результат этих выборов во многом был уже predetermined решениями Бориса Ельцина: в декабре 1999 года – о назначении Путина исполняющим обязанности президента страны, а за пять месяцев до того, в августе 1999 года, – премьер-министром.

Сами же эти решения Ельцина были фактически predetermined последствиями августовского кризиса 1998 года, в результате которого Ельцин вынужден был отказаться от выбора своего преемника среди перебиравшихся им гражданских кандидатов – Явлинского, Гайдара, Чубайса, Немцова, Кириенко. Лишь после августовского кризиса Ельцин начал искать кандидата в президенты среди силовиков. Тогда им стали рассматриваться кандидатуры Бордюжи, Николаева, Степашина, Путина. Только кризис 1998 года, поставивший самого Ельцина на грань политического выживания, вынудил его совершить радикальный разворот в сфере поисков своего преемника и, следовательно, во многом predetermined последующее политическое развитие страны.

Но если точкой перелома оказался августовский кризис 1998 года, то тогда возникает вопрос: а можно ли было его избежать или же каким-либо образом смягчить? Как мы уже отмечали ранее, непосредственно к кризису 1998 года страну привели: макроэкономическая политика, получившая популярное название “валютного коридора”, проводившаяся в течение почти четырех лет (1995 - 1998 годы) Чубайсом и Дубининым при активном участии Гайдара, а также политика, проводившаяся руководством Центробанка (Дубининым и Алексашенко) летом 1998 года. Конечно, такие действия могли привести к кризису чуть раньше или немного позже, с более или менее тяжелыми экономическими и политическими последствиями. Но неизбежность и валютного, и долгового кризисов была фактически predetermined с момента начала проведения политики “валютного коридора” в 1995 году.

Почему же была начата и проводилась такая политика? Выбор ее был сделан осенью 1994 года, когда Анатолий Чубайс был назначен первым вице-премьером правительства с целью достижения финансовой стабилизации. К этому решению властей вынудил провал предыдущей попытки финансовой стабилизации, оставившей по себе память в виде так называемого черного вторника 11 октября 1994 года, когда валютный курс рубля за одну торговую сессию упал на 32%. Решение о финансовой стабилизации с заниженным курсом рубля (exchange-rate based stabilization program) было принято несколькими днями ранее во время экономического совещания на сочинской даче Черномырдина с участием Черномырдина, Чубайса, Дубинина, Геращенко, Вавилова.

А что же привело экономическую часть российского кабинета к такому решению? Оно было вынужденным после провала финансовой стабилизации в течение предшествовавших месяцев 1994 года, так как бюджетная политика, проводившаяся тогда Черномырдиным и Дубининым, оказалась чрезвычайно мягкой и весьма коррупциогенной.

Тогда возникает вопрос: а почему Черномырдин и Дубинин провалили финансовую стабилизацию 1994 года? Ответ очевиден: из-за некомпетентности, безответственности и личных интересов. А также из-за того, что в правительстве России тогда уже не было человека, добившегося к тому времени в деле финансовой стабилизации выдающихся результатов. Ее автор, Борис Федоров, бывший в 1993 году министром финансов и вице-премьером по экономическим вопросам, в начале 1994 года был вынужден уйти из правительства.

А почему Борис Федоров был вынужден уйти? Потому что из правительства его выдвинул Виктор Черномырдин, не желавший иметь в своем кабинете столь энергичного, инициативного и строптивного министра. Воспользовался же Черномырдин для этого благоприятным политическим моментом – результатами прошедших в декабре 1993 года парламентских выборов. Победу на них (тогда в стране еще существовала не авторитарная, а полудемократическая политическая система, и парламент значил немало) одержала ЛДПР, получившая около четверти голосов, в то время как любая из продемократических, прореформаторских, пролиберальных сил получила меньше. ЛДПР получила 22,9%, “Выбор России” – 15,5%, коммунисты – 12,4%, блок Явлинский-Болдырев-Лукин, превратившийся затем в “Яблоко”, – 7,9%, 6,7% получил ПРЕС (Партия Российского единства и согласия), а Российское движение демократических реформ – 4,1%.

— Скажите, пожалуйста, а разве такие результаты можно назвать катастрофическими для демократических сил?

— Конечно же, нет. По сравнению с ожиданиями это, несомненно, было поражение, но по факту — далеко не разгром. С учетом одномандатников “Выбор России” стал крупнейшей фракцией Думы. При желании и грамотном подходе была реальная возможность создать проправительственную коалицию из “Выбора России”, “Яблока”, ПРЕС’а, Российского движения демократических реформ, части независимых кандидатов. В принципе такая коалиция могла бы иметь в парламенте, как минимум, относительное большинство голосов, позволявшее оказывать существенную поддержку реформаторскому правительству. Однако в силу личных интересов Черномырдину это было не нужно. Его явно тяготило присутствие в правительстве любых лиц, каким-либо образом ассоциировавшихся с реформами. Часть гайдаровской команды покинула правительство еще на рубеже 1992 - 1993 годов. После декабрьских выборов 1993 года Черномырдин поспешил избавиться от еще находившихся тогда в правительстве Егора Гайдара и Бориса Федорова. Успех Черномырдина в выдавливании Бориса Федорова из правительства означал, что политика финансовой стабилизации, столь успешно начатая последним в 1993 году, в 1994 году будет сорвана.

Тогда возникает вопрос: а чем можно объяснить результаты декабрьских выборов 1993 года, особенно после убедительной победы Ельцина и правительства на апрельском референдуме всего лишь за восемь месяцев до этого? На мой взгляд, свою роль сыграла и накапливавшаяся в обществе усталость от продолжавшегося экономического кризиса, сохранения высокой инфляции, падения доходов, снижении личной безопасности, а также психологический шок от гражданской войны на улицах Москвы в октябре 1993 года с обстрелом из танков российского Белого Дома — символа Августовской революции 1991 года.

Как же страна пришла к такому гражданскому противостоянию? У этого противостояния были разные корни. Но главным вопросом гражданской войны в октябре 1993 года, вне всякого сомнения, был вопрос о верховной власти в стране: кому она принадлежит — президенту или парламенту? Существовали острые противоречия между различными политическими силами, некоторые из которых, в том числе коммунисты и националисты, жаждали реванша и надеялись его осуществить силовым путем. Тем не менее, свою роль сыграла и экономическая катастрофа, произошедшая в 1992 году и продолжавшаяся в 1993 году. Экономический коллапс, масштабы которого превысили размеры предшествовавшего кризиса 1990 - 1991 годов, многократно усилил и усугубил существовавшее до него и помимо него противостояние политических лагерей. Поэтому вклад в развязывание гражданской войны на улицах Москвы внесла и экономическая политика 1992 года. Начатые в 1991 году реформы преследовали благородные цели. Однако первоначальные результаты оказались другими. Инфляция, падение производства и уровня жизни, рост преступности в 1992 - 1993 годах оказались намного масштабнее того, с чем страна сталкивалась до этого, в предыдущие годы.

— Если можно, напомните цифры...

— Если в 1991 году потребительские цены увеличились на 160%, то в 1992-м они выросли в 26 раз. Если в 1991 году российский ВВП сократился на 3%, то в 1992-м он упал еще на 14,5%. Подобное радикальное ухудшение ситуации наблюдалось по большинству важнейших экономических и социальных показателей. За два года (в 1991 году по сравнению с 1989 годом) общее число умерших в стране увеличилось на 6,8% — с 1584 до 1691 тыс. чел., а за следующие два года (в 1993 году по сравнению с 1991-м) оно выросло еще на 25,9% — с 1691 до 2129 тыс. чел. Число убийств за два года почти удвоилось — с 10,9 на 100 тысяч человек в 1991 г. до 15,5 в 1992 г. и 19,7 в 1993 г. Поэтому многие из первоначальных сторонников реформирования, столкнувшись с тем, что воспринималось ими как результаты реформ, стали отказывать им в поддержке. Даже для граждан, сохранявших работу, не всегда оказалось возможным получить свою заработную плату, часто выдававшуюся теперь в виде изделий, производимых на предприятии. Другим зарплату задерживали на несколько месяцев.

— Да, тогдашние задержки зарплаты памятны многим...

— К сожалению, виноваты в них были не только неэффективные и нарушавшие закон работодатели, свою долю ответственности несут за это и власти.

Апрельский референдум 1993 года, на котором большинство граждан по всем четырем заданным им вопросам все-таки поддержало Ельцина и правительство, был по сути последней массовой демонстрацией политической поддержки реформаторскому курсу властей. После этого стало давать знать накапливавшееся разочарование в происходившем.

Это разочарование было связано как с неудачами в достижении провозглашенных целей экономической политики, так и с разрушением привычных общественных институтов, общим падением уровня безопасности, ростом преступности, разгулом бандитизма. Все это, усугубленное октябрьским вооруженным противостоянием в Москве, привело к тому, что на первых же парламентских выборах, прошедших в декабре 1993 года, люди выразили свое неудовлетворение происходившим. Они не поддержали ни коммунистов, которым не могли простить предшествовавшие семь десятилетий и которым по-прежнему не было доверия, ни тех, кто их сменил, кто называл себя демократами и реформаторами, и кому они не могли простить катастрофу последних двух лет. Люди проголосовали в пользу практически неизвестной им третьей силы. Почти четверть голосов, отданных за ЛДПР, была, несомненно, проявлением протестного голосования.

— Можно ли было проводить реформы по-другому, чтобы избежать такого рода результатов?

7. Российские реформы на фоне зарубежных

— Вопрос о том, можно ли было проводить реформы по-другому, — по-прежнему один из наиболее интенсивно дебатлируемых в нашем обществе. Известна точка зрения и Егора Тимуровича, и многих из его сторонников, кто не только тогда, в начале 90-х, не только в течение последующих лет, но и сегодня, уже после смерти Гайдара, продолжает настаивать на том, что другого пути реформирования не было, что то, что делалось, было единственно возможным, а любые иные попытки привели бы к худшим результатам.

Однако беспристрастное сравнение способов и итогов проведения реформ в других переходных странах показывает, что и реформы могли быть другими, и их результаты могли бы быть более благоприятными.

Гайдар неоднократно говорил (а сейчас вслед за ним это повторяют многие), что после распада СССР Россия оказалась в тяжелейших условиях. Что тогда, в конце 1991 года — начале 1992 года, в стране не было ничего, что могло бы служить признаками самостоятельного государства, — “не было ни границ, ни армии, ни таможни, ни контроля за денежной системой — да по существу никаких инструментов и институтов государственности”¹⁷. Отчасти это верно: многих собственно российских государственных органов действительно не было. Однако были государственные органы, унаследованные Россией от Советского Союза. Преобразования союзных органов в российские с существенным изменением сферы и характера выполняемых функций, конечно, требовали усилий. Тем не менее, стартовая база все же была. Так, союзный Госплан был преобразован в российское Министерство экономики, союзное Министерство обороны — в российское Министерство обороны, союзный Таможенный комитет — в российский Таможенный комитет. Конечно, осуществить такие преобразования было не всегда легко. Тем не менее, многие протороссийские органы на территории России уже существовали, к тому же значительный потенциал для их развития в виде кадров, помещений, инфраструктуры находился в самой Москве.

В отличие от России, положение в других постсоветских государствах было сложнее. Во многих из них не было ни вооруженных сил, ни зачатков таких органов государственного управления, как МИД, Минобороны, таможня, и потому задача их создания там была несопоставимо труднее, чем в России.

Однако по прошествии относительно короткого времени выяснилось, что многие другие постсоветские республики осуществили свои реформы и в целом прошли постсоветскую трансформацию успешнее, чем Россия. Одним из важных критериев успеха можно считать изменение ВВП на душу населения по сравнению с 1991-м — годом распада СССР, когда бывшие советские республики вступили на самостоятельный путь развития. Среди тех, кто в 2009 году по этому показателю опережал Россию, — Эстония, Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Латвия, Литва, Армения. Если успех стран Балтии в какой-то

степени можно объяснить их отчасти более высоким стартовым уровнем, другой политической традицией, культурным наследием протестантизма и католичества, исторической памятью о других общественных институтах, близостью к Европе, то эти факторы неприменимы по отношению, например, к Армении и Казахстану, для более позднего времени (начиная с 2004 года) – к Грузии. Эти республики, находившиеся и находящиеся в более тяжелых внешних условиях, чем Россия, тем не менее, смогли провести у себя более успешные реформы;

Если анализировать не сделанные заявления, а реальные действия, то обнаруживается колоссальная разница не в пользу России по ключевым экономическим показателям переходных стран: величине бюджетного дефицита, размерам государственных расходов, темпам инфляции и, следовательно, по масштабам, глубине, длительности трансформационного экономического спада.

После проведения либерализации цен все переходные страны (за исключением Китая и Вьетнама) действительно вначале переживали вспышку инфляции, вызванную необходимостью ликвидации в их экономиках так называемого денежного навеса. Размеры вызванного этим скачка инфляции отличались от страны к стране, но сам по себе он в странах с макроэкономическими дисбалансами был практически неизбежен, поскольку давал возможность разрядиться накопленному за предшествующие годы инфляционному потенциалу. Так как СССР имел единую денежную систему, то размеры первичной инфляционной вспышки в разных республиках должны были быть приблизительно одного порядка.

В странах Балтии первоначальный скачок инфляции составил 1000 - 1100%. Тысяча сто процентов за год – это, несомненно, большая величина. Однако после прорыва инфляционного гнойника, унаследованного от прошлого, и при отсутствии дополнительной денежной эмиссии темпы роста цен быстро шли на спад и в течение года-двух выходили на относительно низкий уровень. Нормализация ситуации с инфляцией свидетельствовала о достижении финансовой стабилизации, вслед за которой через два-три года начинался экономический рост.

После восстановления экономического роста появлялись дополнительные финансовые ресурсы, которые можно было использовать для ликвидации наиболее серьезных проблем, накопленных за годы существования командной экономики и трансформационного кризиса. С возобновлением экономического роста постепенно складывались условия для нормализации всей общественной жизни. Опыт проведения успешных экономических реформ показал, что длительность производственного спада, связанная с переходом от одной экономической системы к другой, составляла, как правило, два-три года.

Такая последовательность преодоления трансформационного кризиса повторилась во многих странах – как за пределами бывшего Советского Союза, так и в постсоветских республиках. Однако в России получилось по-другому. Масштабы первоначальной вспышки инфляции в нашей стране действительно во многом совпали с тем, как это происходило в Балтийских странах, – за первые семь месяцев рост цен составил примерно 1100%. Однако затем наши пути разошлись.

Когда в Балтии темпы инфляции пошли вниз, в России они продолжали сохраняться достаточно высокими, а затем стали вновь нарастать. Отступление правительства в бюджетной и денежной политике, начатое в апреле 1992 года, к июню превратилось в полномасштабное бегство. Инфляция, немного замедлившая свой бег в середине лета, в сентябре вновь ускорила, и к октябрю вышла на 23 - 25%-ный темп в месяц. Финансовый разгром был учинен еще при Гайдаре – задолго до того, когда инфляцию можно было бы приписать действиям Геращенко, Черномырдина или кого бы то ни было еще. Как показала дальнейшая жизнь, упомянутые лица также внесли свой вклад в кумулятивную российскую инфляцию, но это было уже позднее.

За 1992-й год потребительская инфляция составила 2600%. Очевидно, рост цен не более чем на 1100%, достигнутый к лету 1992 года, может быть объяснен ликвидацией денежного навеса советского происхождения, сформировавшегося за тридцать лет со времени денежной реформы 1961 года. Остальное дополнительное увеличение уровня цен примерно в 2,4 раза во второй половине 1992 года не может быть объяснено ни политикой коммунистических властей, ни даже последствиями фискальной и денежной

конкуренции союзного и российского правительств в 1990 - 1991 годах. С середины лета 1992 года российская инфляция стала уже новой инфляцией, инфляцией, созданной политикой нового российского правительства.

Если поначалу лаг между денежной эмиссией и изменением уровня цен составлял примерно четыре месяца, то к концу 1992 года он возрос до шести месяцев. Это означало, что финансовая политика, проводившаяся правительством Гайдара (просуществовавшим до 15 декабря 1992 года), давала о себе знать, по крайней мере, до июня следующего, 1993-го, года. Иными словами, и инфляция первой половины 1993 года была создана решениями, принятыми еще в 1992 году.

Кумулятивный рост цен в 1992 году и в первой половине 1993 года оказался примерно восьмидесятикратным. За исключением первоначального скачка цен в одиннадцать раз, который следует отнести на последствия ликвидации денежного навеса, унаследованного от предыдущих правительств, остальной рост цен в 7,7 раза имеет источником своего происхождения деятельность гайдаровского правительства.

Здесь следует отметить еще одно важное, причем не очень приятное, следствие такой политики. То, что создается в момент исторического перелома, во время формирования новой экономической, политической, государственной системы, закладывает базу новых традиций, закрепляет институциональную память и ориентиры для поведения наследников в будущем. Если отцы-основатели начинают с высокой инфляции, то от такой привычки избавиться затем непросто. Общественные ожидания от рядовых чиновников скромнее, а требования к ним обычно мягче, чем к реформаторам, ассоциирующимся с проведением политики, базирующейся на иных и, как ожидается, твердых принципах.

Если общество полагает, что радикальным реформатором, проводником жесткой бюджетной и денежной политики является Егор Гайдар, непосредственные действия которого привели к увеличению в течение двенадцати месяцев уровня цен в семь с лишним раз, то тогда и от других чиновников трудно ожидать и требовать более ответственного поведения. В результате “простым” Черномырдину, Геращенко, Лобову, Заверюхе “позволяется” производить инфляции не меньше, чем Гайдару. То, как начинается жизнь новой страны, нового мира, нового общества, задает стандарты решений и для последующих поколений. На поведение миллионов людей в последующем во многом оказывает влияние действия ключевых лиц во времена исторических переломов, затем воспринимаемые в качестве образцов.

— Вы не могли бы пояснить это на примере?

— Джордж Вашингтон и правовая традиция в США.

Во время Войны за независимость США главнокомандующий американскими войсками генерал Джордж Вашингтон столкнулся с серьезной проблемой: Конгресс Соединенных Штатов подолгу не платил армии деньги. Новая страна только создавалась, средств не хватало, собственной налоговой базы еще не было, и финансирование армии было отвратительным. Уставшие от задержек жалования офицеры готовы были начать мятеж. В марте 1783 года они подготовили де-факто заговор, чтобы заставить Конгресс погасить задолженность и гарантировать выплату пенсий по окончании войны. Некоторые офицеры обратились к Вашингтону, командовавшему вооруженными силами и пользовавшемуся огромной популярностью в войсках, с предложением возглавить мятеж и фактически установить военную диктатуру.

— И что же Вашингтон?

— Вашингтон не принял такого предложения. Но не только. Он смог убедить офицеров отказаться от их замысла. Его ответ — Ньюбургская речь — стала хрестоматийной по вопросам взаимоотношений между военными и гражданскими властями: каким бы неэффективным и неорганизованным ни был Конгресс, он является высшей законодательной властью в стране; мятеж в армии недопустим; обеспечения финансирования армии необходимо добиваться правовыми способами. Когда же война была закончена, Вашингтон по-своему повторил акт римского сенатора Цинцинната — вернул Конгрессу данные ему полномочия верховного главнокомандующего и удалился к частной жизни в своем родовом имении в Маунт-Верноне.

Нельзя, естественно, утверждать, что только такие случаи заложили институциональную основу, предопределившую устойчивость правовой и демократической политической

традиции Соединенных Штатов Америки. Но, наряду со многими другими событиями, свой вклад внесли и практические действия генерала Вашингтона. Для успешного закрепления новых традиций и обычаев важно не только то, какие принципы провозглашены отцами-основателями, какие конституции ими написаны, какие законы ими приняты, но и то, как в реальной жизни сами отцы-основатели соблюдают эти принципы, эти конституции, эти законы.

Подобным же образом проведением политики финансовой дестабилизации в нашей стране в 1992 году была многократно усилена привычка к безответственному дефицитному и проинфляционному поведению российских властей в последующем. Если государственный руководитель, признаваемый обществом в качестве главного реформатора, заявляет о жесткой бюджетной и денежной политике и при этом бюджетный дефицит оказывается раздут до 23% ВВП, денежная масса увеличивается на 30% в месяц, а цены растут в семь с лишним раз за год, то из этого люди делают, как минимум, два вывода. Во-первых, политика макроэкономического популизма становится если не образцовой и нормальной, то точно допустимой. Во-вторых, если на словах говорится о финансовой стабилизации, а на практике осуществляется политика финансовой дестабилизации, то это, по сути, выдача индульгенции на политику двойных стандартов и другим чиновникам.

Поэтому сколько бы ни предъявлять претензий (а, надо отметить, обоснованных претензий) Черномырдину, твердившему о проведении “умеренно-жесткой” финансовой политики, но продолжавшему безответственно осуществлять бюджетные траты, справедливости ради следует признать, что он в этом деле оказался лишь не очень способным учеником своего предшественника. Причем по степени безответственности даже черномырдинская бюджетная политика 1993 - 1998 годов (за исключением, возможно, той, что проводилась в последние две недели декабря 1992 года) уступала гайдаровской политике предшествовавших месяцев 1992 года. Более слабой макроэкономической политики, чем в 1992 году, в последующие годы в России не проводилось.

К концу 1999 года, когда финансовая стабилизация в России все же была достигнута, кумулятивный рост цен в нашей стране составил 8718 раз. За то же время цены выросли: в Латвии – в 51 раз, в Эстонии – в 65 раз, в Литве – в 93 раза. Несомненно, что и в странах Балтии размеры кумулятивной инфляции оказались колоссальными. Но, тем не менее, их разница с российскими показателями оказалась качественной – величиной в не менее чем в два порядка. Собственно говоря, это лишь одна из иллюстраций принципиальной разницы в проведенных стабилизационных реформах: инфляция в пять - девять тысяч процентов в Балтийских странах и почти в девятьсот тысяч процентов у нас. Другое измерение качества проведенных реформ – длительность трансформационного спада. В Балтийских странах он занял два-три года, в России – семь лет. Семь лет спада – это много. За семь лет непрерывного падения производства произошло существенное сокращение объемов выпуска, намного сократились ресурсы для поддержания инфраструктуры и социальной сферы. За это время значительно изменилась социальная и политическая структура страны. Силы, поддерживавшие движение к либеральной экономике и демократическому обществу, оказались экономически и морально разгромленными.

– А именно?

– Одной из главных движущих сил страны, поддерживавших движение к свободному обществу, была интеллигенция – техническая, естественнонаучная, гуманитарная. Однако в результате проводившейся экономической политики именно этой социальной группе был нанесен колоссальный финансовый и моральный ущерб. Она была ослаблена настолько, что оказалась не в состоянии ни поддержать своих политических союзников, ни сопротивляться своим противникам. В то же время, благодаря правительственной политике перераспределения финансовых ресурсов и производственных активов, огромные средства были переданы сельскохозяйственному и промышленному лобби, директорскому корпусу, так называемым красным директорам. Созданные в предыдущие эпохи заводы и фабрики общей ценностью в сотни миллиардов и триллионы долларов в результате приватизации, проводившейся Чубайсом, были переданы представителям этих социальных групп фактически бесплатно. За время его руководства российской

приватизацией все поступления от нее в федеральный бюджет составили менее 2 млрд. дол., а за 18 лет (1992 - 2009 гг.) – немногим более 17 млрд. дол.

При такой государственной политике, последовательно проводившейся в течение ряда лет, включаются механизмы глубоких социальных, идеологических, политических изменений. Огромные финансовые ресурсы оказались под контролем людей, чьи представления о том, в каком направлении развиваться стране, радикально отличаются от взглядов людей, участвовавших в демократическом движении 1980-90-х годов, совершивших Августовскую революцию 1991 года. Получение колоссальных экономических ресурсов и овладение механизмами воздействия на общественное мнение привело к изменению политического баланса в стране. Конечно, такой процесс занял время. Но за семь лет длительного экономического кризиса, за годы Великой российской депрессии 1992 - 1998 годов, в стране сложилась новая социальная и политическая реальность. В то же время идеи либерализма и демократии, с которыми общественность ошибочно ассоциировала проводившуюся в стране политику, оказались в значительной степени дискредитированными.

– Но Вы, наконец, сошли с тропы последовательного фатализма и сказали, что реформы можно было проводить иным образом, нежели это произошло в реальности...

– Действительно, я считаю, что реформы можно было проводить по-другому. Их можно было проводить как Лешек Бальцеревич в Польше, как Вацлав Клаус в Чехии, как Март Лаар в Эстонии, как Эйнарс Рёпше в Латвии, как Ян Оравец в Словакии, как немного позже Каха Бендукидзе в Грузии. Как Ораз Жандосов и Григорий Марченко и их коллеги в Казахстане, где трудно назвать одну фигуру, о какой можно было бы сказать: “автор реформ”. Как Борис Федоров в России. О чем говорит опыт этих, действительно либеральных, реформаторов?

Оказывается, что для успеха экономических преобразований необязательно быть экономистом (Лаар – по образованию историк, Рёпше – физик, Бендукидзе – биолог). Оказывается, для успеха реформ необязательно иметь огромные валютные резервы. Оказывается, для успеха реформ необязательно иметь эксклюзивные полномочия от парламента. Однако для успеха либеральных реформ критически важным является наличие во власти порядочных людей – тех, кто, как заметил Каха Бендукидзе, “понимает, что такое свобода”. Добавлю, что отсутствие у людей, находящихся во власти, порядочности и понимания свободы не компенсируется ни их профессиональными знаниями, ни наличием у них политического прикрытия, ни доступностью финансовых, природных или иных ресурсов. И Казахстан и Грузия находились и по-прежнему находятся в более неблагоприятных географических, инфраструктурных, ресурсных, кадровых условиях, чем Россия. И, тем не менее, у них с реформами получалось и получается лучше. Поэтому в течение полутора десятков лет я отстаиваю эту точку зрения и повторяю ее вновь: реформы в России можно было проводить по-другому.

– Но тогда возникает вопрос: а почему не было сделано по-другому? Почему и Гайдар, и его коллеги и раньше считали, и сейчас полагают, что иначе сделать было невозможно? Предлагаемое Гайдаром объяснение – в России были более тяжелые условия. Что это значит?

– Называют, в частности, отсутствие в России установленных границ, таможи, национальных органов государственного управления. Но мы уже отмечали, что это неубедительные аргументы: другие постсоветские страны находились в не менее, а в более сложном положении. В отличие от России, в других республиках не было полученного от их предшественников наследства в виде органов союзного управления.

Говорят, что у России фактически не было валютных запасов, что их оставалось всего лишь 26 млн долларов. Строго говоря, на 1 января 1992 года на балансе Центробанка находилось даже не 26, а 16 млн дол. Прямо скажем, 16 млн долларов для такой страны, как Россия, – это совсем немного. Но эта цифра показывает лишь валютные резервы Центробанка. Кроме них были еще золото-валютные запасы правительства – в валютном эквиваленте примерно 2,8 миллиарда долларов. Но даже такая сумма – по-прежнему невелика. Хотя все же это не абсолютное отсутствие резервов. Самое же главное – в других постсоветских республиках не было и этого. Другие республики бывшего СССР стали независимыми не только без шестнадцати миллионов долларов и тем более без 2,8

млрд дол., – они оказались политически независимыми без единого доллара и единого цента. Все свои валютные резервы им пришлось создавать с нуля.

Наконец, Россия унаследовала все активы бывшего СССР...

– Но ведь она унаследовала и его долги. А они были немаленькими.

– Это правда, Россия унаследовала и активы, и пассивы СССР, она получила и задолженность Союзу, и его внешний долг. Однако по соглашению с кредиторами – и правительствами, и банками – Россией была получена реструктуризация долговых платежей. Конечно, реструктуризация за счет будущих платежей была болезненной, дорогой, обрекавшей страну на более значительные платежи в будущем. Но в настоящем Россия освобождалась от ежегодных платежей в размере 13 - 16 млрд дол., которые, например, до середины 1991 года с трудом, но тем не менее выплачивал Советский Союз. Это означало, что обслуживание унаследованного долга откладывалось на завтра и послезавтра, а активы были в распоряжении уже сегодня.

России досталась вся зарубежная собственность СССР. Комплексы посольств и торговых представительств за рубежом у России уже были, недвижимость за рубежом – была, представительства государственных компаний и банков от Аэрофлота до Евробанка – были. Это другим четырнадцати республикам нужно было создавать с нуля дипломатическую службу, строить всю инфраструктуру – приобретать официальные помещения и жилье, прокладывать каналы связи, искать и обучать людей, изыскивать для этого средства. На все это нужна была валюта, причем сразу. Ни у кого, кроме России, ее не было.

Поэтому предлагаемое объяснение неудач в проведении реформ более сложным институциональным или финансовым положением России – либо из-за отсутствия собственных органов государственной власти, либо из-за отсутствия валютных резервов, либо из-за отсутствия и того и другого – лишь привлекает внимание к тому, что положение России в 1991 - 1992 годах было не менее, а более благоприятным, чем положение других постсоветских республик.

– Но апологеты гайдаровских реформ говорят, что у нас не было никаких экономических ресурсов.

– Такой довод не выдерживает критики. На территории России находились и находятся крупнейшие нефте- и газовые месторождения, от них за границу были протянуты нефтепроводы и газопроводы, не прекращавшие свою работу ни на минуту. В нынешнем мире нефть и газ – это фактически прямой эквивалент конвертируемой валюты. Страна, экспортирующая более сотни миллионов тонн нефти и нефтепродуктов, сотни миллиардов кубометров газа, даже по ценам начала 1990-х годов гарантированно получала 20 - 30 млрд дол. ежегодно.

Стабильное получение таких доходов несравнимо с ситуацией, в какой оказались постсоветские республики, лишенные энергоресурсов, как, например, Эстония, Латвия, Литва, Грузия, а тем более не имевшие (и не имеющие) морских портов Беларусь, Молдова, Армения, Киргизстан, Таджикистан. Что могли немедленно предложить мировому рынку эти республики? Что сразу же после провозглашения независимости могли предложить даже Балтийские страны? Даже республики, обладавшие крупными запасами энергоресурсов, как, например, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, находились и по-прежнему находятся в более трудном географическом положении, чем Россия. Они относятся к так называемым *land-locked countries* – странам, находящимся в глубине континента и не имеющим прямого выхода к мировому океану. Собственные энергоресурсы им приходится транспортировать на внешний рынок через территорию третьих стран, прежде всего через территорию России. И если российские власти ограничивают их транзит, пропускают его на мировой рынок на дискриминационных условиях, если они полностью его блокируют, то что такие экспортеры могут сделать? Так или иначе, им все равно надо договариваться с российскими властями, нести дополнительные издержки за транспортировку, уступая в других областях.

Несомненно, что ни одна из пятнадцати республик, ставших независимыми после распада СССР, не находилась в столь благоприятном положении, как Россия.

– Сегодня указывают на неустойчивость политического положения гайдаровского правительства. Говорят о том, что поддержка со стороны Ельцина была недостаточной...

— Могу я задать встречный вопрос: а политическое положение реформаторов в других странах было легче? Их политическая поддержка была прочнее? На самом деле им было труднее. Ни у кого из них не было того, что в октябре 1991 года и Борису Ельцину, и всей российской исполнительной власти, включая гайдаровскую команду, было дано Съездом народных депутатов. Российские власти тогда получили карт-бланш на принятие любых экономических решений в рамках проводимых реформ. Высший законодательный орган страны дал правительству чрезвычайные полномочия на целый год, обещая не вмешиваться в его оперативную деятельность.

Ни в одной другой переходной стране ни один верховный законодательный орган своим реформаторам такой власти не давал. Таких полномочий не было ни у Лешека Бальцеровича, ни у Вацлава Клауса, ни у Марта Лаара. Несмотря на их отсутствие, реформаторы в других странах делали свое дело, подвергались жесткой критике, время от времени были вынуждены уходить из власти и снова в нее возвращались. И при этом каждый из них вносил свой вклад в проведение реформ.

Ни в одной из них не было того, что произошло в России, — монополизации права на реформы, монополизации права называться реформатором, предъявления претензий на эксклюзивность своего положения. В других странах параллельно шли и реформаторские, и политические процессы. Тогда, когда возникали общественные возражения по поводу сути или методов проводившихся реформ, то и отдельные реформаторы, и правительства в целом уходили в отставку, а им на смену приходили другие. По сравнению с такой текучей и постоянно менявшейся ситуацией положение российского правительства и непосредственно Егора Гайдара в течение первого года реформ — до ноября 1992 года — было намного более устойчивым.

8. Как это могло бы быть

Кроме того, российской истории угодно было поставить эксперимент по проверке утверждения о значении фактора политического прикрытия реформатора для успеха его деятельности. В самом конце 1992 года в российское правительство пришел Борис Федоров. Полномочий у него, по сравнению с Гайдаром, было несравнимо меньше. Если Гайдар с июня 1992 года исполнял обязанности премьер-министра, а де-факто был таковым с апреля 1992 года, то Федоров ни премьером, ни и.о.премьера никогда не был. Он не был даже первым вице-премьером. Поначалу Федоров был лишь “простым” вице-премьером, причем “без портфеля”, и лишь в конце марта 1993 года дополнительно получил пост министра финансов.

Опираясь ему также было практически не на кого. Часть гайдаровской команды уже покинула власть, а, например, оставшийся в правительстве Чубайс осторожно устранился от совместных с Федоровым действий. Федоров никогда не получал от Ельцина и доли той поддержки, какую имел Гайдар. В силу принципиальной политики, проводившейся Федоровым, он почти все время находился в конфликтах — и с представителем сельскохозяйственного лобби в правительстве Заверюхой, и с представителем промышленного лобби Хижой, и с первым вице-премьером Лобовым, и с руководителем Центрального банка Геращенко, и с Верховным Советом, и с руководителем правительства Черномырдиным, и с окружением президента Ельцина.

И, тем не менее, несмотря на существенно меньший объем административных ресурсов, несмотря на отсутствие политического прикрытия со стороны Ельцина, несмотря на то, что Федоров находился в непрекращающейся борьбе на многих фронтах, несмотря на то, что по многим вопросам он оказывался по сути один, несмотря на то, что срок его пребывания в правительстве оказался еще короче, чем у Гайдара, — несмотря на все это, он добился результатов, несравнимых с гайдаровскими. Если в 1992 году Гайдар увеличил удельный вес государственных расходов в ВВП примерно на четырнадцать процентных пунктов, то в 1993 году Федоров их сократил почти на двадцать процентных пунктов. Если Гайдар увеличил дефицит бюджета примерно на восемь процентных пунктов ВВП, то Федоров сократил его примерно на двенадцать процентных пунктов. Если Гайдар увеличил налоговое бремя на российскую экономику, то Федоров его снизил. Проведя самую радикальную бюджетную реформу за последние шесть десятилетий,

Федоров обеспечил основной костяк финансовой и макроэкономической стабилизации, окончательно наступившей тогда, когда его уже не было во власти.

Федорова трудно сравнивать с Гайдаром, их действия шли в противоположных направлениях. Действия Гайдара были направлены на финансовую дестабилизацию, Федорова – на финансовую стабилизацию. Повторюсь, то, что удалось сделать Федорову, было сделано при меньшем объеме политических и административных ресурсов, в более жестком политическом окружении.

– И почему же этого не смог сделать Гайдар, работавший в более благоприятных условиях?

– Вот тут закономерно возникает вопрос: почему же в более благоприятных условиях Гайдар не сделал того, что в более трудных условиях сделал Борис Федоров? Того, что в более сложных условиях сделали реформаторы в других переходных странах? В том числе, в тех бывших советских республиках, где не было таких возможностей, какие были в России, – ни экономических ресурсов, ни необходимых институтов, ни благоприятного культурного наследия?

Почему Гайдару не удалось то, что удалось другим?

– У Вас есть версия?

9. Решающий фактор

– Главный ответ на этот вопрос – люди, их личные качества. Человеческий фактор имеет, по меньшей мере, несколько срезов – страновой, политический, аппаратный, командный, персональный.

Что касается странового среза, то определенную роль сыграл и продолжает играть более низкий, чем в некоторых других переходных странах, уровень взаимного доверия и самоорганизации в российском обществе, высокая степень его разобщенности. Запрет деятельности КПСС после провала Августовского путча привел к обрушению стержня системы государственного управления в России в масштабах, очевидно, не наблюдавшихся в других постсоветских республиках. Отказ от немедленного формирования в августе 1991 г. полноценного российского правительства усугубил вакуум власти и добавил элементы хаоса в обществе, привыкшем к вертикали управления и отучившемся за десятилетия коммунистического режима от базовых навыков гражданской самоорганизации.

В политической сфере главной неудачей стало отсутствие перехода реальной власти к политической оппозиции. Все успешные реформы, как первой волны (в Польше, Чехии, Эстонии, Латвии), так и последующих волн (в Монголии, Армении, Албании, Болгарии, Румынии, Грузии), были проведены представителями политической оппозиции, пришедшей к власти, в том числе диссидентами, правозащитниками, демократическими активистами. В исполнительной власти России таких людей практически не было даже в самом начале преобразований, а экономические реформы проводились не политической оппозицией прежнему режиму, а частью его реформистской бюрократии.

Для аппаратного среза тогдашней России был характерен низкий уровень экономического понимания происходивших процессов (за пределами довольно узкого круга профессиональных экономистов). Немало времени и сил было потрачено (и финансовых ресурсов за это время растранижено) на базовое экономическое образование ключевых руководителей исполнительной власти – от Геращенко и Хижи до Черномырдина, Заверюхи, Лобова, причем в ряде случаев без какого-либо заметного эффекта. Трагикомическими стали продолжавшиеся в течение двух лет публичные разъяснения бывшему в 1992 – 1994 годах руководителем Центрального банка Виктору Геращенко неразрывной связи между денежной эмиссией и инфляцией.

Что касается команды реформаторов, то на момент их прихода во власть уровень их профессиональной подготовки был относительно неплохим на фоне преобладавших представлений в тогдашнем российском обществе, но довольно низким на фоне международных стандартов, в том числе на фоне уровня, уже достигнутого в центрально-европейских государствах и странах Балтии. Еще более важной причиной неудач стали ошибки в изначальной программе реформирования. Документы, подготовленные в Архангельском, предусматривали лишь постепенную стабилизацию и либерализацию,

частичное дерегулирование экспорта и импорта в течение года, длительное отсутствие конвертируемости рубля и унифицированного валютного курса, задержку проведения денежной реформы на восемь — девять месяцев, откладывание во времени введения национальной валюты и ликвидации рублевой зоны. Практическое проведение реформ оказалось еще хуже, даже по сравнению с тем, что было запланировано.

Наконец, на персональном уровне причины неудач во многом объясняются личностью самого Егора Тимуровича Гайдара, его мировоззрением, уровнем знаний, позициями по ключевым вопросам, характером, привычками. Несмотря на всю реформаторскую риторику, готовившиеся и осуществлявшиеся им экономические реформы в целом были половинчатыми, компромиссными, непоследовательными. За 13 месяцев существования его правительства так и не была проведена денежная реформа, не был введен российский рубль, не была распущена рублевая зона. В 1992-93 годах уровень информированности Гайдара о базовых макроэкономических закономерностях был невысоким, что выявилось на фоне действий Бориса Федорова, приступившего к решению аналогичных задач в 1993 г. Контраст между уровнями подготовки двух экономистов оказался особенно очевидным в сентябре - декабре 1993 г., когда Гайдар и Федоров одновременно работали в российском правительстве.

Ряд осуществленных Гайдаром действий носил открыто антилиберальный и интервенционистский характер. Разрушительные последствия для производственного сектора имело введение им налога на добавленную стоимость с заведомо высокой ставкой в 28%. В августе 1992 года по инициативе и поручению Гайдара был проведен взаимозачет долгов предприятий, сорвавший и без того слабые усилия по финансовой стабилизации. В декабре 1992 года по его поручению было подготовлено скандальное постановление об установлении административного контроля над ценами путем регулирования рентабельности товаров. В июне 1992 года, вопреки предложению Ельцина назначить на пост руководителя Центробанка Бориса Федорова, Гайдар настоял на кандидатуре Виктора Геращенко, многолетнего руководителя ряда советских загранбанков, созданных коммунистическими властями для финансирования спецопераций за рубежом.

После первых пяти месяцев бурной работы гайдаровского правительства темп проведения реформ резко замедлился, а с июня 1992 года они фактически остановились. Последняя заметная реформаторская мера — унификация валютного курса — была осуществлена 1 июля Петром Авеном без заметного участия Гайдара. Вместо этого с каждым месяцем нарастали размеры бюджетного дефицита, требования правительства к Центробанку о кредитовании его расходов, и, как результат, — темпы роста денежной эмиссии и идущей вслед за ней инфляции.

Егор Гайдар и Борис Федоров

О том, как Гайдар принимал важные решения в бытность своей работы в правительстве, он рассказал сам через несколько месяцев после своей первой отставки. Дело происходило на одном из последних полуофициальных семинаров московско-ленинградской группы экономистов, проходившем в марте 1993 года в санатории “Белые ночи” под Санкт-Петербургом. Естественно, разговор зашел об уроках “хождения во власть”, о том, что не было сделано, о допущенных ошибках и провалах. На заданный ему вопрос:

“Почему же после стольких обсуждений, при понимании исключительной важности успеха в достижении максимально быстрой финансовой стабилизации, он не стал проводить жесткую бюджетную и денежную политику, а вместо нее им была развязана инфляционная волна?” —

Гайдар ответил так:

“Если к вам приходит один лоббист и просит денег, вы можете ему отказать. Если к вам приходят второй, третий, пятый лоббист, вы им тоже можете отказать. Но когда к вам приходят пятнадцатый-двадцатый, вы отказать не можете и даете им денег”.

Сказать, что я был потрясен услышанным, — это не сказать ничего. Легкость, с какой Гайдар своими действиями и рассказом о своих действиях опровергал то, что неоднократно публично провозглашал и во что, казалось, верил сам, уверенная

беззаботность, с какой он об этом повествовал, ошеломляли. Безостановочный поток правительственных постановлений, распоряжений, поручений, раздававших государственные средства, а также сухие данные статистики, свидетельствующие о разворачивавшейся бюджетной катастрофе и надвигающемся денежном цунами, и раньше убедительно говорили сами за себя. Однако до того вечера мне трудно было поверить, что их главным автором является не кто иной, как сам Гайдар, и что этот суицидальный процесс – как для всего реформаторского проекта, так и лично для него – происходил столь банально.

К этому времени у меня уже было некоторое представление о том, как работает Борис Федоров. Когда же вскоре он стал министром финансов, то смог полнее продемонстрировать свои незаурядные качества – умение охватить всю макроэкономическую картину в целом, идентифицировать в ней самые острые проблемы, предложить неожиданные решения. Из него просто фонтанировали идеи. Он излучал неумную энергию, демонстрировал фантастическую работоспособность и совершенно железную неспособность отступить и сдаваться. Федоров бился за каждую бюджетную копейку, сокращая неэффективные расходы, срезая субсидии, отменяя льготы. На него давили промышленники, аграрии, угольщики, сахарные лоббисты, импортеры. Давили из правительства, из Верховного Совета, из Администрации Президента. Его просили, умоляли, пытались купить, ему угрожали. Для обеспечения финансовой стабилизации он пользовался любой политической возможностью – результатами апрельского референдума, июльской денежной реформой, октябрьской победой над сторонниками Верховного Совета. Федоров сражался, как былинный богатырь, последовательно отрубая головы инфляционному дракону. Он отстаивал свою позицию, убеждал, приводил аргументы, взывал к разуму, к совести, уговаривал, ругался, кричал, наступал, совершал маневры, формировал союзы, изворачивался, скрывался, уходил в несознанку, притворялся больным, болел по-настоящему.

И продолжал делать свое дело.

И никогда не сдавался.

Его удивительная твердость и невероятная изобретательность в достижении своей цели постепенно стали приносить результаты. Инфляция, грозившая сорваться в гиперинфляцию в конце 1992-го – начале 1993 года, постепенно стала стабилизироваться, а к концу 1993-го медленно пошла на спад.

Наряду с финансовой стабилизацией и в рамках нее, Борис Федоров провел ликвидацию субсидий на импорт и сахар, осуществил радикальное сокращение субсидий угольной отрасли и кредитов странам СНГ, добился повышения до реально положительного уровня процентных ставок Центробанком и Сбербанком, включил полтора десятка внебюджетных фондов в госбюджет, прекратил предоставление субсидированных кредитов, установил жесткие лимиты на предоставление правительственных кредитов, отменил обязательную продажу экспортными валютной выручки, провел либерализацию цен на зерно и хлеб, начал неинфляционное финансирование бюджетного дефицита – всего и не упомнишь. При этом он, работавший по двенадцать - четырнадцать часов в сутки, любил начинать деловые совещания с ехидным прищуром и веселой присказкой: “Ну, так сколько можно отдыхать? Когда, наконец, реформы будем делать?”

В сентябре 1993 года Ельцин вернул Гайдара в правительство на пост первого вице-премьера – на позицию, более высокую, чем федоровский пост “простого” вице-премьера. Надо сказать, что непрерывная борьба за финансовую стабилизацию сильно измотала Бориса Федорова, и он с нескрываемым облегчением воспринял новость о возвращении Гайдара. “Наконец, будет хоть какое-то прикрытие. Теперь, вместе с Гайдаром и Чубайсом, мы все сможем сделать”, – услышал я от него. Но довольно скоро его отношение изменилось на прямо противоположное. В ноябре 1993 года он чуть ли не зубами скрежетал от разочарования и боли: “Без Гайдара было тяжело, а с Гайдаром еще хуже. От него и Чубайса только вред”, – говорил он.

Вскоре жизнь предоставила мне пояснения, что именно имел в виду Федоров. Через несколько дней я оказался в кабинете Гайдара на Старой площади. Во время разговора дверь открылась, и в кабинет с папкой документов вошел один из ближайших помощников Гайдара. Тот оторвался от нашего разговора, подошел к своему столу, просмотрел принесенные бумаги и подписал их. Из короткого обмена репликами с

помощником стало ясно, что речь в них идет о выделении просителям бюджетных средств. Отработанность и будничность действий обоих говорили о многократной повторяемости, совершенной рутинности происходившего перед моими глазами. Помощник забрал документы и ушел. И лишь тогда, повернувшись ко мне и, похоже, вспомнив, что у меня, ставшего невольным свидетелем произошедшего, неплохие отношения с Федоровым, Гайдар сказал: “Да, Андрей, не говори, пожалуйста, об этом Борису”.

Почти пять лет спустя на подобную же просьбу Гайдара – не говорить журналистам о предстоящей девальвации – я ответил отказом. Но тогда, в ноябре 1993 года, я сидел совершенно ошеломленный, своими глазами увидев, как именно это делается, получивший зримое подтверждение тому, что услышал за восемь месяцев до этого в “Белых ночах”. Мое потрясение было сильнее брезгливости, когда Черномырдин забирал у меня просительное письмо от начальника Ульяновского авиаотряда. Оно было сильнее отвращения, когда на моих глазах передавали взятку сотруднику квасовского аппарата правительства. Оно было сильнее чувства отвращения, когда дорогие охотничьи ружья привозили в подарок Черномырдину¹⁸.

Причина моего потрясения была одна – Гайдар. От него я такого не ожидал. Я просто не мог себе этого представить. Тогда я лишь еле слышно ответил ему: “Да, конечно”.

Просьбу Гайдара я выполнил. Я ничего не сказал Борису Федорову о том, как за его спиной человек, которому он доверял, на помощь и защиту которого в общем деле он так надеялся, должностной уровень и политический вес которого был выше, чем у него, столь легко и столь беззаботно уничтожает результаты его, Федорова, труда, добытые им в столь жестокой борьбе, дававшие ему такой болью и стоившие ему такой крови.

Борису Федорову не надо было об этом говорить. О главном он знал сам.

Обратившись к этому, личностному, фактору реформ, мы вынуждены прийти к неутешительному для нас выводу: провести экономические реформы так, как это сделали в своих странах Бальцеревич, Клаус, Лаар, Рёпше, Жандосов, Марченко, Оравец, Бендукидзе, Егор Гайдар не мог. Но вовсе не из-за внешних, якобы ограничивавших его действия, условий. Он не мог это сделать из-за внутренних причин. Главным ограничителем реформ был он сам, его собственные представления, его собственные правила поведения.

И это означает, что сам факт назначения Гайдара вице-премьером российского правительства, ответственным за экономические реформы, во многом предопределил последующее развитие событий в стране, включая финансовую дестабилизацию, внесшую свою лепту в усугубление национального политического кризиса, что постепенно, шаг за шагом, год за годом, решение за решением привело нас к нынешнему политическому режиму.

Конечно, было бы неверным и несправедливым винить в том, что произошло, только одного Гайдара. Свой вклад внес и Борис Ельцин, начавший российско-чеченскую войну. Не обошлось и без Черномырдина, на несколько лет успешно воссоздавшего атмосферу бюрократического и коррупционного застоя. Сыграл свою роль и Чубайс, фактически бесплатно раздавший колоссальные экономические активы советской номенклатуре. Было, несомненно, и жесткое противодействие со стороны противников любых, пусть и весьма половинчатых, реформ. Наконец, главную вину за разрушение полудемократической системы, существовавшей в стране большую часть 1990-х годов, за создание авторитарного режима и агрессивного беззакония несет группа сотрудников спецслужб, прорвавшаяся к политической власти в России на рубеже нового столетия.

Но все же мне кажется, что если бы экономические реформы, столь ожидавшиеся российским обществом, столь поддерживаемые им в конце 1980-х – начале 1990-х годов, были проведены хотя бы так, как это было сделано тогда же в Польше, Чехии, Эстонии, Латвии, Литве, если финансовая стабилизация была бы проведена сразу, если инфляция была бы подавлена в течение года, то устойчивый экономический рост возобновился бы не осенью 1998 года (как это фактически произошло), а, возможно, осенью 1993 года или уж точно осенью 1994-го (когда он начался на самом деле, но продолжался всего лишь несколько месяцев – до тех пор, пока не был раздавлен чубайсовской политикой “валютного коридора”). Тогда, скорее всего, не произошло бы дефолта и девальвации в августе 1998 года, не было бы экономического и политического кризиса, уничтоживших

практически все сколько-нибудь заметные достижения полудемократического режима, тогда Борису Ельцину не угрожал бы импичмент, у него не было бы острейшей необходимости радикально менять сферу поиска своего преемника, и тогда, возможно, он не принял бы фатальных для страны решений, распахнувших сотрудникам спецслужб ворота к политической власти в стране. А, может быть, начавшееся в 1993 – 1994 годах восстановление производства настолько способствовало бы нормализации экономической, общественной, политической жизни в стране, что спроса не возникло бы не только на преемника из силовиков, но и вообще на любого преемника? И тогда на президентских выборах 1996 года и тем более 2000 года обошлось бы вообще без каких-либо манипуляций?

Конечно, нет никаких гарантий, что в случае, если реформы, начатые в 1991 году, были бы проведены в России по центрально-европейскому или балтийскому вариантам, то в отечественной политической жизни не появились бы другие развилки, угрожавшие другими кризисами, а участники политического процесса не принимали бы иные, в том числе и ошибочные, решения.

Но даже если бы не состоялся европейско-балтийский вариант реформирования (какой еще в самом конце 1991-го – начале 1992-го казался для России вполне естественным), даже если реформы пошли бы по менее эффективному, более медленному и более затратному болгарско-румынскому варианту, то и тогда российские полудемократические власти 1990-х годов, пусть и не полностью свободные от ударов различных кризисов, все-таки смогли бы избежать катаклизмов, подобных августу 1998 года, и не предъявили бы столь безальтернативный спрос на силовиков.

Конечно, всякое (или почти всякое) могло произойти в нашей стране. Но все же мне кажется, что многие последующие экономические и политические события оказались в значительной степени предопределены решением Бориса Ельцина от 4 ноября 1991 года.

– Но ведь предложение Ельцина войти в правительство было сделано двоим. И Явлинскому раньше, чем Гайдару. А Явлинский вполне мог согласиться, и реформы в этом случае, вероятно, были бы другими...

10. Последняя развилка

– Если бы Явлинский согласился, то, по меньшей мере, стиль реформ точно был бы другим. Были ли бы другими результаты реформ, – неизвестно. Но, похоже, скорее да, чем нет. Тем не менее, мне кажется маловероятным, что ответ Григория Явлинского мог бы быть принципиально иным, чем тот, что он дал тогда. Дело в том, что поведение состоявшегося человека в немалой степени определяется не только и не столько внешними обстоятельствами, не только тем, насколько привлекательными выглядят сделанные ему предложения, насколько интересны перспективы, открывающиеся при этом, но и его собственными представлениями о том, что должно, что можно и как нужно.

Исходя из того, что известно о Григории Явлинском, выражу сомнение в том, что он согласился бы на предлагавшуюся ему тогда должность при тех ограничениях, какие ему устанавливала российская власть. Мне также трудно представить себе, как он мог бы согласиться на нее, не оговорив со своими политическими партнерами важных для себя условий. Немного упрощая, можно сказать, что к предлагавшейся ему работе Явлинский относился как к рабочему контракту между де-факто равными сторонами, в то время как Гайдар – как к благотворительному дару свыше. И прошедшие с тех пор годы убеждают меня в том, что Явлинский, – можно соглашаться с его подходом или нет, – в основном по-прежнему придерживается тех же принципов. То, что в течение этих лет он следовал им даже тогда, когда это обходилось ему и политически, и лично довольно дорого, заставляет меня думать, что в ноябре 1991 года он вряд ли бы принял иное решение.

– А если поставить вопрос иначе: если представить себе, что кто-то другой стал бы осуществлять эту программу Явлинского. У самой программы – “Пятьсот дней” или “Четыреста дней” – реальный шанс был?

– Это интересная тема. Хотя она, как и многое другое в нашем разговоре, имеет весьма выраженное сослагательное наклонение. Все же история показывает, что осуществление программы является делом сугубо индивидуальным. Любой другой человек не следует

слепо тексту, написанному до него на скрижалях, он проводит свою собственную политику.

Тем не менее, частично программы “Четыреста дней” и “Пятьсот дней” все же были в России осуществлены, причем руками одного из их соавторов. Разделы этих программ, посвященные финансовой стабилизации, денежно-кредитной политике, внешнему долгу, созданию финансовых рынков, были написаны Борисом Федоровым. Оказавшись в 1993 году во второй раз во власти, он во многом смог реализовать именно то, о чем писал за несколько лет до этого. Так что, не исключено, что и действия Явлинского, дай ему история его шанс, могли соответствовать его первоначальному плану.

– Возможно ли провести содержательное сравнение программ реформ Явлинского и Гайдара?

– Попробуем. Поскольку у Явлинского не было возможностей проводить реформы, то сравнивать планировавшееся Явлинским и сделанное Гайдаром не вполне корректно. Единственное, что можно сделать, это сравнить программы Явлинского и представления Гайдара, высказанные в его предреформенных публикациях. В обоих случаях – написанное ими до того, как судьба дала шанс одному из них реализовать свои представления.

Следует отметить, что такие сравнения приводят наблюдателей к разным заключениям. Например, Евгению Ясину обе программы видятся похожими, чуть ли не одинаковыми: “Если вы возьмете программу “500 дней” и сравните ее с тем, что потом сделал Гайдар, то никаких существенных отличий не найдете... все-таки я лично убежден, что это примерно одно и то же... я не видел большой разницы между программой “500 дней”, тем, что предлагалось в Шопроне и что потом делал Гайдар”¹⁹. Действительно, провозглашенный целевой ориентир у обоих авторов один и тот же – создание рыночной экономики. По ряду крупных вопросов и лидеры команд и их члены также обращали внимание на одни и те же блоки проблем, предлагая по ним похожие решения.

Однако внимательный анализ показывает, что между программами Явлинского и взглядами на реформы Гайдара были и серьезные различия. В частности, по ряду немаловажных пунктов позиции двух авторов различались радикально.

– А именно?

– Во всех текстах Явлинского центральное место занимают такие понятия, как свобода, собственность, юридическое равенство, свободное предпринимательство. Как в программе “Четыреста дней”, так и во многих устных выступлениях и статьях начальными и по сути дела ключевыми тезисами являлись тезисы о создании “субъектов свободных рыночных отношений”, “системы свободных хозяйствующих субъектов”, “системы свободного предпринимательства”, о необходимости работы с мелкими и средними хозяевами²⁰. Программа “Пятьсот дней” начинается с провозглашения базовых прав граждан – на собственность, на свободу экономической деятельности, на свободу потребительского выбора²¹. Обе эти программы в качестве самых первых шагов реформ требуют предоставления правовых гарантий предпринимателям, провозглашают равенство прав физических и юридических лиц (включая иностранных) на любую хозяйственную деятельность. В обоих документах есть разделы, посвященные и другим элементам экономической реформы, включая, естественно, и финансовую стабилизацию, и структурные реформы, и преобразования в отдельных секторах. Но главное в них – это создание свободной частной экономики и слоя частных собственников.

В работах Гайдара предреформенного периода о необходимости создания частного собственника, предоставления правовых гарантий предпринимателям, равенства прав частных и государственных предприятий нет ни слова. Его статьи советского периода в журнале “Коммунист” и газете “Правда” посвящены очень важным вопросам – макроэкономической сбалансированности, бюджетной устойчивости, эффективности решений органов государственного управления, критике лоббистских решений, принимаемых министерствами. Он пишет о многих серьезных проблемах – о распределении огромных ресурсов по ошибочным направлениям, о чудовищных решениях по переброске рек, о бездарных мерах по созданию химических комплексов, о фактически коррупционных действиях по созданию нефтеперерабатывающих комбинатов. В работах 1991 года разговор идет о необходимости финансовой стабилизации, в том числе, о бюджете, налоговой системе, введении налога на

добавленную стоимость. Однако мне не встречался гайдаровский текст предреформенного периода, в котором не то чтобы была провозглашена — хотя бы была упомянута — необходимость создания в стране частного собственника, системы свободного предпринимательства, обеспечения гарантий частной собственности и правового равенства экономических субъектов.

Уже после завершения работы в правительстве, после возвращения в свой институт Егор Тимурович вместе с коллегами пишет книгу “Экономика переходного периода”. Этот капитальный труд был, очевидно, задуман и осуществлен в качестве попытки подведения итогов проведенных реформ, попытки развернутой научной защиты того, что им и его командой было сделано, когда он был во власти. Однако в этой работе отсутствует какой-либо раздел, какая-либо глава или даже какой-либо параграф, посвященные созданию свободной экономики, системы свободного предпринимательства, гарантиям частной собственности.

Справедливости ради, следует сказать, что в ней есть разговор о приватизации.

— А простите наше невежество, приватизация и создание частного собственника — это не одно и то же?

— Это не совсем одно и то же. Приватизация — более узкое понятие, чем создание частного сектора. Приватизация — это перераспределение уже существующего. Создание частного сектора — это не только смена собственника, это создание нового собственника, это создание класса новых собственников.

Приватизация также может быть разной. Она может быть осуществлена, в том числе, и в пользу директора предприятия, в пользу вице-преьера, в пользу руководителя правительства, в пользу начальника спецслужбы или президента страны. Участвуя в такой приватизации, эти люди формально становятся “как бы” частными собственниками. Но характер экономического поведения таких граждан сильно отличается от частных собственников, не находящихся во власти, а начавших, например, свой предпринимательский путь с нуля. Говоря о создании частного собственника и формировании структуры частного сектора, Явлинский имел в виду не только передачу государственной собственности в руки граждан. Он имел в виду создание класса частных собственников, не только присваивающих ранее созданное, но и создающих новые проекты, новую стоимость, новую собственность.

Иными словами, в подходах Явлинского и Гайдара обнаруживаются существенные различия: по отношению к предоставлению гражданам экономической свободы, гарантий прав собственности, природе возникновения значительного объема частной собственности, в последовательности эволюции класса частных собственников.

По поводу того, какие методы создания частного сектора являются более эффективными, шла и отчасти продолжает идти интенсивная дискуссия. Весьма удачными считаются польские реформы. Полякам, конечно, сильно помогло то, что частный сектор, пусть и в ограниченных размерах, сохранялся в Польше и при коммунистах (в сельском хозяйстве, услугах, мелком производстве). Кроме того, многие поляки еще при социализме ездили на заработки в Европу и, возвращаясь, создавали на заработанные деньги компании в Польше. Но даже и после того, как начались полномасштабные реформы, после того, как были осуществлены либерализация и финансовая стабилизация, в течение еще ряда лет поляки не торопились приступать к масштабной приватизации крупной государственной собственности.

В бурно развивающемся Китае мы видим нечто похожее: приватизации крупной государственной собственности до сих пор пока не было, зато огромных масштабов достиг выросший с нуля частный сектор. Так что и зарубежный опыт демонстрирует преимущество позиции эволюционного развития частного предпринимательства.

В прошлые годы у экономистов немало сил ушло на дискуссии о том, какие по скорости реформы являются более эффективными — быстрые (шоковые) или постепенные (градуалистские). Опыт показал, что дискуссии такого рода являются малосодержательными, потому что разные реформы требуют разного темпа осуществления и разного временного горизонта. Например, дерегулирование и ценовую либерализацию следует проводить предельно быстро. А вот институциональные реформы, в том числе реформы, нацеленные на создание частного сектора и слоя частных собственников, нуждаются в серьезной подготовке и требуют значительного

времени. Для либерализации экономической деятельности и цен не нужно большого времени — ни года, ни месяца, ни недели, это можно сделать подписанием одного Указа — о том, что любая предпринимательская деятельность разрешена, и что все цены свободны.

— То есть то, что и было сделано практически?

11. Переход к рынку или создание свободного общества?

— Увы, именно этого сделано и не было. Как раз дерегулирование оказалось очень медленным. Либерализация российской экономики растянулась на годы и так и осталась до конца незавершенной, цены в ряде секторов российской экономики остаются по-прежнему административно регулируемые.

Однако другие реформы, например, создание класса частных предпринимателей, не могут быть проведены за одну ночь. Приватизация — как раз из их числа. И та ускоренная, я бы сказал, галопирующая, приватизация, осуществленная в России за полтора года, по своей скорости и, следовательно, неэффективности не имела себе равных в мире.

— То есть, мы и со скоростью проведения реформ не угадали?

— Я бы так сказал: те реформы, какие надо было делать быстро, в России делались медленно. А те реформы, какие требовали времени, постепенного вызревания, были проведены беспрецедентно быстро. Судя по всему, такой подход был не совсем случайным.

В связи с этим следует, очевидно, напомнить удивительную историю, привлекающую внимание вскоре после смерти Гайдара в связи с почти случайно развернувшейся дискуссией о происхождении Указа о свободе торговли от 29 января 1992 года.

2 января 1992 года в России была начата либерализация цен. Она была не полной, а частичной: значительная часть цен осталась под административным контролем. Цены, отпущенные на свободу, за первый месяц выросли в два с половиной — три раза. Цены же, остававшиеся под административным контролем, были увеличены более значительно, например, цены на нефть и нефтепродукты были повышены в шесть — восемь раз. Иными словами, именно повышение цен государством в регулируемом секторе задавало верхнюю планку общего ценового роста.

Главное же заключалось в том, что, несмотря на частично либерализованные цены, российская экономика продолжала оставаться экономикой преимущественно государственных предприятий. Конечно, за несколько предыдущих лет было создано семьдесят восемь тысяч кооперативов, сорок девять тысяч фермерских хозяйств, несколько тысяч совместных предприятий. На 1 января 1992 года было приватизировано сто семь магазинов, пятьдесят восемь столовых и ресторанов, тридцать шесть предприятий службы быта. Но в масштабах страны это была, конечно, капля в море. Де-факто монополия на хозяйственную деятельность оставалась у государства и государственных предприятий. Свободы альтернативным поставщикам товаров и услуг предоставлено не было.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы на свой страх и риск за дело не взялся Михаил Киселев, экономист из Петербурга, бывший тогда народным депутатом России. Хотя он и был членом московско-ленинградской группы экономистов, для подготовки программы реформ на 15-ю дачу в Архангельское он приглашен не был. Осенью 1991 года он познакомился с проектами документов, которые готовила гайдаровская команда, и поразился тому, что не увидел среди них мер по либерализации хозяйственной деятельности. В своих недавно опубликованных воспоминаниях он рассказывает, как безуспешно пытался убедить Гайдара в необходимости принятия юридических решений по раскрепощению предпринимательской активности²².

Поняв, что Гайдар ничего подобного делать не будет, Киселев с помощью нескольких своих коллег подготовил проект президентского Указа о свободе торговли. Суть его была предельно проста: всем российским физическим и юридическим лицам (а не только государственным магазинам и государственным предприятиям) предоставлялось бы право торговать, осуществлять посредническую и закупочную деятельность. Во многом это была калька с того, что за два года до этого сделал Лешек Бальцеревич в Польше,

аналог того, что сделал в 1948 году в Германии Людвиг Эрхард. Но именно это не было сделано в России 2 января 1992 года. С большим опозданием Указ был подписан Борисом Ельциным лишь 29 января 1992 года.

Показательна и реакция Гайдара на действия граждан после появления этого Указа, — похоже, что он совершенно не ожидал от него таких последствий. Проезжая однажды по Москве, он вдруг увидел огромные толпы людей. Каково же было его изумление, пишет Гайдар²³, когда выяснилось, что это были люди, вышедшие на улицы торговать. У многих людей был приколот к одежде или находился в руках вырезанный из газеты тот самый Указ о свободе торговли, впервые за долгие десятилетия позволивший заниматься в России частным бизнесом.

Оказывается, один из важнейших шагов по созданию частного сектора, слоя предпринимателей, свободной российской экономики, Егором Гайдаром не планировался. Когда же под давлением обстоятельств этот шаг все же был сделан, то он, похоже, был тут же забыт. Как бы то ни было, но инициатива по осуществлению одной из важнейших либерализационных реформ оказалась принадлежащей не Гайдару.

— Любопытно, что многие из тех, кто выжил в те годы благодаря этому Указу, и по сей день добрым словом поминают за него именно Егора Гайдара...

— Такова природа мифа. Хотя проект президентского указа Гайдар по должности, конечно, визировал. Для нас же сейчас важно отметить то, что эта история с Указом о свободе торговли проливает дополнительный свет на мировоззрение Егора Тимуровича и дает еще одно подтверждение тому, что отсутствие упоминания в его публикациях необходимости создания слоя свободных предпринимателей, частного сектора, свободной экономики, как до начала реформ, так и по завершении его работы в правительстве, было, очевидно, не случайным.

Чтобы закончить эту часть разговора, следует отметить, что через несколько месяцев этот Указ подвергся довольно существенным изменениям, ограничивавшим свободу людей заниматься торговлей.

— Когда?

— 21 июля 1992 года вышел Указ президента в новой редакции. Иными словами, не прошло и полугодя, как “реформаторское” правительство поспешило приступить к ограничению хозяйственных свобод, вырванных у него с таким трудом. Конечно, и с самого своего начала российские реформы были гораздо менее радикальными и более непоследовательными, чем реформы, проведенные Эрхардом в Германии, Бальцеревичем в Польше, Лааром в Эстонии. Но даже этот, более слабый, изначальный импульс “правительство реформаторов” начало гасить уже через несколько месяцев.

— В чем же причина?

— А вот тут мы, похоже, вновь подходим к самому главному. К решающему фактору успеха или неудач в реформах. И не только в них: к людям.

Мы уже говорили о книге Гайдара и его коллег “Экономика переходного периода”. Вернемся к ней опять. Это большая книга, размером в тысячу с лишним страниц, в ней затронуты и профессионально обсуждены многие вопросы — путь страны из коммунизма, устойчивость государственной власти, неизбежность краха социалистической экономики, логика экономического кризиса, различные программы реформ, финансовая стабилизация, институциональные проблемы, ситуация в различных секторах экономики, реформы здравоохранения и образования, моделирование спроса на деньги, динамика занятости. В этой книге, не без оснований претендовавшей на роль энциклопедического сборника по российским реформам, многое есть. И подготовлены материалы качественно, и написана книга хорошо.

Но, знаете, чего в ней нет? В фундаментальной книге о российских реформах нет ни одного упоминания о том самом Указе о свободе торговли, о котором мы сейчас с вами говорили. Иными словами, не только до начала реформ, не только во время работы в правительстве, но и по прошествии ряда лет после ухода из него либерализационная составляющая экономических реформ осталась для Егора Гайдара фактически несуществующей. А ведь именно освобождение предпринимательской активности, предоставление экономической свободы является главным содержанием либеральных экономических реформ.

Что нужно для свободной экономики? Конечно, нужны свободные цены. Но не только. Гораздо важнее свободный предприниматель, свободный потребитель, свободный человек, который и может воспользоваться свободными ценами. Если свободного человека нет, если нет свободного экономического субъекта (как отдельного человека, так и фирмы), то кто сможет воспользоваться свободными рыночными ценами?

— А в самом деле — кто?

— Государственные предприятия. В условиях ограничения и, тем более, отсутствия экономических свобод именно они становятся монополистами даже при свободных ценах. Если нет свободы хозяйственной деятельности, то невозможно, например, начать издавать новый журнал, — допустим, такой как “Континент”. Останутся лишь такие журналы, как, например, “Октябрь” и “Блокнот Агитатора”, другие же издания выпускать будет нельзя. При этом цены на разрешенные к выпуску журналы будут рыночными. Как Вы думаете, можно ли назвать такую экономику свободной?

При всей своей важности, рыночные цены второстепенны по сравнению с наличием свободного предпринимателя и свободного человека. Если изначально нет лично свободного человека, то нет и свободной экономики, и свободного общества.

Восточный базар — это своего рода символ, квинтэссенция свободных рыночных цен. Но восточный базар сам по себе нигде и никогда не создавал свободного человека, не делал восточное общество свободным.

На мировом рынке свободные цены были почти всегда, в том числе и во времена Советского Союза. СССР продавал по рыночным ценам нефть, зерно, лес, удобрения, тракторы, автомобили. Но ни господство на мировом рынке свободных цен, ни продажа коммунистическим режимом по ним товаров на десятки миллиардов долларов ежегодно не меняли природы коммунистической системы, тоталитарного режима, советской централизованной экономики.

Когда в 1970-е годы цены на нефть поднялись в несколько раз, это дало советскому режиму дополнительно сотни миллиардов долларов и продлило ему жизнь. Поскольку рыночные цены политически нейтральны, они могут служить в качестве подпорки и демократической, и тоталитарной системе. Рыночные цены не определяют суть политического режима и экономической системы. Природа политического режима и экономической системы определяется не только и не столько свободой установления цен, сколько свободой других решений, принимаемых лично свободными гражданами. В этом заключается принципиальное отличие свободного общества от несвободного. И, похоже, понимания именно этого принципиального различия у Егора Тимуровича Гайдара не было.

— Но почему?

— Повидимому, таким было мировоззрение Егора Гайдара.

— Но чем это можно объяснить? В чем корень такого мировоззрения?

— Это очень важный вопрос, и мы к нему еще вернемся. Сейчас же хотел бы отметить, что для граждан в полудемократических и авторитарных странах жизненно важно знать, каково мировоззрение ключевых лиц, принимающих в их обществах важнейшие решения. Каковы их политические, идеологические, экономические представления, каковы их взгляды на внешнюю политику, на внутренние проблемы и конфликты, каковы важнейшие принципы, в соответствии с которыми они действуют.

Что же касается Егора Тимуровича Гайдара, то он был одним из наиболее ярких, информированных и образованных представителей неидеологизированной части советской управленческой и научной элиты, искренне заинтересованный в спасении того, что, очевидно, с некоторой натяжкой можно было бы назвать унаследованной от СССР государственной системой. Такое спасение Гайдар видел на пути перевода советской экономики на рыночные рельсы, но без ее радикальной либерализации, быстрой стабилизации, без принципиальных преобразований природы отечественного государства. Его взгляды во многом отражали представления реформистской части советской бюрократии, осознававшей неэффективность командной экономической системы и неспособность осуществления своих политических и идеологических целей на прежнем экономическом фундаменте. При, конечно, его очевидном превосходстве в кругозоре и решительности в действиях.

Егор Гайдар оказался одним из наиболее подготовленных специалистов, способных провести маркетизацию и монетизацию российской экономики при сохранении основ прежней управленческой системы. Эта задача — по созданию рыночной монетизированной экономики — была им сформулирована и в основном решена. Однако в личном мировоззрении Гайдара и среди целей проводившихся им реформ не было задачи создания системы свободного предпринимательства и свободного общества. Такие цели им не были сформулированы, такие задачи им не решались и не были решены.

В отличие от Егора Гайдара, у Григория Явлинского, судя по всему, такая цель присутствовала. Однако отдельный вопрос заключается в том, удалось ли бы Явлинскому, получи он пост руководителя российского правительства, имея он соответствующую политическую власть, располагай он необходимыми административными ресурсами, реализовать свою программу. Ответа на этот вопрос мы не знаем. История не дала ни ему, ни нам этого шанса и, как можно предположить, маловероятно, что даст в ближайшем будущем.

Промежуточные выводы начатого два с лишним десятилетия назад Большого перехода выглядят следующим образом. Во второй половине 1980-х годов в СССР начался переход от имперского государства с авторитарным политическим режимом и экономикой бюрократического торга к свободному обществу. К настоящему времени этот переход остается незавершенным. За это время произошел частичный переход к национальному государству при интенсивной регенерации в последнее время имперской идеологии и имперской политики. Был осуществлен переход к рыночной экономике, остающейся, тем не менее, сильно монополизированной, с массивным вмешательством в нее со стороны властей и бандитов при энергичном размывании граней между одними и другими. Произошла глубокая деградация и до того бывшего весьма несовершенным правового порядка. После короткой демократической паузы и чуть более длительного полудемократического периода создан новый авторитарный политический режим, по ключевым параметрам являющийся более жестким, чем существовавший в стране двадцать лет назад. Ни полностью свободной экономики, ни правового общества, ни демократической политической системы в России создать пока не удалось.

Полученные результаты заставляют оценить данную попытку Большого перехода в целом как незавершенную и неудачную. Ее неудача объясняется — наряду с рядом объективных и субъективных факторов — главной причиной: отсутствием у лиц, находившихся во власти и принимавших ключевые управленческие решения, мировоззрения свободного человека, критически необходимого для создания свободного общества. Неизвестно, какой была бы недавняя отечественная история, если у руля российской власти оказались бы другие люди, с другими взглядами, иными принципами и целевыми ориентирами. Однако за прошедшие два десятилетия понимание того, что из себя представляет свободное общество, и какие действия и компромиссы на пути к нему недопустимы, в нынешней России стало более распространенным и более глубоким.

Сноски

1 См.: “Континент”, №№ 134 (№ 4, 2007), 136 (№ 2, 2008).

2 Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991-1997. Под ред. Е.Т.Гайдара, 1998. Введение.

3 Реформаторы приходят к власти. Интервью П.Авена, С.Васильева, Г.Явлинского: <http://www.forbesrussia.ru/interview/45328-petr-aven-vo-glave-fsb-chubais-prines-nemenshe-polzy-chem-na-privatizatsii>; <http://www.forbesrussia.ru/interview/46101-reformatory-prihodyat-k-vlasti-sergei-vasilev>; <http://www.forbesrussia.ru/interview/45575-reformatory-prihodyat-k-vlasti-grigorii-yavlinskii>.

4 Последний банкир Империи.

<http://www.itogi.ru/report/2010/9/149469.htm>; <http://www.itogi.ru/report/2010/10/149629.html>; <http://www.itogi.ru/report/2010/11/149893.html>.

5 Книга, написанная из-под палки. Интервью П. Авена журналу “Медведь”:

http://medved-magazine.ru/?mode=article_view&sid=7&id=277

6 Гайдар Е. Мировой кризис и Россия: Суть разногласий. “Ведомости”, 21 марта 2008 г., <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/03/21/144035>

- 7 Чубайс А. Страну не проиграли. “The New Times”, № 27 [73], 7 июля 2008 г., <http://newtimes.ru/articles/detail/3975/>
- 8 См.: “Континент”, №№ 140, 141 (№№ 2, 3, 2009).
- 9 The Economy of the USSR: Summary and Recommendations. IMF, IBRD, OECD, and EBRD, Washington, D.C., 1990.
- 10 Peck M. J. and Richardson T. J. What Is To Be Done? IIASA, 1991.
- 11 Реформаторы приходят к власти. Интервью Г. Явлинского: <http://www.forbesrussia.ru/interview/45575-reformatory-prihodyat-k-vlasti-grigorii-yavlinskii>
- 12 Федоров Б. Десять безумных лет. М., 1999.
- 13 Реформаторы приходят к власти: Евгений Ясин: <http://www.forbesrussia.ru/interview/46156-reformatory-prihodyat-k-vlasti-evgenii-yasin>
- 14 Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 60.
- 15 С Григорием Явлинским, инициатором создания указанной программы, мы познакомились осенью 1988 года... Он в это время заведовал Управлением социального развития в Госкомитете по труду и социальным вопросам и слыл восходящей звездой на явно не богатом талантами фоне правительства Рыжкова... Общее ощущение, сложившееся у меня по совместной работе с Явлинским, было довольно определенным. Несомненно талантлив, ярок, безумно честолюбив, скрыто страдает от явных изъязов в своем экономическом образовании, в чем, к его чести, отдает себе отчет... Взлет Явлинского начался осенью 89-го... Явным исключением в ряду этих документов, правда, имевшим не экономический, а политический резонанс, без сомнения, стала программа “500 дней”. набросок ее Григорий Алексеевич показал мне, кажется, в марте 90-го года. Содержательно в ней не было ничего особенно нового... Если беспристрастным глазом специалиста перечитать программу “500 дней”, то многие из ее сюжетов невозможно воспринимать без улыбки... Мы неоднократно обсуждали и с самим Явлинским, и с другими соавторами этой программы — Евгением Ясиным, Владимиром Машицем, Борисом Федоровым — их отношение к ней. Нет сомнения, что большинство из них ни в малой степени не сомневалось в ее утопии. И вместе с тем в политическом ключе программа “500 дней” была в тот момент, безусловно, полезной... Именно это и заставило меня в конце лета 90-го года публично поддержать эту программу, лишь мягко высказав сомнения в реалистичности многих параметров, положенных в ее основу. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 62 - 65.
- Явлинский вспоминал об отношении Гайдара к нему так: положение у нас было, конечно, разное. Он был партийным публицистом высокого уровня... Мы шли с ним совершенно разными путями. Он был в журнале “Коммунист”, потом в “Правде”... Тогда вообще МГУшники ко всем остальным, и к нам из “Плешки”, относились как “белая кость”, “золотая молодежь” к провинциалам. Они ездили на практику за границу, в Австрию в Институт системных исследований, а мы работали на московской кондитерской фабрике. — Реформаторы приходят к власти: Григорий Явлинский: <http://www.forbesrussia.ru/interview/45575-reformatory-prihodyat-k-vlasti-grigorii-yavlinskii>.
- 16 Из института ищу по телефону всех, кому можно дозвониться. Звоню помощнику Горбачева, О. Ожерельеву. Спрашиваю: жив ли Михаил Сергеевич и можем ли мы для него что-нибудь сделать? Отвечает крайне уклончиво — разговор не поддерживает. Звоню в Белый дом Сергею Красавченко, Алексею Головкову. Прошу передать начальству, что институт в распоряжении российской власти. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 74.
- 17 Гайдар Е. Выступление на Седьмом Съезде народных депутатов РФ 2 декабря 1992 г. — Гайдар Е. Сочинения в двух томах. М., 1997. Т. 2. С. 695.
- 18 Об этом речь шла в: “Континент” 2007, №134, <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>
- 19 Реформаторы приходят к власти: Евгений Ясин: <http://www.forbesrussia.ru/interview/46156-reformatory-prihodyat-k-vlasti-evgenii-yasin>
- 20 400 дней доверия. М., 2000. С. 6: <http://www.yabloko.ru/Publ/500/400-days.pdf>
- 21 Переход к рынку. М., 1990: <http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-days.html>
- 22 Указ “О свободе торговли” со временем стал символом эпохи “гайдаровских реформ”, хотя и не был таковым исторически, ибо правительство реформаторов вовсе не

действовало сознательно в его экономической логике и, более того, изначально даже не планировало вводить такую норму. Идея отдельной нормы, отменяющей все торговые ограничения и таким образом жестко взрывающей старые формальные нормы и стереотипы поведения и поощряющей предпринимательскую инициативу населения, была известна по опыту реформ Бальцеровича... Но подготовленные к октябрю 1991-го на 15-й даче в Архангельском проекты исходили именно из идеи “контролируемого”, дозированного и управляемого реформирования и, естественно, такого рода норм прямого действия не включали. Тогда к моим робким аргументам относительно непоследовательности, в том числе и в этом вопросе, Егор Тимурович остался глух. И лишь к концу декабря, когда критическая ситуация со снабжением в городах стала очевидной, я, постоянно к этой теме возвращаясь, получил добро на подготовку соответствующего проекта со стороны Сергея Васильева, к тому моменту директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве. Таким образом, указ “О свободе торговли” появился не как идейно логичная мера реформаторов, а как мера, скорее вынужденная обстоятельствами. И симптоматично, что готовило и согласовывало его не само правительство, а некий “инициативщик”... Итоговый вариант, согласованный с Васильевым, был затем мною завизирован у [вице-премьера Сергея] Шахрая и в необходимых для такого рода проектов инстанциях администрации президента... И лишь уже окончательно готовый для подписи президентом вариант мы с Алексеем Головковым, главой аппарата правительства и моим давним единомышленником, предъявили вице-премьеру по экономике, как бы поставив Гайдара уже перед фактом. Не скажу, что реакция его была воодушевленной. Но после некоторых колебаний он согласился его завизировать и передать на подпись Ельцину.

Однако история на этом не закончилась. Указ все не появлялся, а через некоторое время меня пригласили на совещание к Гайдару, где в качестве проекта указа обсуждался мой текст, дополненный целым рядом принципиальных поправок, полностью выхолащивающих его практическое и идейное содержание. Боязнь потери контроля, пусть и иллюзорного, брала свое... На совещании в первую очередь усилиями Васильева часть этих правок удалось отвести. Но в подписанный президентом указ все же вошли такие несуразные и прямо вредительские пункты, как “предельные торговые надбавки”. Т. е. традиция под видом контроля создавать поводы для административного рэкета восходит к самым первым и, казалось бы, даже наиболее радикальным действиям “правительства реформ”. — См.: Киселев М. О чем чуть не забыли реформаторы. “Русский Форбс”, 1 февраля 2010, <http://www.forbesrussia.ru/node/40820/print>

23 Проезжая через Лубянскую площадь, увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина “Детский мир”. Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно. “Очередь, — привычно решил я. — Видимо, какойто товар выкинули”. Каково же было мое изумление, когда узнал, что это вовсе не покупатели! Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты Указ о свободе торговли, люди предлагали всяческий мелкий товар... Если у меня и были сомнения — выжил ли после семидесяти лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе, то с этого дня они исчезли. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С 156.

Часть II. Анатомия реформ

12. Истоки мировоззрения

— Андрей Николаевич, в прошлый раз мы прервали нашу беседу на Ваших словах: “Неизвестно, какой была бы недавняя российская история, если у руля российской власти оказались бы другие люди, с другими взглядами, иными принципами и целевыми ориентирами”. Вы говорили о том, что неудачи реформ во многом объясняются личными качествами Егора Тимуровича Гайдара. О том, что главным ограничителем реформ был он сам — его мировоззрение, его взгляды, его правила поведения. То есть, как это и следует из подзаголовка нашего интервью, Вы придаете исключительное значение роли отдельных личностей в недавней истории России. Но, может быть, у Вас есть

объяснение, отчего людям, находившимся тогда у власти, оказались присущи именно те взгляды, принципы и целевые ориентиры, которыми они и руководствовались, приступая к реформам?

— Действительно, и наша российская история, и история любой другой страны наглядно показывают, насколько важна роль тех или иных людей, стоящих на вершине государственной власти. Даже для демократических обществ весьма значимой оказывается роль лидеров, пусть регулярно сменяемых, пусть находящихся у государственного кормила определенное законом время, пусть ограниченных в своих действиях системой конституционных сдержек и противовесов, политической борьбой с конкурентами, реальным риском потерять электоральную поддержку, свободными средствами массовой информации, независимым судом. Достаточно вспомнить, какое воздействие на судьбы своих стран оказали такие демократически избранные политики, как Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, Конрад Аденауэр, Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган.

Что же касается полудемократических, полуавторитарных, а тем более авторитарных и тоталитарных обществ, то в них роль лиц, достигших самой вершины власти, для судеб стран и миллионов их граждан поистине огромна. Причем чем более недемократической, менее ограниченной другими центрами силы, более централизованной является власть, тем меньше шансов для сторонних групп повлиять на нее, тем относительно большей оказывается и роль персоны, находящейся на вершине властной пирамиды, тем более весомой являются последствия ее действий даже в спокойное время. Значимость же лица, оказавшегося на вершине власти во время национального кризиса, войны, трансформационного перехода, — мы об этом говорили с вами в первой части интервью, — увеличивается многократно. Не случайно то внимание, какое в объяснении причин происходивших событий историческая наука уделяет первым лицам — руководителям государств, лидерам политических и национальных движений, командующим войсками. Не удивительно и то, что во все времена образование культурного человека требовало знакомства с биографиями выдающихся людей.

Понимание природы человека, оказавшегося на вершине власти, включает в себя, по меньшей мере, понимание того, что такой человек говорит, что он делает, чем именно его слова и его дела можно объяснить. Причем понимание того, что и почему человек делает, является более важным, чем понимание того, что и почему он говорит.

Среди факторов, влияющих на поведение людей, наряду с экономическими, особую роль играют факторы социологического и психологического свойства.

— Может быть, уточним, — духовно-психологические?

— Возможно. Мы говорили с вами о макроэкономике, о финансовой стабилизации, о роли частного сектора, о других экономических, а также политических, правовых и иных категориях. Отношение к этим категориям героев, оказавшихся в центре нашего обсуждения, оказалось различным.

Мы говорили о различиях в персональных представлениях о сути и целях экономических реформ у тех, кто их проводил, у их авторов из стран Центральной и Восточной Европы, стран Балтии, других постсоветских государств, России. Мы говорили, насколько различавшимся было отношение к бюджетной дисциплине, предоставлению финансовых льгот, масштабам допустимой денежной эмиссии у работавших в российском правительстве в одно и то же время Егора Гайдара и Бориса Федорова. Мы отмечали, насколько различным было отношение к экономической свободе, обеспечению гарантий частной собственности, правовому равенству экономических субъектов у Егора Гайдара и Григория Явлинского. Мы обращали внимание, насколько различными были подходы к индивидуальному предпринимательству, свободной экономике, свободному обществу у Егора Гайдара и Михаила Киселева. Эти персональные особенности заметно повлияли на содержание экономических реформ в нашей стране и во многом предопределили характер осуществленной российской экономической и политической трансформации.

Чем эти персональные особенности объясняются?

Популярные объяснения исторических событий обращают внимание, как правило, на так называемые структурные причины произошедшего — на уровень экономического развития страны, на величину дохода на душу населения в ней, на структуру экономики и занятости населения, на такие экзогенные факторы, как уровень и динамика цен на

нефть, зерно, другие важные для данного общества ресурсы, на внешние воздействия, в том числе кризисы – “азиатский”, региональные, глобальный, финансовый и т. д. Марксистские и квазимарксистские концепции, согласно которым сознание определяется бытием, долгое время господствовали и во многом продолжают оставаться распространенными в нашем обществе. Однако их соответствие фактам было подвергнуто сомнению историей нашей страны, историей других стран, да и, похоже, всей историей человечества. В одних и тех же или очень похожих условиях рождаются, развиваются, формируются весьма разные люди. Действуя в весьма похожих, аналогичных и даже идентичных условиях, они придерживаются разных взглядов, следуют разным принципам, придерживаются разных правил, совершают разные действия, проводят разную политику. При схожести общих внешних условий различия в их поведении невозможно объяснить этими общими условиями.

Что действительно может пролить свет на различия в их действиях, так это личное мировоззрение действовавших лиц, их индивидуальное отношение к происходившим событиям, следование различным правилам, приверженность соблюдению разных принципов. Разобраться в природе человеческих душ непросто. Тем не менее, для понимания причин действий конкретных лиц, оказавшихся у руля государственной власти, необходимо все же попытаться понять, чем, какими соображениями они руководствовались, почему и каким образом сформировалось их личное мировоззрение. Также очевидно и другое. Существуют некоторые общие условия, правила и закономерности формирования человеческого мировоззрения. Если последовательно заниматься формированием так называемого нового человека, – например, так, как этим занимались коммунисты в нашей стране и в ряде других стран, в том числе путем физической ликвидации носителей иных, некоммунистических, взглядов, с одной стороны, и насильственного воспитания и перевоспитания миллионов людей с помощью всеобщего обязательного идеологического образования, тотальной пропаганды, ГУЛага, – то можно добиться существенных результатов. В нашей стране мы стали свидетелями такого рода “успехов” в деле формирования “человека нового общества”, создававшегося, в том числе, путем ликвидации целых социальных классов и этнических групп, стирания индивидуальной и коллективной памяти о прошлом, создания новых культов, специальных этических кодексов, особой морали.

– Нового мировоззрения...

– При господстве тотальной или монополярной системы образования, государственной системы распространения информации желаемое для власти мировоззрение методично навязывается всему обществу при сохранении островков иных видов мировоззрения преимущественно в семье, а также в немногих остающихся негосударственных организациях. В условиях всеобщего государственного образования, тотальной пропаганды, обязательной воинской повинности, контролируемого властями массового производства семья остается едва ли не единственным уголком, в котором может сохраниться, пусть частично, альтернатива навязываемому государством мировоззрению. В тоталитарном обществе, пожалуй, лишь семья хоть в какой-то степени в состоянии предложить отдушину от государственной идеологии. Именно родители оказывают решающее воздействие на формирование мировоззрения детей – намеренно или невольно, примером своего положительного и отрицательного поведения, системой стимулов и наказаний, тем, как они реагируют на разные события и какую информацию дают детям. Поэтому, наверное, именно фактор семьи оказывается первоочередным для анализа, если мы хотим разобраться в природе мировоззрения того или иного человека. Мы еще вернемся к этой теме. А сейчас следует напомнить, что первые признаки специфичности действий российских властей, в том числе и по сравнению с другими странами, проводившим реформы, стали заметны уже в конце 1991 года.

– В то самое время, о котором сейчас вспоминают как о периоде массового голода?..

13. “Спасение от угрозы голода”

Во-первых, должен сказать, что восприятие событий 1991 - 1992 годов тогда и сегодня заметно различается. Сейчас подзабылось, какие именно вопросы находились в центре дискуссий в начале 1990-х годов; многие тогдашние события в свете прошедшего

времени воспринимаются уже по-другому. Сегодняшнему восприятию тех событий немало помогает реальный контраст между тем, что видно на полках магазинов сейчас, и тем, что действительно находилось (и не находилось) на них в то время.

Во-вторых, несомненно, что продовольственное снабжение крупных городов тогда было весьма напряженным. Тем не менее, в то время лишь немногие из участников событий описывали тогдашние действия российского правительства в рамках парадигмы спасения страны от угрозы голода. В рамках ликвидации плановой экономики – да. В рамках уничтожения коммунистической системы – да. В рамках проведения рыночных реформ – да. В рамках преодоления кризиса продовольственного снабжения крупных российских городов – да. Но не в рамках спасения страны от угрозы массового голода.

В-третьих, чтобы доказать, что действия тогдашнего российского правительства на самом деле были направлены на спасение страны от угрозы реального голода, недостаточно привести переписку государственных чиновников о запасах продовольствия, процитировать воспоминания о пустых полках и поездках по магазинам за хлебом, привести пример изменения маршрута судна, шедшего с зерном в Россию. Для этого необходимо было бы привести более весомые доказательства угрозы массового голода в стране, подтверждения усилий властей по его предотвращению, а также свидетельства того, что ситуация была изменена благодаря именно этим усилиям.

Тогда необходимо было бы продемонстрировать факты, подтверждающие наступление голода или его угрозы: привести статистические данные о значительном росте относительных цен на продовольствие по сравнению с ростом цен на непродовольственные товары, сделавшем продовольствие недоступным по цене для миллионов людей. Необходимо было бы привести данные о бегстве или, как минимум, о массовом отъезде людей из городов, оказавшихся под “угрозой массового голода”. Необходимо было бы привести данные о фактическом сокращении объемов и ухудшении качества потребления миллионов граждан, причем в таких масштабах, что это действительно вызвало статистически значимый рост болезней и смертей.

Необходимо было бы продемонстрировать конкретные решения правительства, которые можно было бы интерпретировать в качестве мер по “борьбе с угрозой голода”. Если верны утверждения о том, что российское правительство осенью 1991 года занималось спасением страны от голода или его угрозы, то, очевидно, найти документальные подтверждения этой борьбе было бы нетрудно. Тогда необходимо было бы предъявить эти документы интересующейся публике.

Наконец, необходимо было бы показать, каким образом в результате действий правительства произошли (если произошли) изменения во всех упомянутых трендах (если такие тренды имели место), – например, привести данные о развороте тренда относительного роста цен на продовольствие на противоположный; обнародовать подтверждения того, что люди в 1992 году перестали покидать города, а ранее уехавшие горожане стали возвращаться в них из сельской местности; представить свидетельства того, что фактическое потребление граждан в результате действий правительства увеличилось, а его структура улучшилась.

Однако таких данных приведено не было. И это по-своему понятно, потому что привести такие данные непросто.

Разбор же правительственных документов того времени приводит к несколько иным выводам. Выясняется, что преодолением продовольственного кризиса крупных российских городов занимались все кабинеты, оказавшиеся у власти в нашей стране в 1991 - 1992 годах, – и союзные правительства и республиканские. Их деятельность осуществлялась по трем основным направлениям: 1) административное установление производителям продовольствия государственных заданий по закупкам зерна, мяса, молока, яиц, других продуктов; 2) предоставление гражданам и предприятиям, занимавшимся производством продовольствия, дополнительных материальных и финансовых ресурсов – земли, тракторов, автомобилей, бензина, удобрений, кормов; 3) закупка дополнительного продовольствия за рубежом.

Причем если по числу и характеру решений, устанавливавших административные задания производителям, не заметно принципиальной разницы между двумя российскими правительствами: И.Силаева – Г.Кулика и Б.Ельцина – Г.Бурбулиса – Е.Гайдара, то по

объемам предоставленных материальных и финансовых ресурсов производителям продовольствия очевидное преимущество принадлежит силаевскому правительству.

Что касается участия различных правительств в импорте продовольствия в 1991 - 1992 годах, то каждое из них внесло в него свою лепту. Стоимость импорта продовольствия по решениям союзного правительства М.Горбачева – В.Павлова составила примерно 42% от его совокупного ввоза за эти два года, по решениям российского правительства И.Силаева – Г.Кулика – около четверти, по решениям российского правительства Б.Ельцина – Г.Бурбулиса – Е.Гайдара – примерно треть. При этом в российском правительстве Б.Ельцина – Г.Бурбулиса – Е.Гайдара главные решения об импорте продовольствия (по совокупной стоимости сделок более чем на 85%) были инициированы Г.Бурбулисом¹.

Что касается деятельности по организации импорта продовольствия непосредственно Егором Тимуровичем, то результаты ее достаточно скромны: в списке документов правительства есть два распоряжения Гайдара по завершению сделок о закупке зерна, инициированных и частично проведенных его предшественниками, а также одно распоряжение о сделке по закупке сахара, инициированной непосредственно им самим. Кроме того, им было подписано несколько распоряжений об установлении административных заданий регионам страны и различным организациям по поставкам продовольствия на государственные нужды.

К чему Егор Гайдар (как, впрочем, и вся правительственная реформаторская команда, да и все российские власти) действительно имел отношение, так это к решению о частичной либерализации цен, начатой 2 января 1992 года. Однако при этом следует иметь в виду, по крайней мере, несколько следующих обстоятельств.

Во-первых, к осени 1991 года экспертное сообщество страны было едино относительно необходимости либерализации цен. Разногласия существовали относительно ее масштабов, скорости и последовательности ее проведения, размеров компенсации гражданам потерь из-за роста цен и т. д. Относительно же необходимости проведения самой либерализации цен разногласий не было.

Во-вторых, по отношению к либерализации цен сложился политический консенсус среди победителей антикоммунистической революции августа 1991 года. Этот консенсус был законодательно закреплен решениями V Съезда народных депутатов России, состоявшегося в конце октября – начале ноября 1991 года. Депутаты России абсолютным большинством голосов поддержали программу радикальных экономических реформ (включая полномасштабную либерализацию цен)², изложенную в речи Б.Ельцина 28 октября. Более того, правительству, возглавлявшемуся Б.Ельциным, Съезд предоставил исключительные полномочия по проведению экономических реформ (сроком на год).

В-третьих, политическую ответственность за разовую либерализацию цен взяли на себя руководители российского правительства Б.Ельцин и Г.Бурбулис, подписавшие соответственно Указ президента от 3 декабря 1991 года⁴ и постановление правительства от 19 декабря 1991 года⁵.

Наконец, справедливости ради надо признать, что не только российское правительство, но и правительство СССР готовило либерализацию цен⁶. В тексте записки В.Дурасова от 20 июня 1991 года описан тот самый вариант частичной либерализации цен, который и был фактически осуществлен в России 2 января 1992 года. В документе В.Щербакова либерализация цен в СССР планировалась на то же время, что и по более поздним решениям российских властей, – после 1 декабря 1991 года⁷. Иными словами, среди специалистов, в том числе и тех, кто занимал самые высокие правительственные позиции, заметных разногласий относительно необходимости, деталей и даже сроков освобождения цен не было. Если и была разница между союзными и российскими властями, то она заключалась лишь в отсутствии у руководства СССР решимости своевременно взять на себя такую политическую ответственность. Иными словами, главное отличие России в январе 1992 года от СССР в июле и декабре 1991 года заключалось не столько в том, что вместо В.Дурасова и В.Щербакова появился Е.Гайдар, сколько в том, что вместо М.Горбачева появился Б.Ельцин.

Начатая 2 января 1992 года частичная либерализация цен действительно сыграла важную роль в деле наполнения прилавков магазинов продовольствием и ослабления продовольственного кризиса крупных городов. Тем не менее, даже это, наиболее часто

цитируемое, решение реформаторских властей при внимательном рассмотрении оказывается не лишенным серьезных изъянов. Согласно президентскому указу о либерализации цен, воспроизведшему основные подходы записки В.Дурасова, государственное регулирование цен было сохранено на ряд важнейших продовольственных товаров – пшеничный и ржаной хлеб, молоко, кефир, творог, соль, сахар, растительное масло, водку, спирт, детское питание⁸. Иными словами, вопреки созданной в последующие годы мифологии, указ не предусматривал свободного ценообразования на важнейшие продовольственные товары и, прежде всего, на хлеб. Следовательно, достижение баланса между спросом и предложением на эти продукты и преодоление их дефицита, во-первых, затянулось (в общей сложности почти на два года); во-вторых, поначалу было обусловлено не столько либерализацией цен на них, сколько их административным повышением; в-третьих, в конечном счете, было обеспечено не столько в результате действий правительства Е.Гайдара, сколько в результате решений региональных властей, а также Бориса Федорова в 1993 году. То, что реформа цен от 2 января 1992г. не смогла насытить рынок этими товарами, признавал и сам Е.Гайдар⁹.

Иными словами, центральный элемент важнейшего экономического решения был не столько рыночным и либерализационным, сколько административным. В этой части решение российского правительства от 2 января 1992 года напоминало решение союзного правительства В.Павлова от 2 апреля 1991 года об административном повышении регулируемых цен на базовые виды продовольствия. Последующей передачей местным властям права отказываться от дотирования продовольственных товаров российское правительство отказалось и от своих потенциальных заслуг в деле полной либерализации цен в этом секторе рынка, насыщения его продуктами, преодоления продовольственного кризиса крупных городов, не говоря уже о “спасении страны от угрозы голода”.

29 декабря 1991 года российское правительство приняло еще один знаменательный документ. Постановление №88 “Об ограничении вывоза товаров народного потребления” установило ограничения на вывоз и отправку почтовыми посылками одних продовольственных товаров (хлеб, колбаса, животное масло, маргарин, яйца, рыбные консервы, конфеты, чай, кофе, сахар, алкогольные и табачные изделия)¹⁰ и полностью запретило вывоз за пределы страны других (мясо и мясопродукты, мясные консервы, сыры, растительное масло, пищевые жиры, рыба, пищевые концентраты). Это же постановление потребовало создания в недельный срок на границах России “специальных стационарных пунктов по контролю за вывозом товаров народного потребления”, а также создания Минюстом, Министерством безопасности, МВД, Прокуратурой, Минтрансом, Минсвязи, Таможенным комитетом “системы органов контроля за вывозом гражданами товаров народного потребления”, установления “порядка личного досмотра граждан и досмотра вещей, применения санкций к правонарушителям, изъятия у граждан товаров народного потребления”.

Даже не затрагивая вопросов о соответствии этих решений базовым принципам свободной экономики и свободного общества, о нарушении ими неотъемлемых прав и свобод российских граждан, об их экономической бессмысленности в условиях опережающего роста цен на продовольствие в России по сравнению с большинством постсоветских республик, с политической точки зрения они не могли не быть контрпродуктивными. Запреты на движение товаров через границу, особенно в странах, имеющих отрицательный баланс по торговле продовольственными товарами (как в случае России), часто приводят к эскалации контрмер со стороны торговых партнеров, что больше всего ударяет как раз по странам, импортирующим продовольствия больше, чем экспортирующим. К счастью, это решение не было воплощено в жизнь. Но характер мышления новых властей продемонстрировало.

Иными словами, при отсутствии в стране в 1991 году “угрозы массового голода”, но при наличии кризиса продовольственного снабжения крупных городов преодоление последнего произошло путем применения новым правительством мер не столько либерализационного, сколько административного характера.

– Хорошо, пусть голода не было, пусть не было угрозы голода. Пусть в своих выступлениях более позднего времени Е.Гайдар и А.Чубайс излишне драматизировали ситуацию, приукрашивая собственные действия. Но Вы же сами говорите, что кризис

продовольственного снабжения городов все-таки был. И власти, так или иначе, пытались с ним справиться. Пусть они действовали не лучшим образом, пусть предпочитали административные методы, пусть совершили при этом большое количество ошибок. Но намерения-то у них были благородными, они пытались облегчить страдания людей, как умели...

14. Осколок империи

– Обсуждать чьи бы то ни было намерения непросто. Более продуктивно обсуждать реальные действия. Недавно произошло обсуждение документов, обративших на себя внимание своей, мягко говоря, необычностью. 27 декабря 1991 года своим распоряжением бывший тогда вице-премьером российского правительства

Егор Гайдар принял решение о предоставлении финансовой помощи режиму Фиделя Кастро в размере ста миллионов долларов.

– Вы не шутите?

– **Увы.** Распоряжение правительства было выпущено в те дни, которые годами позже будут названы тем же Е.Гайдаром временем “угрозы наступления голода в стране” и которые, объективно говоря, действительно были пиком кризиса продовольственного снабжения крупных российских городов. К этому времени прошло уже два месяца со времени произнесения Б.Ельциным речи на V Съезде народных депутатов России о радикальной экономической реформе и о либерализации цен в качестве ее ключевого шага. Почти месяц прошел со дня публикации Указа Президента о либерализации цен. О том, что цены после Нового года будут освобождены и, следовательно, намного возрастут, знала вся страна. Потому все люди, у кого оставались хоть какие-то деньги, постарались их побыстрее потратить. Неудивительно, что полки магазинов опустели, – и потому что люди пытались обратить свои деньги в товары, понимая, что цены на них неизбежно вырастут, и потому что те, кто распоряжался товарами в магазинах и на складах, постарались их приберечь до того момента, когда их можно будет продать по более высоким ценам.

Поэтому отсутствие продовольствия на полках не имело ничего общего ни с голодом, ни с его угрозой, а объяснялось ажиотажным спросом на товары повседневного спроса накануне значительного роста цен на них, ожидавшегося со 2 января 1992 года. Об экономическом механизме такого исчезновения товаров с полок магазинов было подробно написано в записке бывшего тогда председателем Госбанка СССР В.Герашенко от 19 сентября 1990 года¹¹. Пять месяцев спустя, 17 февраля 1991 года, близкое к этому описание появилось и в статье Е.Гайдара¹².

Иными словами, действия властей немало способствовали краткосрочному усугублению кризиса на товарном и, в особенности, на продовольственном рынке.

– Да, это был очень тяжелый момент...

– Какое же решение принимается в этот тяжелый момент? Решение о предоставлении финансовой помощи режиму Кастро. Причем для понимания масштабов предоставленной помощи следует упомянуть, что, например, в январе 1992 года – в первом месяце того первого квартала 1992 года, на который, собственно говоря, и распространялось гайдаровское распоряжение о помощи кубинскому режиму, – все расходы федерального бюджета России составили 148 (сто сорок восемь) миллионов долларов. Это были все бюджетные расходы – на образование, здравоохранение, пенсии, государственный аппарат, армию, правоохранительные органы, поддержание инфраструктуры, науки и т.д. Курс рубля к доллару тогда был скромным, внутрироссийские цены относительно мировых – низкими, экономическая ситуация – сложной, а все расходы федерального правительства составляли сто сорок восемь миллионов долларов. В такой ситуации руководитель экономического блока российского правительства принял решение о направлении ста миллионов долларов не на то, чтобы спасти страну “от голода” или “от угрозы голода”, не на закупки хлеба, про важность обеспечения населения которым он позже напишет и расскажет не раз, не на закупки мяса, масла, яичного порошка, не на оплату фрахта транспортных судов, везших зерно в российские порты. Эти средства были направлены режиму Фиделя Кастро.

– Сто миллионов из тех самых ста сорока восьми?

– Нет, это помимо ста сорока восьми миллионов. Дело в том, что по Распоряжению российского правительства № 203 было принято выделить квоты на экспортную поставку полутора миллионов тонн нефти, четырехсот тысяч тонн дизельного топлива и трехсот тысяч тонн мазута – в общей сложности 2,3 миллиона тонн нефти и нефтепродуктов – “для республиканских государственных нужд”¹³. Мы с вами раньше уже говорили о том, что нефть, нефтепродукты, газ в нынешнем мире – это фактически готовая валюта.

– То есть Фиделю Кастро мы все-таки выдали сто миллионов не наличными?

– Попробую пояснить схему. Согласно Распоряжению № 203, указанные 2,3 миллиона тонн нефти и нефтепродуктов Всероссийское внешнеторговое объединение (ВВО) “Союзнефтеэкспорт” должно было продать “на внешнем рынке на свободно конвертируемую валюту”. Затем на полученную от этой реализации валюту другое ВВО – “Продинторг” – должно было закупить миллион тонн сахара-сырца на Кубе и поставить его в Россию. Казалось бы, это достаточно традиционная бартерная операция. Могут ли быть к ней какие-либо претензии? Ответ на этот вопрос зависит от цен – цен и продаж, и покупок.

Несложные расчеты показывают, что по действовавшим на тот момент мировым ценам реализация указанных нефтепродуктов могла дать выручку примерно в 315 - 320 миллионов долларов. Стоимость же закупки миллиона тонн сахара-сырца на мировом рынке с доставкой в российские порты составляла чуть более 200 миллионов долларов, а с учетом стоимости страхования и транспортировки – 215-220 миллионов долларов. Иными словами, суть операции, изложенной в правительственном распоряжении, заключалась в появлении разницы в экспортно-импортном контракте в размере около ста миллионов долларов.

Куда, кому предполагалось направить эти сто миллионов долларов? Строго говоря, в распоряжении Е.Гайдара не указывалось направление использования этих средств. Поэтому можно предположить, что эти средства могли быть использованы, как минимум, четырьмя различными способами. Они могли быть: а) переданы кубинскому руководству; б) оставлены посредникам, осуществлявшим эту операцию (ВВО “Союзнефтеэкспорт” и ВВО “Продинторг”); в) переданы этими посредниками кому-то еще, кто не был указан в этом распоряжении; г) в какой-то пропорции распределены между некоторыми или всеми участниками этой операции. Как бы то ни было, “норма отката” (термин, ставший популярным в последнее время) в этой операции была поначалу запланирована на уровне 32% (100 миллионов долларов разницы между экспортом и импортом по отношению к 320 миллионам долларов экспорта)¹⁴.

О том, что с такого рода операциями, проводившимися по решениям Политбюро ЦК КПСС в интересах “братских компартий”, Е.Гайдар был хорошо знаком, свидетельствуют комментарии в его книге “Дни поражений и побед”¹⁵ и пример, приведенный в его книге “Гибель империи”, о поставках 600 тысяч тонн нефти и 150 тысяч тонн дизельного топлива фирме “Интерэкспо”¹⁶. Правда, “норма отката” в большинстве таких операций, проводившихся советскими органами, составляла “всего лишь” от одного до пяти процентов от стоимости заключенных контрактов¹⁷.

Через месяц, 28 января 1992 года, распоряжением №155 Егор Гайдар внес поправки в распоряжение №203. Согласно новому документу, объем экспортируемых нефти и нефтепродуктов остался прежним, а вот объем закупаемого сахара-сырца был сокращен в два с половиной раза – до 400 тысяч тонн. Более того, в новом распоряжении появилась точная цифра валютных средств, какие можно было потратить на закупки сахара, включая и издержки по его доставке, – 100,5 миллиона долларов¹⁸. Иными словами, текстом своего нового распоряжения Е.Гайдар не только подтвердил правильность применения мировых котировок в проведенных расчетах определения стоимости закупки сахара, но и увеличил разницу между стоимостью экспорта нефтепродуктов на мировой рынок и стоимостью закупаемого сахара со ста до почти двухсот миллионов долларов. Таким образом, в конце января 1992 года “норма отката” по этой сделке была увеличена с 32% до 69%.

Для понимания масштабов спецоперации величиной в 200 миллионов долларов, утвержденной двумя правительственными распоряжениями, еще раз напомню, что в январе 1992 года все расходы федерального бюджета Российской Федерации на все цели составили 148 миллионов долларов. То есть, в результате “сахарной сделки” российское

правительство заплатило на какие-то цели сумму, на треть превышавшую тогдашние месячные расходы всего федерального бюджета.

Если сравнивать эту сделку, например, с операцией, утвержденной постановлением правительства №57 от 19 декабря 1991 года (подписанным Г.Бурбулисом), то, в соответствии с последним документом, для закупки пяти миллионов тонн зерна и полутора миллионов тонн кормового белка за рубежом на экспорт были направлены четыре миллиона тонн нефтепродуктов и два миллиарда кубометров газа общей стоимостью по мировым котировкам того времени примерно семьсот миллионов долларов¹⁹. Иными словами, стоимость “сахарной сделки” превысила сорок процентов суммы, потраченной властями практически в то же самое время на закупку зерна и кормового белка для снабжения всей страны в рамках главного решения тогдашнего российского правительства по преодолению продовольственного кризиса.

Еще одно сравнение: общая задолженность по фрахту транспортных судов с зерном, направлявшихся в Россию, на 10 февраля 1992 года составляла 172 миллиона долларов²⁰. Иными словами, если бы 200 миллионов долларов, получавшиеся в результате нефтесахарной (“кубинской”) сделки, были бы использованы, например, на оплату задолженности по фрахту, то это решение сразу же закрыло бы проблему поставки зерна в страну и, следовательно, устранило бы столь часто упоминавшуюся “угрозу голода”. Но именно это решение и именно тем, кто это, казалось бы, понимал лучше других, и не было принято. Почему?

Более того, в имеющихся документах 1991 года, а также в последовавших затем многочисленных комментариях Е.Гайдара и его коллег по правительству о том, что, как и почему делалось в те месяцы, речь всегда шла о нехватке хлеба, муки, зерна. Можно спорить о том, насколько точно был сделан анализ продовольственной ситуации, на какие сроки на самом деле хватило бы имевшихся тогда хлебных ресурсов, какие действия со стороны власти необходимо было предпринять по увеличению их доступности, но ощущение, что в определенном дефиците находился именно хлеб, по крайней мере, в некоторых российских городах, действительно было.

Однако ни в документах двадцатилетней давности, ни в публикациях, последовавших затем в течение этих двух десятилетий, никогда не говорилось о нехватке на рубеже 1991-1992 годов сахара. По данным Росстата, запасы сахара в розничной сети в конце 1991 года составляли 191 тысячу тонн, а, например, в конце 1997 года, когда никакой речи о дефиците сахара не было, – только 84 тысячи тонн. Более того, буквально за неделю до распоряжения о нефте-сахарной “кубинской” сделке Е.Гайдар собственноручно подписал распоряжение о закупке во Франции и поставке в Россию в декабре 1991-го и первом квартале 1992 года еще 400 тысяч тонн сахара²¹. Иными словами, срочной необходимости дополнительных закупок сахара в конце 1991 года не было.

Спрашивается, а зачем же тогда, в конце декабря 1991 года, в условиях отсутствия дефицита сахара, при наличии его, возможно, небольшого, но все же излишка, понадобилось закупать его дополнительные объемы и тратить на него остродефицитную валюту? Почему в условиях валютного кризиса и банкротства Внешэкономбанка СССР, оставившего без вкладов тысячи организаций и сотни тысяч вкладчиков, в условиях кризиса в закупках именно хлебных ресурсов, в условиях кризиса задолженности по оплате фрахта зерновозов, дефицитную валюту Е.Гайдар в первую очередь направил не на решение именно этих проблем? Почему вместо этого понадобилось закупать сахар, к тому же не там, где он мог быть дешевле, а именно на Кубе?

– И почему?

– Не скрою, ответ на эти вопросы оказался для меня, мягко говоря, не совсем ожидаемым. Судя по имеющейся информации, двести миллионов долларов были отданы режиму Кастро за оплату сохранения на острове элементов разведывательной сети, доставшейся России от развалившегося СССР. Одним из крупнейших объектов советской разведки за рубежом был центр прослушивания телефонных разговоров в Западном полушарии, расположенный в Лурдесе, южном пригороде Гаваны. Позже он получил название Российский электронный центр (РЭЦ). За эту “игрушку”, на которой тогда служило более двух тысяч военных, Советский Союз, а затем Россия платили кубинскому коммунистическому режиму по двести миллионов долларов в год.

В советское время схема финансирования разведывательного центра предусматривала поставки нефти из СССР на Кубу и закупки у нее сахара по завышенным ценам²². В 1990-е годы соглашения между российскими и кубинскими спецслужбами о сотрудничестве в разведывательной деятельности подписывались одновременно с российско-кубинскими сделками по взаимным поставкам нефти и сахара. В результате последних образовывались суммы, необходимые для финансирования РЭЦ. Суммы субсидий по нефте-сахарным сделкам в течение ряда лет или равнялись, или были близкими к 200 миллионов долларов.

В 1992 году Е.Гайдар ликвидировал свободную торговлю с Кубой по ценам мирового рынка в СКВ, введенную в конце 1990 года М.Горбачевым и Н.Рыжковым²³. Бартерная торговля по преференциальным ценам и субсидиям, восстановленная Е.Гайдаром в 1992 году, продолжалась все 1990-е годы²⁴ и прекратилась лишь в начале 2000-х, когда В.Путин принял решение закрыть разведывательный центр в Лурдесе.

— Получается, что своими распоряжениями Егор Гайдар, вместо попыток преодоления продовольственного кризиса, поддержал разведку развалившейся империи? А других действий по улучшению продовольственной ситуации в стране он не предпринимал?

15. Егор Гайдар и Владимир Путин

— Были и другие решения. Например, ряд подписанных им поручений по импортным закупкам продовольствия был адресован санкт-петербургской мэрии. Правда, относительно того, помогло ли это жителям города с питанием, ясности нет.

В своем недавнем выступлении бывший министр экономики российского правительства Андрей Нечаев не без гордости рассказал, что, придя в правительство, он вместе с бывшим министром топлива Владимиром Лопухиным убедил Е.Гайдара “отменить все ранее выданные разрешения на экспорт нефти”, в частности, потому что это была очень коррумпированная сфера, а с коррупцией надо было кончать²⁵. Е.Гайдар также вспоминает об этом решении²⁶.

Действительно, одним из самых первых документов нового правительства в сфере экономической политики стало Постановление №7 от 15 ноября 1991 года. Этим решением правительство возложило полномочия по “формированию и распределению генеральных квот на экспорт нефти и продуктов ее переработки” на два министерства — Минэкономики и финансов (министр Е.Гайдар; замминистра А. Нечаев, с февраля 1992 года — министр экономики) и Министерство топлива (министр В.Лопухин)²⁷. Это же постановление потребовало пересмотра всех лицензий и квот, выданных ранее. Очевидно, что какая-то часть разрешений, выданных предшественниками, действительно не была перерегистрирована и, следовательно, отменена. Часть же — сохранила свою силу.

Этим же Постановлением правительства вводился запрет Комитету внешнеэкономических связей и его уполномоченным на местах выдавать новые лицензии на экспорт нефти и нефтепродуктов в течение ближайших полутора месяцев — до 1 января 1992 года. Правда, приняв решение о моратории на выдачу квот и лицензий, Е.Гайдар, тем не менее, не дожидаясь истечения назначенного им самим срока, приступил к выдаче новых разрешений на экспорт. Один из пакетов таких разрешений был выдан санкт-петербургской мэрии в лице мэра города Анатолия Собчака, а также его заместителя и одновременно руководителя Комитета по внешним связям (КВС) мэрии Владимира Путина. На запрос КВС от 4 декабря 1991 года, подписанный В.Путиным, о поставках на экспорт леса и лесоматериалов, нефтепродуктов, лома черных металлов, цветных металлов, редкоземельных материалов, цемента, аммиака на общую сумму в 124 миллиона долларов для закупки продовольствия Е.Гайдар поставил свою резолюцию: “Согласен”²⁸. В тот же день, 4 декабря 1991 года, Гайдар дал разрешение на экспорт 50 тысяч тонн мазута и 100 тысяч тонн дизельного топлива на сумму свыше 32 миллионов долларов, которое (разрешение) через две недели было использовано В.Путиным для выдачи лицензии производственно-торговой компании “Невский дом” для экспорта нефтепродуктов, произведенных компанией “Киришинефтеоргсинтез”²⁹. Имя нефтетрейдера этой компании — Геннадия Тимченко — тогда было мало кому известно. 5 декабря 1991 года Е.Гайдар дал КВС питерской мэрии новое разрешение на экспорт

сырьевых ресурсов №1.16.03-03.298430. 9 января 1992 года появилось гайдаровское поручение №ЕГ-5-0093131, выпущенное уже после либерализации внешнеэкономической деятельности и принятия правительством Постановления №90 от 31 декабря 1991 года “О лицензировании и квотировании экспорта и импорта товаров”. По этим документам КВС мэрии выдал новые лицензии на экспорт сырьевых ресурсов, что было затем подтверждено соответствующей справкой В. Путиной³².

— Иными словами, это значит, что руководству города дали лицензии, то есть, просто возможность на определенную сумму что-то продать?

— Да, это так. Но при выдаче этих документов был совершен целый ряд нарушений и допущены, скажем мягко, трудно объяснимые ошибки. Во-первых, было нарушено постановление самого гайдаровского правительства о моратории на выдачу новых квот до 1 января 1992 года. Во-вторых, в нарушение сложившейся практики и инструкций, квоты впервые были выданы не уполномоченным республиканского Комитета по внешнеэкономическим связям при МИДе (КВЭС), превратившегося затем в Министерство внешнеэкономических связей (МВЭС), а местным органам власти, причем у этих органов отсутствовали как соответствующие кадры, обладавшие необходимым опытом, так и возможности проверки коммерческих партнеров. В-третьих, само выделение квот и лицензий очевидным образом противоречило логике рыночных экономических реформ, казалось бы, провозглашенных самим гайдаровским правительством. В-четвертых, поскольку либерализация цен и либерализация внешнеэкономической деятельности были начаты с января 1992 года, выдача квот и лицензий на новый, 1992-й год явным образом разрушала единое правовое поле экономической деятельности в новых условиях: если цены на товары освобождены, а внешнеэкономическая деятельность либерализована, то зачем же тогда нужны лицензии на экспорт?

В-пятых, если правительство и региональные власти нуждались в закупках максимального количества продовольствия, к тому же в кратчайшие сроки, то зачем его надо было закупать на Западе? Цены на продовольствие на мировом рынке тогда были в десятки, если не сотни, раз выше, чем в сельскохозяйственных регионах России, в Украине, Молдавии, Белоруссии. Следовательно, за те же деньги можно было бы закупить продовольствия на территории бывшего СССР в десятки и сотни раз больше, чем на Западе. Заодно таким образом можно было дополнительно укреплять СНГ и поддерживать те самые межреспубликанские экономические связи, о необходимости сохранения которых тогда столько говорилось.

В-шестых, простой расчет показывал, что лицензии и квоты были выданы на закупку такого количества продовольственных ресурсов, которое в разы превышало объем физического потребления населением Петербурга. А ведь в город поступало продовольствие еще и по другим каналам.

Кроме того, в-седьмых, в силу того, что реализация решений, основанных на лицензиях, выданных еще во времена СССР, осуществлялась в первом квартале 1992 года в условиях существования уже новой страны — России, то исчезли юридические основания гарантий выполнения этих решений после 1 января 1992 года. Как выяснилось, вывезти сырье из страны удалось, а вот обеспечить поступление продовольствия в нее после 1 января оказалось невозможным. По крайней мере, именно такое объяснение — переход от юридической базы Советского Союза к юридической базе Российской Федерации — было названо бывшим председателем Петербургского Совета Александром Беляевым в качестве главной причины невыполнения заключенных контрактов на поставку в Санкт-Петербург продовольствия³³.

После выхода правительственного Постановления от 31 декабря 1991 года №90 “О лицензировании и квотировании экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации в 1992 году”, предоставившего исключительные права по выдаче лицензий только КВЭС при МИДе России, 14 января 1992 года Е.Гайдар, казалось бы, потребовал его выполнения от руководителя Таможенного Комитета России А.Круглова: “Прошу Вас дать указание не пропускать грузы по лицензиям, оформленным государственными органами или организациями, на то не уполномоченными”³⁴.

Выполняя это распоряжение вице-преьера российского правительства, начальник санкт-петербургской таможни В.Степанов остановил погрузку древесины на теплоход “Космонавт В.Комаров” в санкт-петербургском порту, поскольку лицензия на ее экспорт

была выдана Комитетом по внешним связям питерской мэрии, не уполномоченным на такие операции. 27 января 1992 года руководитель КВС В.Путин потребовал от В.Степанова разрешить возобновление отгрузки древесины, ссылаясь в своем письме на поручение правительства, подписанное Е.Гайдаром³⁵. Одновременно мэр города А.Собчак обратился за дополнительной поддержкой к Е.Гайдару. В своем письме он ссылался на принятые ранее Е.Гайдаром решения (разрешение от 5 декабря 1991 года и поручение от 9 января 1992 года)³⁶. Фактически немедленно – на следующий же день – Е.Гайдар откликнулся на просьбу А.Собчака и выпустил новое Поручение правительства от 28 января 1992 года №ЕГ-5-03444: “КВЭСу при МИД России (т.Авену), Минэкономки и финансов России (т.Нечаеву). Поддерживаю без изменения квот и экспортных пошлин. По экспортным пошлинам согласен по договорам, заключенным между Мэрией Санкт-Петербурга и поставщиками до 15.01.92 г. В.В.Путину под личную ответственность. Е.Гайдар”³⁷.

Обращает на себя внимание и то, что поручение вице-преьера российского правительства было адресовано одновременно не только двум федеральным министрам, но и, что весьма необычно, персонально вице-мэру нестоличного города, находившемуся на заметно более низкой ступени бюрократической иерархии. Но еще важнее то, что своим поручением Е.Гайдар дезавуировал правительственное решение. Личное отношение к чиновнику петербургской мэрии В.Путину оказалось для Е.Гайдара более весомым, чем постановление своего собственного правительства.

Народный депутат России и депутат Петросовета Марина Салье, возглавлявшая депутатскую комиссию, расследовавшую аферу по экспорту сырья и закупкам импортного продовольствия, так прокомментировала новый шаг Е.Гайдара, отменившего его собственные предыдущие решения: “Письмо Гайдара, в котором он согласился с иезуитскими формулировками Собчака, закрыло все. Путину разрешили оформлять лицензии и узаконили лицензии, выданные ранее. Само оформление лицензий ниже всякой критики – на некоторых дат нет, на некоторых печатей нет, подписей. Чего там только не было – масса нарушений”³⁸.

Почему Е.Гайдар предоставил полномочия по совершению нарушений лично В.Путину?

Как показало расследование комиссии Петросовета под руководством М.Салье, результаты которого затем подтвердил председатель Петросовета А.Беляев, по лицензиям и квотам, выданным КВС мэрии, были экспортированы сырьевые ресурсы на десятки миллионов долларов, однако ни одного килограмма – ни мяса, ни муки – на полученную валюту в Петербург не поступило. Общая сумма потерь города от первого пакета квот и лицензий, по данным комиссии М.Салье, составила 92 миллиона долларов. Всего же мэрии Санкт-Петербурга гайдаровское правительство выдало квот и лицензий, по данным М.Салье, на сумму около одного миллиарда долларов. Из них не менее 850 миллионов долларов “сгнуло” в недрах КВС, руководителем которого был В.Путин³⁹. Следует иметь в виду, что на эти средства можно было бы приобрести такое количество продовольствия, которого хватило бы для потребления населением Петербурга и области в течение нескольких лет.

Когда петербургские депутаты в лице комиссии М.Салье провели расследование и потребовали по его результатам отстранения от дел Владимира Путина и Анатолия Собчака, то российское правительство встало на сторону руководства петербургской мэрии. Более того, правительство лишило юридических полномочий по выдаче экспортных лицензий регионального уполномоченного МВЭС Анатолия Пахомова и передало их КВЭС В.Путину, само же дело было замято.

Очевидно, не следует ставить знак равенства между непосредственными организаторами и исполнителями криминальной аферы из сотрудников петербургской мэрии, с одной стороны, и членами российского правительства, сделавшими своими решениями эту аферу возможной, с другой. И роль, и ответственность и тех, и других – разные. Кроме того, неизвестны какие-либо документы, позволяющие говорить о личной заинтересованности Е.Гайдара в последовательном принятии целого ряда решений российского правительства, создавших необходимые условия для осуществления одной из крупнейших коррупционных афер в России начала 1990-х годов. Однако именно его личные решения сделали эту аферу возможной. Если бы Е.Гайдар не подписал – в нарушение логики провозглашенных им самим экономических реформ, неоднократных

собственных публичных заявлений, постановлений собственного правительства – незаконные разрешения и поручения о выдаче петербургской мэрии экспортных квот, если бы тогда, когда только что обнаружили злоупотребления, Гайдар не встал де-факто на защиту нарушителей закона, если бы он все же настоял на выполнении постановлений, принятых его собственным правительством, то, скорее всего, этих преступлений не случилось бы вовсе, а если бы они все-таки и произошли, то виновные в них были бы либо привлечены к уголовной ответственности, либо, по меньшей мере, освобождены от своих должностей. И тогда, возможно, и вся история нашей страны, как минимум, последней дюжины лет могла оказаться иной.

Следует также иметь в виду, что лицензии и квоты, подобные тем, что выдавались петербургской мэрии, выдавались не только ей, но и московской мэрии, нижегородским, иркутским властям, а также, возможно, другим региональным органам власти. Однако в этих регионах, судя по всему, не оказалось своих Марин Салье, готовых разбираться в том, кому такие права были предоставлены, и что из таких решений получилось. Поэтому общий объем квот, выданных российским правительством в 1991-1992 годах, остается пока неизвестным.

– Это все решения, принятые Е.Гайдаром в тот период? Или были и другие?

16. Экономические реформы и иерархические структуры

– Да, были. Список всех правительственных распоряжений, подписанных непосредственно Егором Гайдаром с 6 ноября по 31 декабря 1991 года и относившихся к проведению экономической политики, насчитывает, как минимум, 55 документов⁴⁰. Знакомство с их содержанием оставляет странное впечатление.

Оказывается, что так называемая борьба с угрозой массового голода занимала в работе вице-преьера по экономике относительно скромное место: из пятидесяти пяти распоряжений Е.Гайдара лишь семь могут быть охарактеризованы как прямо и три – как косвенно (административное выделение кормов животноводческим хозяйствам⁴¹) – нацеленные на преодоление продовольственного кризиса в стране. Подавляющее большинство распоряжений, – как по их числу (свыше 80%), так и по масштабам использования бюджетных средств, снижения налоговых платежей, использования государственных активов, увеличения государственной задолженности, – не имели отношения к решению вопросов продовольственного снабжения населения.

В этих пятидесяти пяти документах не зафиксировано каких-либо инициатив со стороны Е.Гайдара по улучшению обеспечения страны хлебом, которые базировались бы на использовании рыночных механизмов. Три распоряжения⁴² из семи устанавливали административно-командное распределение имевшихся продовольственных ресурсов. Причем делали это в более жесткой форме⁴³, чем, например, предлагалось Постановлением Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР №4 от 31 августа 1991 года⁴⁴, которое было затем использовано Е.Гайдаром и его последователями в качестве повода для обвинений его авторов в подготовке введения в стране продрозверстки⁴⁵.

Три других распоряжения о поставках продовольствия представляли собой лишь одобрение вице-премьером России сделок, инициированных и частично проведенных другими экономическими и политическими субъектами (брокерские фирмы Росагробиржи; правительство СССР, получившее кредит Французской Республики; Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР)⁴⁶.

Единственное решение (из общего числа пятидесяти пяти распоряжений, в том числе семи распоряжений, относившихся к поставкам продовольствия в Россию), инициированное непосредственно Е.Гайдаром, – это уже упоминавшееся ранее Распоряжение №203 от 27 декабря 1991 года. Правда, оно касалось закупок не зерна, муки или хлебопродуктов, названных позднее Е.Гайдаром наиболее дефицитными видами продовольствия в то время, а сахара-сырца. Это была та самая сделка с режимом коммунистической Кубы, главной целью которой стала, очевидно, не столько поставка продовольствия в Россию, сколько оплата пребывания разведывательного центра в этой стране.

В качестве инициативных действий Е.Гайдара по обеспечению страны продовольствием на рыночной основе обычно называется решение о либерализации цен со 2 января 1992 года. Это действительно одно из важнейших решений всей программы реформирования. Однако при этом необходимо сделать несколько существенных оговорок.

Во-первых, экономисты, в том числе и работавшие в команде Гайдара, пришли к решению о необходимости либерализации цен задолго до обострения продовольственной ситуации в стране; это решение готовилось и осуществлялось в качестве важнейшего элемента программы экономических реформ по переходу от плановой системы к рыночной, безотносительно к остроте продовольственной ситуации; это решение было бы осуществлено в любом случае, даже если в стране не было бы кризиса продовольственного снабжения крупных городов.

Во-вторых, документы по либерализации цен готовились и союзным правительством, и затем российским правительством; в российском правительстве не только Е.Гайдаром, но и всей реформаторской командой – и до ее прихода во власть, и во время работы во власти.

В-третьих, принципиально это решение было принято российской властью хотя и под воздействием, в том числе, рекомендаций Е.Гайдара (а также и других экономистов), но еще до назначения Е.Гайдара в правительство⁴⁷.

В-четвертых, политическую ответственность за это решение взяли на себя лица, подписавшие соответствующие юридические документы. Указ по либерализации цен был подписан бывшим тогда и президентом России, и руководителем правительства Б.Ельциным, постановление о либерализации цен – его первым заместителем Г.Бурбулисом.

В-пятых, острота продовольственной ситуации, судя по всему, не играла существенной роли в принятии решения о сроках либерализации цен; усугубление продовольственного кризиса в стране сопровождалось не ускорением процесса либерализации, а откладыванием ее начала; дата либерализации цен, первоначально назначенная на начало декабря 1991 года, сперва была перенесена на середину этого месяца, а затем на 2 января 1992 года. Наконец, 2 января 1992 года цены на основные продовольственные товары и, прежде всего, на хлеб либерализованы не были, государственное регулирование цен на хлеб и зерно сохранялось еще в течение почти двух лет и было отменено лишь осенью 1993 года.

Эти особенности проведения либерализации цен в России, а также фактические решения Е.Гайдара, принятые в конце 1991 года, не подтверждают популярного позднее представления о том, что главной сферой деятельности Е.Гайдара тогда была борьба с так называемой угрозой массового голода в России. Структура решений, принятых как правительством в целом, так и Е.Гайдаром индивидуально (по их общему числу, по материальным затратам, финансовым, в том числе валютным, расходам), дает иное представление о структуре внимания и иерархии предпочтений тогдашнего российского правительства.

Список распоряжений, подписанных Е.Гайдаром, обращает на себя внимание тем, что некоторые из них имели откровенно нерыночный, административно-командный, характер. В частности, это касается распоряжений о поставках продовольствия для государственных нужд (Распоряжение №110 от 6 декабря и №145 от 12 декабря), распоряжения о национализации производства шпал и введении шпальной разверстки (Распоряжение №206 от 27 декабря)⁴⁸. Распоряжение №128 от 11 декабря, требовавшее от Центробанка выделения оборотных средств и кредитных ресурсов территориальным органам Минторга, а также внесения предложений о выделении валютных средств Минтранспорту⁴⁹, свидетельствовало как о нарушении со стороны правительства независимости Центробанка, так и о непризнании (непонимании?) его роли в рыночной экономике.

Большинство же распоряжений, подписанных Е.Гайдаром, носили шокирующе лоббистский характер. Среди них были решения о выделении отдельным коммерческим предприятиям, организациям и даже политическим партиям различных материальных, финансовых и квази-денежных ресурсов – от легковых и грузовых автомобилей для ПО “Гжель” и Демократической партии России до десятков и сотен миллионов долларов фирме “Капо”, заводу “Красный двигатель”, НПО “Центр инженерной научной

Ассоциации”. Веер предоставленных льгот впечатляет – тут и передача ста тонн бензина, и разрешение поставок на экспорт сотен тысяч тонн чугуна и проката, и освобождение от поставок государству миллионов тонн угля, и предоставление изумрудов совместным предприятиям... Адресаты распоряжений освобождались от налогообложения, рентных платежей, обязательной продажи государству продовольствия, обязательной продажи валютной выручки. В то время как по более поздним утверждениям Е.Гайдара на страну надвигался массовый голод, сам вице-премьер считал более приоритетным выделять бюджетное финансирование для изготовления искусственных спутников Земли.

Нельзя не обратить внимание и на контрасты в суммах, направлявшихся на различные цели. Если на закупку аппаратов радиоактивной диагностики и томографов для граждан России выделялось 100 тысяч инвалютных рублей и 700 тысяч долларов США соответственно, то гарантии восточногерманским предприятиям по закупкам у них товаров были предоставлены на суммы в десятки и сотни тысяч раз больше – в 6,3 миллиардов немецких марок. Как известно и студенту экономического вуза, самые неэффективные государственные расходы – это субсидии, в особенности производственные, тем более, зарубежным компаниям. Если совсем невозможно обойтись без субсидий, то тогда уж лучше предоставлять эти средства напрямую своим гражданам, – чтобы именно они решали, какого рода товары им покупать, покупать ли им товары, произведенные восточногерманскими или западногерманскими, российскими или какими-то еще предприятиями, покупать ли им товары, оплачивать услуги или же использовать эти средства каким-то иным образом.

Правительственные распоряжения, подписанные в ноябре-декабре 1991 года Е.Гайдаром, свидетельствуют о господствовавшем в его действиях селективном подходе, об отсутствии единых правил по распоряжению бюджетными средствами, об отсутствии обоснования таких решений, об отсутствии сколько-нибудь внятной кратко- и среднесрочной стратегии правительственной деятельности, о предоставлении огромного количества льгот и принятии на счет государства значительных обязательств на годы вперед, о нарушении базовых правил демократического государства по расходованию бюджетных средств и использованию государственных ресурсов (передача государственных материальных и финансовых активов частным предприятиям, политическим партиям, общественным организациям).

О порочности таких действий сам Е.Гайдар подробно писал и говорил как до своего прихода в правительство, так и после ухода из него, используя для их характеристики, в частности, такие термины, как “частная собственность номенклатуры”, “неразделенность власти и собственности”. Что, правда, не помешало ему действовать точно таким же образом.

Кроме того, эти решения свидетельствовали о наличии в России осенью 1991 года в целом сносно функционировавшего государственного аппарата. Количество решений, скорость их выпуска, качество их подготовки, отсутствие каких-либо признаков их невыполнения и/или жалоб на их невыполнение не подтверждают возникшего позже и популяризовавшегося затем утверждения о развале работы системы государственной власти осенью 1991 года. Эти решения также опровергают более поздние утверждения, будто бы в распоряжении правительства тогда находились валютные средства в размере всего лишь 26 (или 60) миллионов долларов США. Стоимостная оценка принятых распоряжений, в том числе в валюте, свидетельствует о том, что правительство (и его вице-премьер) на самом деле распоряжались существенно (на несколько порядков) большим объемом валютных средств.

Нельзя не обратить внимание также и на несопоставимость масштабов государственных ресурсов, предоставленных Е.Гайдаром производственным компаниям, вовлеченным в предпринимательскую деятельность и, следовательно, способным зарабатывать средства самостоятельно, с одной стороны, и, например, государственным органам судебной власти, не участвовавшим в предпринимательской деятельности, с другой. Несопоставимыми также оказались масштабы перераспределения государственных ресурсов Е.Гайдаром, с одной стороны, и иными представителями российской исполнительной власти, включая президента России, с другой.

Естественно, возникает необходимость понять причины столь активной перераспределительной деятельности со стороны вице-преьера по экономике. Среди

возможных объяснений можно предложить следующие: намеренные действия, основанные на мировоззрении Егора Гайдара; некомпетентность, неадекватность, непонимание последствий своих действий; коррупция; личная слабость, неспособность противостоять давлению лоббистов. Сам Е.Гайдар, похоже, считал главной причиной своих действий собственную недостаточную твердость⁵⁰.

Как бы то ни было, реальные действия Егора Гайдара в конце 1991 года на посту вице-премьера, ответственного за проведение экономических реформ, оказываются весьма отличными от тех, что соответствуют популярному образу либерального реформатора, рыночными методами мужественно спасавшего страну от угрозы массового голода.

— Вы критикуете Гайдара за эти решения. Но, может быть, именно они и были нужны тогда? Может быть, именно они спасли важнейшие предприятия страны? И многих российских граждан?

17. Дни поражений без побед

— Во-первых, это не столько критика, сколько нескрываемое удивление, переходящее в недоумение. В конце 1991 года страна действительно находилась в кризисе. Можно спорить о его масштабах и глубине, можно не соглашаться с оценкой, данной одним экспертом, и предлагать другие, можно обсуждать различные варианты выхода из кризиса. Но факт остается фактом — страна была в тяжелом экономическом кризисе. От решений того, кто находился во главе исполнительной власти, зависела сама возможность преодоления кризиса, скорость адаптации граждан и предприятий к новым условиям, быстрота выхода страны на траекторию устойчивого экономического роста. Увы, среди распоряжений, подписанных Е.Гайдаром, совсем немного документов, какие можно считать направленными на преодоление или хотя бы смягчение кризиса.

Во-вторых, в течение нескольких лет, предшествовавших началу экономических реформ, по крайней мере, с 1986 года, мне приходилось участвовать в обсуждении готовившихся реформ совместно с рядом экономистов, вошедших затем в российскую власть. Среди них был и Е.Гайдар. Ничего подобного тем решениям, какие были затем фактически приняты, на тех семинарах не обсуждалось. Точнее, если и обсуждалось, то только в качестве иллюстрации примеров абсолютно недопустимого лоббизма, которому нет места в деятельности сколько-нибудь ответственного правительства (не говоря уже о реформаторском). Собственно говоря, об этом было немало написано и сказано самим Е.Гайдаром. И до того, как он вошел в российскую власть. И после того, как он ее покинул.

В-третьих, большинство распоряжений, подписанных Е.Гайдаром в конце 1991 года, не проходят проверки с точки зрения даже самой благожелательной по отношению к нему политической экономии, — мол, таким образом необходимо было откупиться от политического давления противников реформ, обеспечить политическую поддержку важных социальных сил или нейтрализовать опасные. Не проходят проверки потому, что политическая поддержка исполнительной власти тогда уже имелась, причем на самом высоком возможном уровне — на уровне почти абсолютной поддержки со стороны Съезда народных депутатов, на уровне, о каком не могли мечтать другие реформаторы в России и в других странах. Какую политическую поддержку могло обеспечить распоряжение Е.Гайдара о выделении тысячи тонн концентрированных кормов свиноводам комплексов “Жуковский” и “Катынский” Смоленского облисполкома? Или распоряжение о закупке оборудования по производству черепицы для фирмы “Капо” на сумму в 38,6 миллионов долларов “в счет испанского кредита” Советскому Союзу? Или распоряжение о выделении автомобилей производственному объединению “Гжель”? Или распоряжение о предоставлении многомиллионных льгот предприятиям ТЭК и транспорта?

В-четвертых, трудно понять, каким образом в принципе могли помочь России и российским гражданам в условиях жесточайшего экономического кризиса такие решения, как, например: разрешение совместному советско-американскому предприятию “Росамаг” продавать свою продукцию за валюту, финансирование РЭЦ в Лурдесе и предоставление многомиллионной субсидии кубинскому режиму, выделение многомиллиардной гарантии на закупки у восточногерманских предприятий.

В-пятых, предоставление индивидуальных льгот, выделение селективной поддержки, оказание избирательной помощи российским предприятиям вело к разрушению единого правового пространства, созданию неравных условий ведения хозяйственной деятельности и, соответственно, к получению преимуществ менее эффективными предприятиями за счет более эффективных. Это не только не имело ничего общего с соблюдением элементарных принципов либеральной политики, но и замедляло адаптацию российской экономики к новым условиям, углубляло и удлиняло течение экономического кризиса, многократно увеличивало его социальные, а затем, как выяснилось, и политические издержки.

В-шестых, эти, а также многие другие решения, принятые уже в 1992 году, внесли свой существенный вклад в провал объявленной тогда финансовой стабилизации. Как мы уже отмечали в первой части нашего разговора, инфляция, составлявшая 160% в 1991 году, подскочила до 2600% в 1992-м. В этом скачке – не только монетизация денежного навеса (крайне неприятное, но в пределах 1000% в условиях постсоветских стран, очевидно, практически неизбежное следствие либерализации цен). В этом скачке – и резкое увеличение бюджетного дефицита в 1992 году, большая часть которого правительством Е.Гайдара не была унаследована от его советских и российских предшественников. В 1991 году дефицит российского бюджета (с учетом расходов Союза ССР, профинансированных Россией) составлял примерно 15% ВВП, а в 1992-м он вырос до 23% ВВП.

Увеличение бюджетного дефицита на восемь процентных пунктов ВВП было обусловлено, прежде всего, ростом расходов расширенного правительства, удельный вес которых в ВВП увеличился почти на четырнадцать пунктов за один год. Похоже, это был абсолютный рекорд прироста бюджетных расходов в истории нашей страны, по крайней мере со времени Второй мировой войны. Одновременное увеличение государственных доходов примерно на пять с половиной процентных пунктов ВВП (прежде всего за счет повышения налогового бремени, в том числе из-за введения НДС со ставкой двадцать восемь процентов) не компенсировало роста государственных расходов, но означало дополнительное увеличение бремени государства на экономику.

Развал бюджета, наряду с резким ослаблением макроэкономической политики (массированное субсидирование различных отраслей, импорта, задержка с введением единого курса валюты, грубое нарушение установленных самими властями лимитов кредитования, сохранение заниженных процентных ставок, отказ от введения национальной валюты), привели к резкому скачку инфляции, нарастанию кризиса неплатежей, падению производства, росту безработицы, обострению социальной и политической ситуации.

Контраст между политикой, проводившейся либеральными реформаторами в других странах, и политикой, проводившейся в России, колоссален⁵¹. Независимо от того, в каких странах – на Западе или на Востоке – действовали реформаторы, проводившие либеральные реформы, независимо от того, проводили ли они реформы до или после российских, независимо от того, как они сами себя называли, безотносительно к тому, сопровождали ли они свои действия каким-либо пиаром, все они в год начала реформ провели впечатляющее сокращение дефицита государственного бюджета. В среднем по шести странам (Польша, Чехия, Эстония, Латвия, Литва, Казахстан) в первый год экономических реформ дефицит бюджета был сокращен на 10,5 процентных пунктов ВВП, в России же он был увеличен более чем на 8,4 пункта ВВП. В результате разница в величинах бюджетных дефицитов в странах, проводивших либеральные реформы, с одной стороны, и в странах, проводивших нелиберальные реформы (в России), с другой, для первого года проведения реформ составила почти 19% ВВП.

Сокращение бюджетного дефицита в странах, проводивших либеральные реформы, произошло за счет радикального сокращения государственных расходов в первый же год реформ – в среднем по шести странам на 16,9 процентных пунктов ВВП. По контрасту в России произошло увеличение государственных расходов на 13,9 процентных пунктов ВВП. В итоге разница в величинах удельного веса государственных расходов ВВП (размеров “государства”) между странами, в которых проводили либеральные реформы, и Россией, где проводились нелиберальные реформы, составила за один год невероятные 30,7% ВВП. Кроме того, республики Балтии и Казахстан смогли провести

существенное сокращение налоговых изъятий. В среднем для шести упомянутых стран сокращение налогового бремени составило 6,3% ВВП. В России государственные изъятия из экономики не только не уменьшились, но и увеличились — на 5,5% ВВП, и таким образом разница между этими странами и Россией только по этой статье выросла до 11,8% ВВП.

Неудивительно поэтому, что решительные меры в бюджетной политике помогли странам, проводившим либеральные экономические реформы, добиться быстрой бюджетной, а затем и общефинансовой стабилизации. В отличие от них, в России в год “начала реформ” были увеличены и налоги, и государственные расходы, а также дефицит бюджета. Иными словами, была проведена не только и не столько либерализация экономики, сколько либерализация государственной бюрократии. Неудивительно, что развал бюджетной и макроэкономической политики в России привел к неудаче финансовой стабилизации и затягиванию почти на десятилетие экономического, социального, политического кризиса в нашей стране.

— Из Ваших рассказов получается, что Гайдар не спасал от голода ни страну, ни жителей Петербурга. Кроме того, он не смог добиться финансовой стабилизации. Единственное, что, получается, ему удалось спасти, это интересы нескольких десятков лоббистов и разведбазу в Лурдесе. И это все?

18. Пропаший миллиард

— Вы правы, такая картина была бы неполной и несправедливой. Е.Гайдар действительно сыграл важную роль в либерализации цен — при всех тех оговорках, какие при этом необходимо делать. Однако, похоже, ему удалось спасти еще кое-что. Но об этом — отдельная история. Вернемся в 1992 год.

1 июня 1992 года Россия стала членом Международного валютного фонда. Через два месяца, 5 августа, совет директоров МВФ принял решение о предоставлении ей первого так называемого резервного кредита в размере одного миллиарда долларов. Кредит был получен на довольно мягких условиях — российские власти должны были сократить бюджетный дефицит до 5% ВВП, сократить кредитную эмиссию Центрального банка коммерческим банкам, проводить гибкую политику процентных ставок и валютного курса, ускорить структурные реформы в сферах приватизации, финансового и аграрного секторов, проводить последовательную антимонопольную и проконкурентную политику. Относительно мягкие условия, на которых был получен кредит, расценивались в качестве своеобразного приза нашей стране по случаю ее вступления в МВФ, в качестве своеобразной награды за интеграцию России в международные финансовые организации. Получение кредита было одним из крупнейших экономических событий 1992 года. Это были первые свободные деньги значительного размера, которыми могло распоряжаться российское правительство, находившееся тогда в тяжелейшем финансовом кризисе. Чтобы представить, насколько значимыми были эти средства, следует упомянуть, что совокупные доходы федерального бюджета за весь 1992 год составили 10,7 миллиардов долларов. К ноябрю 1992 года, когда был получен первый транш кредита, доходы бюджета не превышали 750 миллионов долларов в месяц.

14 декабря 1992 года Егор Гайдар, исполнявший обязанности российского премьера, VII Съездом народных депутатов был отправлен в отставку. 23 декабря 1992 года вице-премьером российского правительства стал Борис Федоров, в марте 1993 года он также занял пост министра финансов.

Через некоторое время, разобравшись с унаследованным от предшественников хозяйством, Федоров обратился ко мне с вопросом: “Андрей, а где миллиард долларов?” Ответа у меня не было. Федоров настаивал: “Послушай, ты же в прошлом году работал здесь, в правительстве. Где МВФ-овский миллиард?” Хотя я действительно работал в Рабочем центре экономических реформ при правительстве России, но честно ответил Федорову, что не в курсе. Высказал предположение: “Может быть, он находится в валютных резервах?” Но валютные резервы Федоров уже проверил: в них этого миллиарда не было.

Ни в резервах Центробанка, ни в государственной казне на счетах Минфина МВФ-овского миллиарда не было. Дело казалось загадочным: от кредита МВФ, полученного буквально

накануне прихода Федорова в правительство, не осталось никаких следов. Миллиард долларов как будто бы испарился. Не найдя следов кредита по документам, Федоров стал обращаться с вопросами к сотрудникам Минфина, Центробанка, правительства: “Куда делся миллиард?” Ответа не было.

В любые времена миллиард долларов – это немаленькие деньги. В 1992 – 1993 годах, в условиях жесткого экономического кризиса, они были особенно весомы. Тогда это были большие средства, которые могли сыграть заметную роль в деле реформ, в их успехе, оказать ощутимую помощь многим людям. “Потерять” миллиард долларов, то есть сумму, превышавшую среднемесячные бюджетные доходы, десятую долю годового бюджета, – такое было просто невозможно себе представить.

Так или иначе, но в течение всего 1993 года Федоров, весьма нуждавшийся в деньгах (а какой министр финансов не нуждается в деньгах?), так найти этот миллиард и не смог. По документам было видно, что МВФ перечислил этот миллиард долларов российскому правительству, и деньги на счета правительства поступили. Однако в 1993 году их там уже не было. Очевидно, что этот миллиард долларов был каким-то образом использован. Но как, когда, на что – это было неизвестно. Пожалуй, единственное, что было известно, это “кем”. Распоряжение финансовыми ресурсами страны осуществлял – и по должности, и по факту – руководитель правительства Российской Федерации, которым тогда был Е.Т.Гайдар.

Прошел 1993 год, в течение которого Борису Федорову все-таки удалось добиться коренного оздоровления российских финансов. Наступил 1994 год, и 20 января нового года Федоров был вынужден из правительства уйти. Когда он пришел во власть в декабре 1992 года, валютные резервы страны составляли 787 миллионов долларов. Через год они превысили 4,5 миллиарда долларов. Федоров еще раз на короткий срок возвращался в правительство в 1998 году – на пост министра по налогам и сборам. И снова был вынужден уйти из правительства. Два года назад он ушел из жизни. Мне неизвестно, удалось ли Борису Федорову узнать, куда исчез тот миллиард долларов.

– А Вам?

В течение долгого времени мне тоже это было неизвестно – до тех пор, пока почти случайно не удалось узнать его судьбу. Сказать, что я был шокирован полученной новостью, значит, не сказать ничего.

После того, как мне стала известна судьба этого миллиарда, я регулярно проводил своеобразный эксперимент. Выступая в разных аудиториях, я задавал слушателям один и тот же вопрос: “Представьте себе, что вы являетесь премьер-министром страны, переживающей тяжелейший экономический кризис – с падением производства, ростом безработицы, галопирующей инфляцией, непростыми проблемами продовольственного снабжения крупных городов. Вам не хватает всего, но в особенности реальных денег, иностранной валюты. И тут вам в руки “с неба” (точнее: от МВФ) падает “манна небесная” в виде миллиарда долларов. Которая, правда, в отличие от библейской “манны”, является кредитом и потому требует возврата. Однако оплату кредита надо будет осуществить лишь через несколько лет, когда экономическая и финансовая ситуация, скорее всего, будет более устойчивой. Как бы вы использовали этот миллиард долларов?”

За годы регулярного проведения этого эксперимента мне удалось накопить некоторый банк возможных ответов – в зависимости от интересов опрашиваемых, их мировоззрения, знакомства с российской ситуацией начала 1990-х годов, уровня понимания экономических проблем. Разные люди давали разные ответы. Кто-то предлагал потратить эти деньги на социальную поддержку пенсионеров или молодежи, кто-то считал важным поддержать образование, кто-то – думал о будущем здравоохранения. Были люди, настаивавшие на вложениях в инфраструктуру. Некоторые экономисты рекомендовали не тратить эти деньги, а поместить этот миллиард долларов в резервы для обеспечения стабильности национальной валюты. Однако за годы проведения этого эксперимента в десятках аудиторий в России и за рубежом не нашлось ни одного человека, кто дал бы ответ, соответствовавший тому, как на самом деле был потрачен этот миллиард долларов.

– Так как же он был потрачен?

– Оказалось, что этот миллиард долларов российское правительство использовало так, как никто не смог ни предложить, ни предположить. Егор Тимурович дал разрешение на использование этого миллиарда долларов для спасения от банкротства Коммерческого банка для Северной Европы – Евробанка.

– ?

– Примерно так же, как и вы, реагировала на услышанный ответ каждая аудитория. Везде возникала примерно такая же недоуменная пауза. Лишь оправившись от первоначального шока, люди начинали спрашивать: “Что-что? Что вы сказали? Какой банк? Что за банк?”

– А так называется российский банк?

– Не совсем. Этот банк – сокращенное название “Евробанк” – был французским, поскольку он был создан в соответствии с французским законодательством в 1921 году в Париже. В 1925 году он был приобретен советским Наркоматом иностранных дел, и со временем большой пакет его акций оказался в распоряжении Госбанка СССР, а затем Центробанка России. Поэтому, строго говоря, его точнее было бы именовать и французским банком, и совзагранбанком на французской территории.

На рубеже 1980-х–1990-х годов Евробанк испытывал серьезные трудности. Многие организации, бывшие его заемщиками, не смогли вернуть выданные им кредиты. Кроме того, тогда стал пересыхать важный источник, обеспечивавший существование Евробанка в течение почти семи десятилетий, в виде отчислений советских внешнеторговых организаций – нефтяных, зерновых, лесных, машиностроительных, – оставлявшихся на его счетах⁵². После либерализации внешнеэкономических связей и ликвидации государственной монополии внешней торговли значительная часть такого рода отчислений в Евробанк поступать перестала. А сеть организаций, кредитовавшихся и финансировавшихся Евробанком, очевидно, продолжала требовать средств на свою поддержку. В результате возник, как говорят экономисты, *mismatch*, т. е. разрыв между резко сократившимися доходами и, очевидно, не столь резко сократившимися расходами. Евробанк, оказавшийся на грани банкротства, по законодательству страны пребывания должен был прекратить работу. Вместе с ним, очевидно, серьезные проблемы ожидали и структуры, с этим банком связанные и этим банком финансировавшиеся. Чтобы этого не произошло, первый свободный миллиард долларов, полученный в виде кредита от МВФ, отправился в Париж.

Строго говоря, путь этого миллиарда оказался чуть более замысловатым. Судя по всему, вначале Минфин передал его Центробанку России. Затем тот дал кредит на 1,08 миллиарда долларов Внешэкономбанку, Внешэкономбанк передал его Евробанку. Затем Евробанк положил эти средства в FIMACO – оффшорную компанию, “прославившуюся” позже аферой с инвестированием валютных резервов страны, которые следовало размещать лишь в первоклассных зарубежных банках, в российский рынок ГКО. Наконец, FIMACO использовала полученный миллиард для выкупа долгов Евробанка. В результате всех этих операций Евробанк был спасен от банкротства, а на его счетах оказался депозит Центрального банка, превратившийся в так называемый партисипационный кредит на пополнение капитала второго уровня Евробанка⁵³. Затем большая часть этого кредита “в результате крайне неэффективной деятельности Евробанка” для кредитора (Центробанка) была утрачена⁵⁴. Поскольку средства кредита были использованы в соответствии с поручением правительства, то счета Минфина в Центробанке в июле 1995 года были закрыты, а у Центробанка исчезли обязательства перед российским Минфином в отношении кредита⁵⁵. Поскольку полученный кредит МВФ не попал в валютные резервы страны, то их величина не изменилась, а внешняя задолженность российского государства возросла на этот миллиард долларов. В конечном счете, возникший из-за кредита МВФ внешний долг был погашен за счет российских налогоплательщиков в 1996 – 1997 годах⁵⁶. А программу экономических действий, согласованную с МВФ на вторую половину 1992 года, ради которой, собственно, и выдавался первый кредит МВФ, российское правительство успешно провалило.

– А, может быть, так и надо было сделать? Ведь было же такое объяснение, что российские валютные резервы, находившиеся под угрозой конфискации из-за исков компании “Нога”, надо было прятать...

– Да, действительно, такая версия популяризировалась некоторыми сотрудниками Центрального банка, например, бывшим его первым зампредом С.Алексашенко⁵⁷. Однако средства первого кредита МВФ не стали валютными резервами страны, относительно которых хотя бы теоретически могли возникнуть какие-либо риски конфискации. Вместо этого они были потрачены на выкуп “плохих долгов” Евробанка. Это во-первых. Во-вторых, первый иск фирма “Нога” подала против российских властей в июне 1993 года, а первый кредит МВФ оказался в Евробанке в конце 1992 года, то есть до того момента, когда даже теоретически могла возникнуть какая-либо угроза российским активам. Наконец, иски компании “Нога” возникли из-за невыполнения договора с российской стороны. Чтобы избегать таких ситуаций, лучше все-таки выполнять заключенные контракты. Или не заключать такие контракты, какие власти не собираются выполнять.

– А как сейчас идут дела у этого банка?

– Сейчас того Евробанка больше нет. В 2005 году он был поглощен Внешторгбанком и растворился в нем. Исторически Евробанк входил в систему совзагранбанков, дочерних банков вначале Госбанка СССР, а затем ЦБ России. В мировой практике это было, мягко говоря, не совсем обычное явление, поскольку ни в одной стране мира у центральных банков нет дочерних коммерческих банков. В большинстве стран существует так называемая двухуровневая банковская система: на одном уровне – Центральный банк, государственный банк, занимающийся эмиссией национальной валюты, обеспечением стабильности коммерческой банковской системы; на другом уровне – коммерческие банки, занимающиеся кредитованием частного сектора.

Во времена Советского Союза у Государственного банка СССР был ряд дочерних банков, например, таких как Московский народный банк в Лондоне, Евробанк в Париже, Ост-Вест Хандельсбанк во Франкфурте, Донау банк в Вене, банк Восход в Цюрихе, Ист-Вест Банк в Люксембурге, банки в Бейруте, Сингапуре, других местах. Это те самые банки, в которых провел значительную часть своей плодотворной творческой жизни Виктор Владимирович Геращенко, руководя этими замечательными банками в Лондоне, Франкфурте, Бейруте, Сингапуре.

О том, чем занимались сотрудники этих банков, англоязычная Википедия сообщает следующее: “Советский Союз контролировал за рубежом несколько банков. Банки использовались для операций во внешней торговле, шпионаже, отмывании денег, финансировании коммунистических партий”⁵⁸. Крупнейшими и наиболее респектабельными среди совзагранбанков были Московский народный банк и Евробанк. Кроме внешнеторговых операций Евробанк, как и другие совзагранбанки, в течение десятилетий занимался поддержкой коммунистических партий, национально-освободительных движений, террористических организаций, отмыванием денег, финансированием советской разведывательной и нелегальной сети в Европе⁵⁹. Е.Альбац, занимавшаяся историей КГБ, называла его, как и созданный Евробанком “Еврофинанс”, “банком с погонами”⁶⁰, находившимся “под крышей российских специальных служб”⁶¹.

В 2000-х годах в рамках приближения деятельности российских институтов к мировым стандартам совзагранбанки были ликвидированы, некоторые из них, включая Евробанк, были приобретены государственным Внешторгбанком. В наиболее же критический момент существования Евробанка – накануне почти неизбежной гибели этого ключевого элемента имперской сети “банков в погонах” – помощь ему пришла от Егора Гайдара.

– А откуда Вы знаете судьбу миллиарда?

– Об этом сейчас уже довольно много написано⁶². Хотя, конечно, большого желания делиться информацией на эту тему у государственных чиновников не наблюдается⁶³.

– А почему Вы думаете, что это именно Егор Гайдар отдал распоряжение о спасении Евробанка, а не, например, Виктор Геращенко?

19. Егор Гайдар и Виктор Геращенко

– Своим постановлением от 22 мая 1992 года⁶⁴ Верховный Совет России определил финансовым органом по всем операциям с МВФ министерство финансов, являвшееся и по-прежнему являющееся неотъемлемой частью российского правительства, депозитарием был назначен Центробанк. Все средства МВФ должны были зачисляться на счета Минфина в Центробанке. Решения об использовании полученных средств могло

принимать только правительство России. Действие именно этой схемы подтвердил в своем интервью и В.Геращенко: “В 1992 году, когда Минфин получил первый транш (кредита МВФ. – Ъ),.. естественно, эту валюту положили на наши счета”⁶⁵.

Мог ли В.Геращенко самостоятельно, без согласования с правительством, принять решение о каком-либо использовании средств, пусть и лежавших на счетах в Центробанке, но принадлежавших Минфину? Естественно, нет. Даже в тех случаях, когда Центробанк участвовал своими средствами в операциях с государственным долгом, он запрашивал разрешение на такие операции у руководителя правительства⁶⁶. В другом случае, когда валютные резервы страны, находившиеся в распоряжении Центробанка, использовались для операций на рынке ГКО, такие операции не могли проходить без ведома руководителя правительства: “Один из экс-премьеров... сказал: “Сомневаюсь, чтобы Геращенко или Дубинин пошли на столь рискованные операции (по вложению госрезервов через FIMACO в ГКО. – Ъ), если у них не было соответствующего политического прикрытия. Как минимум, премьер об этом должен был знать””⁶⁷.

Судя по всему, неназванным информированным экс-премьером в материале Е.Альбац и Б.Пауэлла был Е.Гайдар. Он знал, о чем он говорил. За несколько лет до этого решения (об инвестициях валютных резервов в ГКО) принималось гораздо более серьезное и гораздо более рискованное решение – об использовании кредита МВФ на спасение Евробанка. И если даже менее значимое решение об использовании средств, находившихся под контролем Центробанка, В.Геращенко не мог принять без политического прикрытия, то гораздо более рискованное решение об использовании средств, принадлежавших правительству, для спасения Евробанка он тем более не мог принять без аналогичного прикрытия со стороны премьера. Премьером, а точнее – исполнявшим обязанности премьера, тогда был Егор Гайдар. В дальнейшем Гайдар не раз давал знать, что он был в курсе того, что совзагранбанки были на грани банкротства, и что он был неравнодушен к их судьбе⁶⁸.

Наконец, если бы В.Геращенко принял решение об использовании кредита МВФ на спасение Евробанка самостоятельно, без согласования с Е.Гайдаром, то это могло бы стать и предметом уголовного расследования, и уж точно основанием для серьезных обвинений со стороны исполнительной власти. Однако такие обвинения, в том числе и со стороны самого Е.Гайдара, никогда в адрес В.Геращенко не звучали: ни тогда, когда в 1992 году Гайдар был руководителем правительства, ни тогда, когда в 1993-м он вернулся в него же на пост первого вице-премьера, ни позже, когда занимаясь написанием работ по истории российских реформ, он мог бы возложить часть вины за неудачу макроэкономической стабилизации (причем, надо сказать, совершенно обоснованно) на “исчезновение” миллиардного кредита МВФ. Но такого упрека в адрес В.Геращенко Е.Гайдар никогда не делал.

– Скажите, а почему все-таки В.Геращенко с его послужным списком, о котором Вы уже неоднократно упоминали, вообще оказался в руководстве российского Центробанка? Да еще чуть ли не с самого начала реформ?

– Вы задаете очень важный вопрос, убедительного ответа на который публично до сих пор не звучало. Действительно, назначение Геращенко на пост руководителя Центробанка в июле 1992 года по предложению Гайдара имело, прямо скажем, странный привкус. Мы затрагивали эту тему и в нашем разговоре трехгодичной давности, и в первой части нашего нынешнего разговора⁶⁹. Действительно, другие кандидаты на пост главного банкира страны, прежде всего Борис Федоров, выглядели и профессиональнее, и политически сильнее, и гораздо естественнее в психологическом климате только что совершенной антикоммунистической революции начала 1990-х годов. Обсуждение возможных кандидатур среди членов правительства выявило консенсусную поддержку именно Бориса Федорова. Более того, Борис Ельцин настолько не хотел назначения Виктора Геращенко и так этому сопротивлялся, что даже упоминал имевшиеся у него на Геращенко “тома компромата”. В конце концов, Гайдару потребовалась организация специальной интриги, чтобы заставить Ельцина выдвинуть на пост руководителя Центробанка кандидатуру именно Геращенко⁷⁰.

Самое поразительное, что, вопреки запущенному самим Гайдаром и ставшему весьма популярным мифу, председатель российского парламента Р.Хасбулатов поначалу не только не поддержал В.Геращенко, но и встретил его кандидатуру в штыки⁷¹.

Похоже, что Е.Гайдар был не только инициатором назначения В.Геращенко, но и в течение какого-то времени, очевидно, его единственным сторонником. Когда затем Е.Гайдара спрашивали, как могло случиться, что он выдвинул кандидатуру именно Геращенко, ответы, которые он давал, звучали не особенно убедительно. Поначалу он говорил о высоком профессионализме Геращенко, затем был вынужден признать прямо противоположное.

Неоднократно он говорил о том, что ни одна другая кандидатура, кроме Геращенко, не смогла бы пройти утверждение Верховного Совета⁷². Однако эта версия, получившая благодаря Гайдару широкое распространение, не подтверждается фактами. Геращенко не мог и, как выяснилось, не смог пройти “сито” демократического Верховного Совета России образца 1992 года. Поэтому в июле 1992 года он получил назначение с трудом, причем лишь из рук президиума Верховного Совета и лишь на должность исполняющего обязанности председателя Центробанка. Только углубление противостояния исполнительной и законодательной ветвей российской власти к ноябрю 1992 года позволило Верховному Совету снять с его должности приставку “и.о.”. Следовательно, оценка “проходимости” кандидатур на пост руководителя Центробанка, дававшаяся Гайдаром летом 1992 года, была очевидно неверной и явно противоречащей оценкам всех других участников обсуждений. Почему?

Когда Гайдару позже задавали вопрос о его выборе Геращенко, он, как правило, давал односложный ответ: “Это была ошибка”, – и старался разговор на эту тему не продолжать. Но, во-первых, для большинства наблюдателей эта ошибка выглядела очевидной и в тот момент, когда она совершалась. А, во-вторых, даже если это решение и было позже признано ошибочным, то какие именно причины вынудили Гайдара совершить эту ошибку?

Е.Гайдар неоднократно говорил, что проблема назначения нового руководителя Центробанка возникла лишь после того, как Верховный Совет решил снять Г.Матюхина в июне 1992 года. Однако это не так. Во-первых, судя по обсуждениям в правительстве весной и в начале лета 1992 года, инициатором снятия Матюхина был не Верховный Совет, а именно сам Гайдар. Во-вторых, кандидатура В.Геращенко была выбрана Гайдаром не в июле 1992-го, а, как минимум, в ноябре 1991 года.

Из воспоминаний Е.Гайдара можно сделать вывод, что кандидатура Геращенко появилась в июле 1992 года чуть ли не случайно, лишь после того, как выяснилось, что кандидатуры Б.Федорова и С.Игнатьева оказались “непроходными”. Однако такое изложение искажает реальные события. На самом деле Е.Гайдар “задумался” о В.Геращенко не летом 1992 года, а намного раньше. По крайней мере, уже в ноябре 1991 года, то есть практически сразу же после назначения самого Е.Гайдара вице-премьером российского правительства, он предложил Виктору Геращенко возглавить Центробанк России⁷³. Иными словами, для Е.Гайдара как минимум с самого начала его работы в правительстве приоритетной кандидатурой главного банкира страны был именно В.Геращенко.

И этот выбор, совершенно очевидно, никоим образом не был связан ни с позицией парламента, ни с мнением Р.Хасбулатова. При этом в глазах Е.Гайдара, бывшего высокопоставленного сотрудника журнала “Коммунист” и газеты “Правда”, не являлись ни секретом, ни препятствием для выбора В.Геращенко ни его долголетняя, тесно связанная со спецслужбами, работа в совзагранбанках⁷⁴, ни его борьба против демократических властей России и Б.Ельцина в предшествовавшие годы. Более того, именно эти факты из биографии В.Геращенко были названы самим Е.Гайдаром в качестве важнейших причин его собственных симпатий к Геращенко⁷⁵. И именно в факте нахождения Г.Матюхина на другой стороне политических баррикад, в его активном участии в борьбе демократических властей России против союзного центра, заключалась главная претензия Егора Гайдара к Георгию Матюхину⁷⁶.

Егор Гайдар хотел работать с Виктором Геращенко и не хотел работать с Борисом Федоровым⁷⁷. Возможно, из-за того в том числе, что тот раньше работал в российском правительстве. В отличие от Федорова, Геращенко не был для Гайдара чужим, и сотрудничать с ним Гайдару было вполне комфортно. Причем настолько, что для назначения Геращенко он пошел и на введение в заблуждение своих коллег по реформаторской команде, и на интригу против Бориса Ельцина. Наконец, по каким-то причинам свой собственный выбор кандидатуры Геращенко Гайдар в своих мемуарах и

последующих комментариях попытался замаскировать, приписав решающую роль в этом назначении сопротивлявшемуся поначалу такому решению Верховному Совету. Почему?

— И какие ответы на все эти вопросы даете Вы?

— Мы к этому вопросу еще вернемся. Но одно можно сказать уже сейчас: Егор Гайдар не только не испытывал никаких трудностей — политических, идеологических, моральных — для работы с Виктором Геращенко. Кажется, даже наоборот.

— Вот уже не в первый раз — и с финансированием разведывательного центра на Кубе, и со спасением “банка в погонах” в Париже, и с назначением В. Геращенко — действия Е.Гайдара в бытность его в руководстве российского правительства оказываются связанными со спецслужбами и, даже более того, направленными на помощь им. Как это можно объяснить? Ведь традиционное общественное восприятие относит Гайдара к либерально-демократическому лагерю, так что эта политическая фигура с силовиками не только не ассоциируется, но как будто бы принадлежит к их оппонентам... Может быть, имеет смысл спросить прямо:

у Вас есть основания полагать, что Гайдар был сотрудником спецслужб?

20. Наш человек в Гаване

— В СССР, в нынешней России, да, наверное, и в любой более или менее крупной стране работа на заметной должности в госаппарате без тех или иных контактов со спецслужбами является маловероятной, а на посту руководителя правительства — очевидно, невозможной. Однако, похоже, степень вовлеченности Е.Гайдара в дела спецслужб заметно превышала то, что можно видеть на примере действий других российских премьеров, включая, кажется, и выходцев непосредственно из спецслужб Е.Примакова, С.Степашина, В.Путина, М.Фрадкова.

Не вполне ожидаемым для традиционной картины мира выглядит, например, сравнение действий воспринимаемого в качестве либерала Е.Гайдара с действиями воспринимаемого в качестве силовика бывшего подполковника КГБ В.Путина. Если тяжелейшие условия экономического кризиса не помешали Е.Гайдару передать кубинскому режиму двести миллионов долларов для финансирования разведцентра в Лурдесе, то весьма благоприятная мировая конъюнктура и быстрый экономический рост в стране, казалось бы, предоставлявшие ресурсы для сохранения этого развед-центра, не помешали В.Путину его закрыть (так же, как и базу в Камрани). Если Е.Гайдар отдал миллиард долларов для спасения Евробанка, то В.Путин закрыл и этот, и другие совзагранбанки. Если Е.Гайдар добился назначения В.Геращенко на пост руководителя Центробанка, то В.Путин его уволил.

Хотя у нас нет документов, которые бы подтверждали или опровергали предположение, содержащееся в вашем вопросе (и сомневаюсь, что они появятся), думаю все-таки, что Е.Гайдар не был кадровым сотрудником спецслужб. Однако, судя по всему, он им искренне симпатизировал и по мере сил и понимания старался помогать. Причем помощь с его стороны была направлена, судя по всему, не всем спецслужбам, а преимущественно, если не исключительно, военной разведке. Поэтому роль, какую он, похоже, сам для себя выбрал, можно назвать “добровольный помощник разведки”. И его действия в соответствии с этой, взятой им на себя, ролью, скорее всего, базировались не на формальном членстве в той или иной организации, а на его собственном представлении, что лучше для интересов разведывательного сообщества рухнувшей империи, на его собственном понимании, в чем заключается “служба государству”, на его личном ответе на вопрос “что такое хорошо и что такое плохо”.

Когда пытаются анализировать истоки чьих-либо взглядов, то обращают внимание на такие факторы, как влияние семьи (родителей), полученного образования, ближайшего окружения. Очевидно, что немалую роль в формировании мировоззрения Егора Гайдара сыграли его родственники по восходящей линии⁷⁸ и, прежде всего, его родители. Особое место в формировании взглядов Егора Тимуровича занимали его отец, Тимур Аркадьевич Гайдар, характер его занятий, друзья, знакомые и близкие отца. Егор Гайдар об этом неоднократно говорил и писал⁷⁹, да и его собственные действия в зрелом возрасте вполне это подтверждают. Желание человека быть достойным своих отцов и дедов во все времена считалось одним из наиболее уважаемых качеств. Правда, при этом обычно

стараются не забывать, чем именно занимались отцы и деды, и в чем именно их сыновья и внуки хотели бы быть достойными своих предков.

Тимур Аркадьевич взял с собой юного Егора в длительную командировку на Кубу в начале 1960-х годов. Годы, проведенные на “острове Свободы”, младший Гайдар называл самыми счастливыми в своей жизни. Именно в том времени берет свое начало его особо теплое отношение к Кубе и весьма личное отношение к руководителям кубинского режима, которых он, кажется, так никогда и не смог назвать (по крайней мере, публично) диктаторами. Более того, его оценки Фиделя Кастро, несмотря на подчеркнутые оговорки, имели для обычно довольно сдержанного Е. Гайдара совершенно исключительный, полный нескрываемого восхищения, характер⁸⁰. Егор Гайдар неоднократно говорил о близких отношениях его отца с обоими братьями Кастро, с Че Геварой. Гайдар-сын не только не скрывал, но и, судя по интонации, гордился тем, что мог называть Рауля, по его собственной характеристике, “убежденного коммуниста”, другом своей семьи, что его мать была подругой Вильмы, жены Рауля, что Рауль бывал дома у Тимура Гайдара⁸¹, что его собственный сын, Петя, знаком с Раулем и дружит с его внуками⁸².

В 2006 году Егор Гайдар пролил свет на то, чем занимался его отец на Кубе: “Мне было шесть лет, я был там с отцом и матерью, но как мальчишка, понимал тогда мало. Естественно, когда тебе показывают прямо перед окном 15 кораблей седьмого флота США, и когда у себя в приемной отец беседует с командующим ракетными войсками генералом Стаценко и начальником контрразведки контр-адмиралом Тихоновым и с министром обороны Кубы, Раулем Кастро, то, в общем, что-то тебе из атмосферы передается”⁸³.

Атмосфера, передававшаяся младшему Гайдару, — это атмосфера одного из наиболее опасных кризисов времен холодной войны, вызванного размещением на Кубе советских ракет средней дальности, кризиса, чуть было не приведшего к обмену ядерными ударами между СССР и США. Упомянутые “ракетные войска” — это части 40-тысячной группировки Советской Армии, секретно доставленные на Кубу летом-осенью 1962 года в результате так называемой операции Анадырь; генерал-майор И.Д.Стаценко — командир 53-й (41-й) ракетной дивизии, оснащенной четырьмя десятками ракет Р-12 и Р-14 с ядерными боеголовками и являвшейся ударной частью Группы советских войск на Кубе (ГСВК); контр-адмирал А.М.Тихонов — начальник контрразведки ГСВК, только что совместно с кубинскими спецслужбами разгромившей две подпольные организации антикастровского сопротивления — “Дивизию Нарцисса Лопеса” и “Альфа-66”, что закончилось казнями более 670 человек; Рауль Кастро — министр обороны и начальник секретной службы кастровского режима.

В свете сказанного Егором Тимуровичем естественно возникает вопрос: чем занимался на Кубе, какой пост занимал Тимур Аркадьевич Гайдар? Официальные биографии и сам Егор Гайдар сообщают, что он был журналистом, “корреспондентом военного отдела газеты “Правда”, спецкорреспондентом в странах Латинской Америки, Югославии”, что он “побывал на Кубе во время боев на Плайя Хирон и во время Карибского кризиса, в Афганистане во время войны, в Сирии, Индонезии, Персидском заливе, Абхазии и Нагорном Карабахе в период острого кризиса”, что он “пробирался недоступными горными дорогами в Афганистане, проехал на лошадях по нашим горным заставам на Кавказе”⁸⁴. В эфире “Эха Москвы” Егор Гайдар сообщил, что его отец был офицером с формальной позицией военного корреспондента газеты “Правда”⁸⁵. Однако выясняется, что у формально военного журналиста в Гаване оказалась приемная. У многих ли журналистов в принципе, а в стране командирования в особенности, бывает приемная? Зачем журналисту вообще нужна приемная? Каким журналистам нужна приемная?

Кроме того, из гайдаровской цитаты видно, что это не корреспондент оказывается в приемных военных руководителей (кстати, у многих ли военных руководителей в то время в условиях спешного развертывания ГСВК на острове уже появились свои приемные?). Оказывается, наоборот, это военное руководство — командир ракетной дивизии, начальник контрразведки ГСВК, министр обороны принимающей страны и руководитель секретной службы кубинского режима — беседуют в приемной военного корреспондента газеты “Правда”...

Кем был Тимур Гайдар, прилетевший на Кубу на одном самолете с членом Политбюро ЦК КПСС Анастасом Микояном⁸⁶, близко знакомый с Фиделем Кастро, десятилетиями “друживший семьями и домами” с начальником секретной службы режима Раулем Кастро, с которым у него по “естественным причинам было больше дел”⁸⁷, в конце концов ставший единственным журналистом в советской истории, получившим звание контр-адмирала?

Рассказанное Егором Тимуровичем позволяет предположить, какой на самом деле была на Кубе работа Тимура Аркадьевича. Единственная должность, которая позволяла бы человеку, занимавшему формальный пост военного корреспондента, общаться на равных с братьями Кастро, генералом Стаценко, контр-адмиралом Тихоновым, тем более в своей приемной, называлась резидент советской военной разведки ГРУ на Кубе⁸⁸. Очевидно, именно эта основная профессия Т.А.Гайдара привела его затем и в Югославию, и в Афганистан. Вполне откровенные намеки о непубличной стороне работы его отца заставляют также задуматься, почему Егор Тимурович посчитал возможным сделать их публичными именно в 2006 году, а, например, не в начале 1990-х годов, накануне назначения в российское правительство или во время работы в нем.

Тот факт, что Тимур Аркадьевич был высокопоставленным военным разведчиком, руководителем и участником операций ГРУ на Кубе, в Югославии, Афганистане, естественно, никоим образом не означает, что ответственность за них каким-либо образом может лежать на Егоре Тимуровиче. Как известно, сын за отца не отвечает. Это также не означает, что взгляды Тимура Аркадьевича Гайдара, его мнения, позиции, принципы должны были автоматически передаваться его сыну. Однако в деле формирования мировоззрения молодого человека трудно переоценить роль, которую играет атмосфера его собственной семьи, мнения, взгляды, позиции его родителей, принципы, которым они следуют. По крайней мере, скорее всего от отца передались Е.Гайдару особое отношение к сотрудникам военной разведки и в целом к разведывательному сообществу, а также готовность к применению силы.

Естественно, мировоззрение формировалось на примере не только отца, но и матери. Многими десятилетиями позже мать Егора Гайдара, Ариадна Павловна, расскажет супруге Егора Тимуровича Марии, что в случае высадки американцев она не могла допустить, чтобы интервенты захватили их живыми, и потому вначале собиралась убить сына, а потом покончить с собой⁸⁹.

Семейные истории проливают некоторый свет, прежде всего, на атмосферу, в которой выросал и воспитывался Егор Гайдар, а также на систему взглядов и принципов его поведения, на те решения, какие он принимал, в том числе и будучи руководителем российского правительства в 1991-1992 годах и позже. Принадлежность к высшей государственной номенклатуре, к наследственной советской имперской элите, семейная связь с советским и российским разведывательным сообществом, воспитание в атмосфере “борьбы с американским империализмом” – все эти факторы, очевидно, не могли не наложить свой отпечаток и на мировоззрение, и на многие стороны деятельности Егора Тимуровича Гайдара.

21. Дух империи

Следы номенклатурного воспитания, особенности имперского мировоззрения можно увидеть не столько в интервенционистской экономической политике, проводившейся гайдаровским правительством в 1991-1992 годах, сколько в личных решениях Егора Тимуровича по финансированию базы в Лурдесе и поддержке кубинского режима с помощью нефте-сахарных сделок, в настойчивых попытках назначить руководителем Центробанка России представителя другого семейного клана имперской номенклатуры Виктора Геращенко, в использовании МВФ-ского миллиарда для спасения Евробанка, через который проходило финансирование имперской разведывательной и подрывной сети в Европе, в искреннем восхищении антиамериканизмом Фиделя Кастро, способствовавшем, по мнению Е.Гайдара, “демонтажу квази-империи США в Латинской Америке”⁹⁰, в попытках противодействовать США во время операции НАТО против С.Милошевича в Югославии в 1999 году, в поддержке руководимым Гайдаром Союзом правых сил Владимира Путина на президентских выборах 2000 года; в высказанной

Гайдаром в 1997 году идее о крахе СССР как о “геополитической катастрофе”⁹¹, идее, нашедшей восемь лет спустя отклик у В.Путина⁹² и получившей благодаря последнему столь широкий общественный резонанс, в молчаливой поддержке лозунга А.Чубайса о “либеральной империи”, в теме, названии, настроении одной из наиболее известных книг Е.Гайдара “Гибель империи”, в достаточно неожиданном для экономиста особом увлечении, казалось бы, далекой от экономических реформ темой ядерных потенциалов, в необычно резком, если не сказать грубом, окрике Гайдара по поводу статьи двух американских профессоров, посвященной нелицеприятному для России сравнению ядерных потенциалов США, России и Китая⁹³, в его нападках на идею размещения элементов американской ПРО в Польше и Чехии⁹⁴, в характерной манере идентифицировать себя (регулярное использование местоимения “мы”) с путинской администрацией в ее весьма сомнительных и откровенно антилиберальных действиях, включая ренационализацию нефтяной промышленности и проведение “сердечных” переговоров с ОПЕК⁹⁵, в однозначной поддержке агрессии российского режима против независимой Грузии⁹⁶.

Искренней ностальгией по утрате последнего шанса сохранить советскую империю в августе 1991 года пропитаны гайдаровские строчки: “Теперь, после августовской победы, вся ответственность за происходящее в России и, в значительной степени, на территории бывшего Советского Союза, ложится на плечи российских лидеров. На этом политическом фоне еще оставалась, как мне тогда казалось, единственная возможность сохранить СССР: Горбачев немедленно отрекается от своего поста, передает его Ельцину, как президенту крупнейшей республики Союза. Ельцин легитимно подчиняет себе союзные структуры и, обладая безусловным в ту пору авторитетом общенародного лидера России, обеспечивает слияние двух центров власти, борьба между которыми и служит одной из основных причин развала. Так возникает надежда... Реально же происходит иное: российское руководство бездействует, процесс дезинтеграции Союза приобретает лавинообразный характер... Формально Союз существует, но из него вынули душу... Давать указания, требовать исполнения, контролировать — это утопия. Нельзя даже вообразить, например, что Горбачев укажет теперь Назарбаеву, как поступить с проектом “Тенгиз-Шеврон”... Союза, как реальной силы, нет... Каркас власти остался, но нет хозяина. Кто хозяин?”⁹⁷.

Используемая терминология не может не обратить на себя внимания — “отрекается”, “легитимно подчиняет”, “обеспечивает слияние двух центров власти”, “давать указания”, “контролировать”, “хозяин”. Эта программа в приложении к постсоветскому пространству, похоже, выглядит даже более амбициозной, чем действия Слободана Милошевича, приведшие Югославию к полномасштабной гражданской войне. Милошевич пытался выкроить из распадавшейся Югославии сербское государство на территориях, где сербы действительно жили в течение длительного времени. Е.Гайдар писал о своей “надежде” сохранить весь СССР. Нетрудно представить последствия реализации такой ностальгической “программы надежды” для граждан “ядерной державы”, премьером которой был Е.Гайдар⁹⁸, прими М.Горбачев и Б.Ельцин такого рода советы к воплощению. Позиция же Б.Ельцина тогда была иной: “Россия не ставит перед собой цели возвыситься в ходе реформ над соседями, осуществить их за счет тех или иных республик. Мы готовы тесно сотрудничать в деле преобразований с дружественными суверенными государствами. Реформы в России — это путь к демократии, а не к империи. Россия не допустит возрождения и нового командного центра, стоящего над ней и другими суверенными государствами. Она станет гарантом того, что диктата сверху уже не будет. Межреспубликанские органы призваны играть только консультативно-координирующую роль. Реальную власть теперь осуществляют республики”⁹⁹.

Два лидера — СССР и России, похоже, действительно спасли граждан постсоветских стран от неизбежных гражданских войн. В частности, тем, что не стали воплощать “надежды” Е.Гайдара и других имперских мечтателей. Справедливости ради следует сказать, что в декабре 1991 года Е.Гайдар принял активное участие в подготовке Беловежских соглашений, завершивших существование СССР, а пятнадцать лет спустя опубликовал книгу “Гибель империи”, в которой, в частности, не раз говорил об опасности постимперской ностальгии.

Показательно и отношение Е. Гайдара к обеим чеченским войнам, развязанным российскими властями. Известно, что по поводу второй чеченской войны он сохранял оглушительное молчание. Так же, как и по отношению к провозглашенному А.Чубайсом лозунгу о “возрождении российской армии в Чечне”. Однако также хорошо известно, что против первой чеченской войны Е.Гайдар возражал, в том числе даже участвуя в антивоенных митингах и демонстрациях. Этот факт заставил многих, включая и меня, предположить, что критика Е.Гайдаром, по крайней мере, первой чеченской войны базировалась на соображениях ее моральной неприемлемости. Хотя заметная разница в отношении Е.Гайдара к двум аналогичным войнам не могла не обратить на себя внимание. Данные им пояснения вносят корректировки в такое понимание¹⁰⁰. Оказывается, Е.Гайдар был не столько против войны в Чечне, сколько против неподготовленной войны в Чечне. И потому ошибкой Б.Ельцина, по его мнению, была не сама по себе чеченская война, ошибкой была лишь неподготовленная война. Гайдар также подчеркивал, что он выступал за установление в Чечне “порядка”.

Как известно, установление так называемого конституционного порядка стало популярным эвфемизмом властей для обозначения карательной операции, в результате которой были уничтожены десятки тысяч жителей Чечни. По мнению Е.Гайдара, “дело было не в том – “надо ли наводить порядок в Чечне или нет?” Надо было думать: “Когда, какими методами... это сделать”. Ошибкой было “воевать так”, “воевать само по себе” ошибкой не было.

– Извините, а, как по-вашему, Гайдар служил империи: он совершал для нее, скажем так, морально неоднозначные поступки, рисковал своей репутацией, исходя лишь из приверженности имперской идее, действуя из чистого альтруизма? Или за этим стояли материальные интересы?

22. Власть и собственность. Смуты и институты

– В сугубо бытовом плане Егор Тимурович производил впечатление достаточно щепетильного человека. Казалось, что своими решениями или рекомендациями он вряд ли мог преследовать что-то персонально для себя. Складывалось впечатление, что здесь проявлялось, скорее всего, то, о чем мы уже начали говорить, – черты личного характера, индивидуальные взгляды, собственное мировоззрение.

Одной из самых любимых идей, регулярно воспроизводимой во многих работах Е.Гайдара, была идея разделения власти и собственности. Воплощение этого принципа в жизнь называлось им в качестве важнейшего условия современного экономического роста¹⁰¹. Правда, в собственной практической деятельности следовать этому принципу удавалось не всегда.

Бывший генпрокурор Ю.Скуратов называл фамилию Е.Гайдара среди тех государственных чиновников и высокопоставленных советников властей, кто участвовал в инсайдерской игре с ГКО накануне августовского кризиса 1998 года¹⁰². Это были те самые ГКО, в которые по решениям С.Дубинина и С.Алексашенко инвестировала валютные резервы страны уже упоминавшаяся офшорная компания ФИМАКО, через которую по решению Е.Гайдара происходило спасение Евробанка “с погонами”. Документы по расследованию августовского кризиса 1998 года подтверждают участие Е.Гайдара в инвестициях на рынке ГКО в размере шести миллиардов рублей¹⁰³.

К сожалению, Егор Тимурович никогда не опровергал этой информации, обнародованной на заседании Совета Федерации и в ходе пресс-конференции руководителя подкомитета по банкам и банковской деятельности Совета Федерации. Более того, он (так же, как и А.Чубайс) не откликнулся на многочисленные приглашения временной комиссии Совета Федерации прийти на ее заседания и опровергнуть эту информацию, если он считал ее не соответствующей действительности¹⁰⁴. Следует также заметить, что сумма в шесть миллиардов рублей (примерно один миллион долларов), инвестированная Е.Гайдаром в рынок ГКО до августа 1998 года, многократно превышала суммарную зарплату государственного чиновника – вице-преьера, и.о.преьера, депутата Государственной Думы, которую теоретически можно было получить за предшествовавшие шесть лет.

Участие в инвестициях на рынке ГКО, возможно, объясняет персональную заинтересованность Е.Гайдара в продлении действия так называемого “валютного

коридора”, его умеренно оптимистические оценки финансового состояния страны на заседании клуба “Взаимодействие” 25 июня 1998 года, его просьбу ко мне не говорить о неизбежной девальвации рубля журналистам¹⁰⁵. Правда, каждый день продления действия валютного коридора обходился стране ценой рекордных темпов наращивания государственного долга, в том числе внешнего, а также ценой продолжения промышленного и общеэкономического спада.

Е.Гайдар ожидал соответствующую оценку своих трудов не только от рынка, но и от власти. Он полагал, что за то, что, по его мнению, он сделал для страны, он заслуживает соответствующего признания от “начальства”. В феврале 2001 года, когда я работал советником президента, мне позвонил один из ближайших соратников Е.Гайдара и, ссылаясь на приближавшееся тогда 45-летие своего шефа, попросил похлопотать перед В.Путиным о награждении его орденом. Мне казалось, что получение государственной награды из рук В.Путина лидером партии, называвшей себя либеральной и демократической, находившейся в полуопозиции к тогдашнему политическому режиму, да еще и по случаю дня его рождения, было бы для Е.Гайдара дискредитирующим. Попытка объяснить это звонившему оказалась безуспешной. Моих соображений он, кажется, просто не понял.

Не исключено также, что один из мотивов участия Е.Гайдара и сотрудников его института в подготовке программы реформ для новой российской власти оказался чуть более прозаическим, чем об этом часто принято думать¹⁰⁶. Обострение “квартирного вопроса” для Института экономической политики, возможно, сыграло не последнюю роль в истории и экономических реформ, и всей страны. Однако с успешной защитой здания Академии народного хозяйства история институтского “квартирного вопроса” не закончилась. Год спустя год он был решен на другом уровне.

По мнению Андрея Нечаева, приглашенного Гайдаром на пост заместителя директора по науке, институт был “подарен” Е.Гайдару М.Горбачевым в знак благодарности за хорошо им подготовленное и удачно воспринятое народными депутатами выступление¹⁰⁷. Аналогичное мнение высказал и В.Мау¹⁰⁸. Однако ни М.С.Горбачев, ни его коллеги, помощники, советники того времени В.А.Медведев, Н.Я.Петраков, Г.С.Остроумов, О.И.Ожерельев, А.Г.Аганбегян не подтвердили, что М.Горбачев имел какое-либо отношение к созданию Института экономической политики – ни “под Гайдара”, ни под кого-либо другого. В то же время Аганбегян сообщил, что именно он был инициатором создания ИЭП под руководством Е.Гайдара¹⁰⁹.

С самого рождения институт имел специфический статус. Хотя ИЭП первоначально был создан в рамках Академии народного хозяйства при Правительстве СССР, однако затем Гайдар добился его двойного подчинения – не только АНХ, но и Академии наук СССР. Поэтому, хотя институт и был государственным, его двойное подчинение делало возможное смещение его руководителя, если бы такая идея у кого-либо и возникла, практически неосуществимым. Такая административная находка означала если не фактическую приватизацию государственной организации, то, в любом случае, приобретение условной собственности на нее.

По своему происхождению и юридической природе Институт экономической политики (в 1992-2009 годах: ИЭППП, Институт экономических проблем переходного периода, сейчас: ИЭП, Институт экономической политики имени Гайдара) принципиально отличался и отличается от “Эпицентра”, Института национальной модели экономики, Института экономического анализа, Института проблем глобализации, Института национальной стратегии – от любых других институтов, созданных в России в последние два десятилетия. Каждый из этих институтов (за исключением ИЭП) с самого начала создавался, являлся и продолжает оставаться частной исследовательской организацией, не получившей от российского государства ни финансирования, ни каких-либо иных активов.

В отличие от них, двойственная природа гайдаровского института и особенный характер его взаимоотношений с государством были усилены Постановлением российского правительства №874 от 11 ноября 1992 года “Вопросы Института экономических проблем переходного периода”, предоставившим ИЭППП бюджетное финансирование, в том числе для приобретения статистической информации, вычислительной техники, оргтехники, услуг связи, транспортных средств, социально-бытового и медицинского

обслуживания¹¹⁰. По договору аренды власти передали Институту в долгосрочную аренду помещения площадью 4652 квадратных метров (затем она была увеличена до 5077 квадратных метров, а потом до 6107 квадратных метров) с имуществом и средствами связи в комплексе зданий на улице Огарева (ныне: Газетный переулок), занимаемых ранее департаментами электротехнической промышленности и приборостроения бывшего Министерства промышленности Российской Федерации¹¹¹. По указанному договору размер годовой арендной платы в течение срока аренды был зафиксирован на минимальном уровне. В 1996 году он составлял 17660 руб. (по рыночному курсу – 3,5 дол. США) за кв.м при рыночных ставках 500-800 дол. за кв.м, а “с 2001 года он составил 32,8 у.е. за 1 кв.м” в год при рыночных ставках в центре Москвы от полутора до нескольких тысяч долларов¹¹². В 2008 году Е.Гайдар обратился в правительство России с просьбой освободить его институт и от этих платежей¹¹³.

Суть проведенных операций может быть выражена формулой государственно-частного партнерства в соответствии с популярными российскими понятиями: “приватизация прибылей, национализация убытков”. Задолго до крупнейших афер более позднего времени – приватизации РАО ЕЭС и IPO (первичного публичного размещения) акций Роснефти в пользу самой компании – эта формула была применена путем предоставления государственных активов и государственного обеспечения ставшему затем квази-частным ИЭП.

Тем не менее, условность собственности на руководимый им государственный институт у самого Егора Тимуровича сомнений, кажется, не вызывала. В начале ноября 2005 года мы встретились с Е.Гайдаром на проводах в последний путь замечательного журналиста и достойного человека Отто Рудольфовича Лациса. После похорон мы задержались с Гайдаром, чтобы обсудить, что можно было бы сделать против наступления политической реакции. Тогда я спросил его, собираются ли он и руководимая им партия СПС делать хоть что-нибудь для противодействия тому, что уже и он сам в некоторых своих интервью стал называть наступающим фашизмом¹¹⁴. Реакция Гайдара поразила меня. На мой вопрос он ответил вопросом: “А они заберут у меня институт?”

С точки зрения номенклатурной логики служения государю он, наверное, был по-своему прав. Активы, данные “хозяином” подданному, – шуба, дарованная с царского плеча, поместья с крепостными, золотые или серебряные прииски, государственные монополии или научные институты, отданные в управление, – все это могло быть у подданного и изъято, – если и как только сюзерен проявит недовольство своим вассалом. Тем более, по этой логике вассальной зависимости, они и должны быть изъяты, если служба со стороны подданного прекращается, и он начинает демонстрировать сюзерену свою нелояльность.

23. Государство и эволюция

Хотя лица, оказывавшиеся на вершине власти, этого и не требовали, но появление каждой новой персоны у государственного руля – независимо от ее идеологических взглядов и политической программы – сопровождалось инициативным принесением ей присяги. Правда, как только маятник качался в сторону нового лица, появлявшегося на властной вершине, прежняя присяга переставала действовать. Еще летом 1990 года безоговорочным сюзереном Е.Гайдара был Горбачев¹¹⁵. 19 августа 1991 года “начальством” был назван Б.Ельцин¹¹⁶. 23 марта 1998 года о лояльности было доложено С.Кириенко¹¹⁷. Осенью 1999 года СПС взял на вооружение лозунг “Кириенко – в Думу! Путина – в Президенты!”¹¹⁸. В начале 2008 года публичная забота о популярности и условиях работы была проявлена в отношении Д.Медведева¹¹⁹.

В конце концов, “научное” обоснование динамичной смене лояльности было дано в чеканных формулировках морально-политического релятивизма чиновника, принадлежащего государственной номенклатуре: “...я пережил крах советской экономики... Люблю я власть, или не люблю, второй раз этого я не хочу видеть. Поэтому я сделаю все, что могу, чтобы помочь власти не делать ошибок”¹²⁰, “Вне зависимости от моих симпатий или антипатий к тем, кто стоит у власти в моей стране, я всегда буду пытаться сделать все возможное, чтобы подобная ситуация [экономические ошибки властей. – А. И.] не повторилась”¹²¹.

Ни насилие властей по отношению к частной собственности, ни репрессии против демократической оппозиции, включая и собственную партию СПС, не говоря уже о жестоких разгонах “маршей несогласных”, ни агрессия против Грузии с оккупацией части территории соседнего независимого государства и признанием, в нарушение международного права, независимости его двух регионов, ни бряцание оружием во время крупнейших в истории страны военных маневров в сентябре 2008 года, сопровождавшееся заявлениями Д.Медведева о том, что он “не боится войны”, не ослабили желаний Е.Гайдара помогать такому режиму и своими заявлениями¹²², и своими советами¹²³. “Доступ к телу” чиновников был оценен им дороже, чем разговор с обществом, в том числе и с теми его членами, кто считал Е.Гайдара своим сторонником и союзником. Совпадение по времени заявлений в поддержку правительства с рассмотрением в нем вопросов освобождения ИЭППП от налогообложения, очевидно, было совершенной случайностью¹²⁴.

Справедливости ради следует сказать, что такое желание помогать государственной власти обнаружилось у Е.Гайдара лишь тогда, когда во главе нее оказался В.Путин. Когда же президентом России был Б.Ельцин, а премьером – В.Черномырдин, позиция Е.Гайдара относительно собственной работы и работы его коллег по реформаторской команде на государство была несколько иной: “Чем меньше нас там будет, тем быстрее они обосрут, и мы опять вернемся”¹²⁵. Причиной ухода Е.Гайдара из правительства в январе 1994 года, по мнению А.Шохина, стала не столько приверженность тем или иным принципам, сколько надежда на получение полного контроля над правительством¹²⁶.

Формирование В.Путиным авторитарного режима, обострившееся осознание связи между властью и полученной от нее собственностью, принадлежность к бюрократической номенклатуре, приверженность имперскому мировоззрению, очевидно, сыграли свою роль в публичном позиционировании Е.Гайдара – во всяком случае, по тем вопросам, которые он воспринимал в качестве интересов своего давнего знакомого и нового сюзерена в опасный, по мнению Гайдара, для того момент. Как это было, например, в попытках оправдать А.Лугового, подозреваемого британской полицией в отравлении Александра Литвиненко¹²⁷, в безосновательных обвинениях в этом преступлении Бориса Березовского и Александра Гольдфарба¹²⁸, в предложенной Гайдаром для общественного потребления версии о его собственном “отравлении” в Ирландии¹²⁹, отраженной также в письме Гайдара Джорджу Соросу¹³⁰ и в комментариях Екатерины Гениевой¹³¹.

Егор Гайдар неоднократно сетовал на то, что в результате проведенных с его участием реформ не удалось обеспечить разделение власти и собственности¹³². Однако, кажется, ему трудно было признать свой собственный вклад в неудачу такого разделения, роль своих собственных решений, усиливших уже существовавшие традиции такой неразделенности, а также положивших начало новым традициям такого рода. Принципы экономической и политической жизни, которые Е.Гайдар проповедовал российскому обществу, ему, похоже, было непросто применить по отношению к самому себе.

Авторитарный режим по достоинству оценил усилия Е.Гайдара, не только отозвавшись на его кончину особенно теплыми телеграммами от обеих голов тандема¹³³, не только организовав беспрецедентную кампанию восхваления Гайдара в российских средствах массовой информации, запретив публикацию любых мнений, кроме положительных¹³⁴, но и увековечив его память соответствующим президентским Указом¹³⁵ – решением, подобным которому тот же тандем не считал возможным удостоить, например, Б.Н.Ельцина¹³⁶. В октябре 2010 года В.Путин также освободил от налогообложения гранты, предоставляемые Фондом наследия Егора Гайдара¹³⁷. В правительственный перечень организаций, освобожденных от уплаты налогов по предоставляемым грантам, государственная корпорация “Роснано”, возглавляемая А.Чубайсом, к этому времени уже была включена¹³⁸.

– Вы говорите, что отношение авторитарного режима к Е.Гайдару было очень теплым, намного теплее, чем, например, к Б.Ельцину. Но ведь многие считали и по-прежнему считают Егора Гайдара настоящим демократом. Даже более того: одним из лидеров демократического движения. Вы с этим согласны?

24. Закрытие демократии

– Взаимоотношения Егора Гайдара с российскими демократами, демократическими организациями, демократическими институтами простыми не назовешь.

Один из наиболее популярных и уважаемых российских демократических политиков 1990-х годов Галина Васильевна Старовойтова рассказывала мне, какую “войну на уничтожение”, по ее словам, вели против нее Егор Гайдар и Анатолий Чубайс. Мы встретились с ней 13 ноября 1998 года – за неделю, как потом оказалось, до ее трагической гибели. У нас шел очень откровенный разговор о ситуации в формировавшемся тогда широком движении либерального и демократического направления. К тому времени Галина Васильевна создала движение “Северная столица”, готовилась к выборам в Законодательное собрание Петербурга, на которых надеялась получить хорошие результаты (предварительные оценки показывали, что поддержка была неплохой). Она говорила о том, что в ходе формирования объединенного либерально-демократического движения ее буквально “изводят и уничтожают” лидеры этого нового движения Гайдар и Чубайс. Она спрашивала, что в этой ситуации делать: дискуссия внутри движения результатов не давала, публично говорить о разногласиях было неудобно, к тому же были опасения, что внутренние споры, вынесенные в публичное пространство, будут расценены как удар по общему делу; но если продолжать молчать, то от этого станется только хуже. А через неделю Галина Васильевна погибла от руки наемного убийцы.

О том, какой невыносимый моральный климат был создан в СПС, не раз говорил мне Сергей Николаевич Юшенков. “Я больше не могу там находиться”, – повторял он. В январе 2002 года Сергей Николаевич вместе с коллегами Виктором Похмелкиным, Владимиром Головлевым, Юлием Рыбаковым вышел из фракции СПС. Он пояснил свое решение “невозможностью далее находиться в составе фракции СПС, которая в целом поддерживает проводимую руководством страны политику на фактическое построение полицейско-бюрократического режима в России”¹³⁹. Вместе с В.Головлевым С.Юшенков начал создавать Либеральную партию России. В апреле 2003 года у подъезда своего дома он был застрелен. Насильственной смертью погиб и другой организатор Либеральной партии Владимир Головлев.

Сергей Адамович Ковалев был одним из учредителей движения “Выбор России” и партии “Демократический выбор России”, в 1999 году он был избран в Госдуму по списку СПС. Однако, познакомившись с СПС поближе, он вышел из него и в 2003 году уже баллотировался в Госдуму по списку “Яблока”. В члены партии “Яблоко” С.А.Ковалев вступил в 2006 году.

Свидетелем кампании, которая в течение десятилетия велась против Григория Явлинского и партии “Яблоко”, стала вся страна. Осенью 1999 года за отказ поддержать карательную операцию, проводившуюся российскими властями в Чечне, за предложение о переговорах с А.Масхадовым Анатолий Чубайс назвал Григория Явлинского “предателем”¹⁴⁰. Егор Гайдар ничем не возразил своему лучшему другу. Наоборот, он нашел возможность продемонстрировать, что с А. Чубайсом у него разногласий нет¹⁴¹.

Лев Пономарев недавно напомнил, что Е.Гайдара не устраивало широкое демократическое движение, которое было принесено им в жертву компактной, хорошо управляемой партии¹⁴². О характере отношения Е.Гайдара к демократическим политикам, диссидентам, правозащитникам можно судить по тону его ответа на статью Александра Некрича в ходе дискуссии на страницах “Московских новостей” осенью 1989 года¹⁴³.

В книге “Гибель империи”, содержащей сотни ссылок на работы разных авторов, не сопровождающихся какими бы то ни было авторскими пояснениями, особо изощренного комментария удостоился безукоризненный Владимир Буковский¹⁴⁴. Цитирование материалов, оказавшихся в книгах советских чиновников Ю.Андропова, Н.Байбакова, М.Горбачева, В.Крючкова, Л.Замятина, В.Медведева, М.Ненашева, Н.Рыжкова, В.Семичастного, Е.Чазова, А.Черняева, Г.Шахназарова, А.Яковлева, подобных комментариев со стороны Е.Гайдара не потребовало.

Конфликты с демократическими политиками у Е.Гайдара, судя по всему, были не совсем случайными. Еще до крушения Советского Союза, на фоне быстрого ослабления властных позиций М. Горбачева, поиск политических сил, “на которые можно было бы опереться”,

привел Е.Гайдара в депутатскую группу Съезда народных депутатов СССР “Союз”, по многим вопросам экономической и политической жизни занимавшую позицию, противоположную позициям Межрегиональной депутатской группы, в которой тогда объединились многие депутаты, придерживавшиеся демократических взглядов¹⁴⁵. По словам одного из создателей и организаторов депутатской группы “Союз” В.И.Алксниса, Егор Гайдар был экономическим консультантом этой группы и одним из авторов ее экономической программы¹⁴⁶. Об этом же говорил и С.Белковский¹⁴⁷.

Подтвердить эти заявления документально в настоящее время представляется затруднительным. Однако обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Никаких опровержений заявлений С.Белковского и В.Алксниса, сделанных еще в апреле 2004-го и августе 2009 года соответственно, не последовало ни при жизни Е.Гаидара, ни после его кончины.

Во-вторых, во многих программных документах группы “Союз” обнаруживаются хорошо знакомые современному читателю утверждения о необходимости спасения страны от “голода”, от “гражданской войны”, от “распада”¹⁴⁸, отсутствовавшие и в документах союзной власти, и в документах Межрегиональной депутатской группы (МДГ), и в материалах московско-ленинградской группы экономистов.

На семинарах этой группы обсуждений угрозы грядущего “голода” или опасности “гражданской войны” не припомню. Что же касается “угрозы распада страны” (т.е. СССР), то роспуск Советского Союза воспринимался многими ее членами как событие, во-первых, абсолютно неизбежное – независимо от личных эмоциональных оценок и чьих бы то ни было усилий по противодействию ему, а, во-вторых, как необходимое условие проведения успешных экономических и политических реформ. Необходимость такого условия убедительно демонстрировал провал многочисленных попыток реформирования в федеративной Югославии при наличии относительно качественной программы и сильного руководителя реформаторской команды. Поэтому не исключено, что интеллектуальными источниками пропагандируемых ныне идей о спасении страны от голода, гражданской войны и распада могли быть документы депутатской группы “Союз”. В них также настойчиво проводилась линия на противодействие двум политическим крайностям, рассматривавшимся ее членами в качестве нежелательных, – как “тоталитарной диктатуре”, так и “демократической диктатуре”¹⁴⁹, политика, фактически осуществленная в 1990-е годы. В них же отстаивались необходимость введения чрезвычайного положения, как минимум, на шестимесячный срок, необходимость проведения шоковых стабилизационных мер, а также создания института полномочных представителей президента на местах и восстановления единства банковской системы¹⁵⁰ – идеи, во многом реализованные во время работы гайдаровского правительства.

Следует также заметить, что взгляды, весьма созвучные позициям группы “Союз”, неоднократно высказывались Сергеем Кугушевым, человеком, бывшим в течение нескольких предреформенных лет одним из наиболее близких к Е.Гаидару, – как непублично, во время многих семинаров московско-ленинградской группы экономистов, постоянным участником которых он был, так и публично¹⁵¹. В то же время, по воспоминаниям руководителей МДГ Ю.Н.Афанасьева и Г.Х.Попова, в работе Межрегиональной депутатской группы Е.Гайдар не принимал никакого участия, в том числе и в качестве консультанта.

Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Виктор Похмелкин, Юлий Рыбаков, Сергей Ковалев, Григорий Явлинский, Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Юрий Болдырев, Лев Пономарев, Владимир Буковский – это российские демократические политики первой величины. Конечно, каждый из них индивидуален. Несомненно, их взгляды не по всем вопросам совпадали и совпадают. У каждого из них свои представления о демократии и либерализме и свой собственный вклад в российское демократическое движение. Ни у кого из них не было и нет индальгенции на исключительное понимание того, какой может и должна быть демократия в России. Но каждый из них – приверженец демократической политической системы в нашей стране. И у каждого из них раньше или позже обнаружались принципиальные разногласия с Е.Гаидаром, нередко приводившие к острейшим конфликтам и сделавшие невозможным их совместную работу в одних и тех же политических организациях. Устойчивость разногласий по принципиальным вопросам

между демократическими политиками, с одной стороны, и Е.Гайдаром, с другой, заставляет серьезно задуматься об их природе.

Конфликты Е.Гайдара с демократическими политиками, войны ДВР и СПС против демократических организаций дополнялись глубоким неприятием со стороны Е.Гайдара российских демократических институтов. Его публикации полны негативных, уничижительных, оскорбительных комментариев по отношению к депутатам, к парламенту, в целом к российской представительной власти¹⁵². Такие оценки российского парламента, особенно периода 1992-1993 годов, как “коммунистический”, “красно-коричневый”, “хасбулатовский”, стали расхожими штампами не без усилий Е.Гайдара.

Конечно, в любом парламенте были и есть депутаты разных, в том числе и экстремальных, политических взглядов, и российские Съезд народных депутатов и Верховный Совет не были исключениями. Однако при этом следует иметь в виду, что, во-первых, российские депутаты того времени, времени противостояния с исполнительной властью в 1992-1993 годах, были избраны гражданами нашей страны. В отличие от назначенных правительственными чиновниками, включая и Е.Гайдара.

Во-вторых, эти самые “коммунистический съезд” и “коммунистический парламент” избрали в 1990 году своим руководителем Б.Ельцина, проголосовали за суверенитет России, обеспечили мирный роспуск СССР, оказали энергичное сопротивление августовскому путчу руководителей компартии и спецслужб, приняли Декларацию прав и свобод гражданина, реабилитировали целые народы и миллионы граждан, репрессированных коммунистическим тоталитарным режимом, поддержали программу радикальных экономических реформ, предоставили исполнительной власти запрошенные ею чрезвычайные полномочия.

Без антикоммунистической революции 1990-1991 годов, осуществленной во многом благодаря и с помощью Съезда народных депутатов России, избранного российскими гражданами, в России не появился бы демократический режим, сколь бы коротким и несовершенным он ни оказался, не были бы проведены затем экономические преобразования. Называть такой съезд “коммунистическим”, такой парламент – “красно-коричневым” – фальсификация нашей недавней истории. Называть их антикоммунистические действия “коммунистическими”, пытаться оболгать только что возникшие, но быстро взрослевшие органы представительной власти, было выгодно тому, кто был заинтересован в неудаче новых демократических институтов, в дискредитации их антикоммунистической, антиимперской, антибюрократической деятельности.

В отличие от уничижительных характеристик, которые Е.Гайдар в своих работах давал политикам, обязанным своим возвышением демократическим процедурам, способствовавшим созданию демократических институтов и отстаивавшим демократические принципы, – М.Горбачеву, Г.Явлинскому, Г.Попову, в отличие от пренебрежительного отношения к демократическим политикам Г.Старовойтовой, С.Юшенкову, диссидентам и правозащитникам А.Некричу, В.Буковскому, совершенно иное отношение – уважительное и даже восхищенно-возвышенное – проявлялось у него к неизбранным представителям имперской бюрократии – В.Герашенко, Э.Воробьеву, Ю.Маслюкову, Н.Гаретовскому, Ю.Московскому, многочисленным министрам, замминистрам, руководителям департаментов, служб, банков. Судя по всему, общение с представителями номенклатуры было для Е.Гайдара более комфортным, чем с демократическими политиками, не говоря уже об “обычных гражданах”.

В каком-то смысле негативное отношение к людям, почти мгновенно катапультированным демократической волной конца 1980-х – начала 1990-х годов к национальной известности, общественной значимости, политической власти, со стороны членов советской номенклатурной аристократии, привыкшей управлять Россией, напоминает сложившееся в представлении Е.Гайдара негативное отношение к “прорвавшемуся к власти” на Кубе “выскочке” сержанту Ф.Батисте со стороны традиционной аристократии, привыкшей, по мнению Е.Гайдара, управлять Кубой, которым он поделился на примере своего кумира Фиделя Кастро¹⁵³. Правда, оказалось, что аристократическое происхождение Фиделя – не более чем миф. Как сообщает общедоступный источник, отец Ф.Кастро не имел отношения к кастильской аристократии, а был неграмотным

крестьянином из Галисии, эмигрировавшим на Кубу в начале XX века и сумевшим тяжелым трудом заработать средства на покупку сахарной плантации¹⁵⁴.

Восприятие Е.Гайдарами людей, характера государственного устройства, способов принятия решений сквозь призму принадлежности к административной и политической элите не ограничивалось лишь Кубой и Россией. Примечательным для понимания общественно-политических взглядов Е.Гайдара оказалось его мнение о механизмах принятия политических решений в Великобритании¹⁵⁵.

Недоверие к демократии при опоре на бюрократические механизмы вертикальной миграции, неприятие демократических процедур и институтов оказались, судя по всему, взаимными. Партии, возглавлявшиеся Е.Гайдарами (Выбор России и СПС), смогли пройти в Государственную Думу лишь тогда, когда пользовались очевидным административным ресурсом. Так было в 1993 году, когда в федеральном списке Выбора России оказалось десять действовавших министров и руководитель администрации президента, и в 1999-м, когда СПС, поддержав В.Путина и поддержанный В.Путиным, шел на выборы в качестве одной из двух партий власти. В отсутствие же административного ресурса партии, возглавлявшиеся Е.Гайдарами, терпели электоральные неудачи. Причем характер господствовавшего политического режима, судя по всему, большой роли не играл. Поражения на выборах происходили как в условиях быстрой ликвидации политических свобод в 2003-м, так и в условиях существования относительно демократического режима в 1995 году.

Неслучайно поэтому, что массовое демократическое движение начала 1990-х годов, оказавшееся под контролем бюрократической структуры, достаточно быстро было умерщвлено. На поле, занятом разлагавшейся номенклатурной организацией, не могло возникнуть и сколько-нибудь влиятельного демократического движения. Принадлежность бюрократической номенклатуре наряду с имперским мировоззрением плохо сочетается с подлинной приверженностью демократии.

Понимание собственной несочетаемости с демократическими организациями и институтами, в конце концов, пришло и к Е.Гайдару, нашедшему в себе силы признать это публично¹⁵⁶.

— Мы готовы были услышать многое. Но такого, признаться, не ожидали...

25. “Полк, готовый стрелять в народ”

— Негативное отношение Е.Гайдара к демократически избранным представительным органам власти в центре и регионах, его враждебное отношение к парламенту, очевидно, сыграли свою роль в том, как был разрешен осенний кризис 1993 года. Однако для Б.Ельцина, возможно, даже более важной была позиция Гайдара в деле получения идеологического обоснования и морально-психологической поддержки для разгрома укреплявшейся парламентской системы. По мнению А.Коха, автором идеи о роспуске Верховного Совета, приведшего к краткосрочной гражданской войне на улицах Москвы в сентябре-октябре 1993 года, был именно Е.Гайдар¹⁵⁷.

На это указывает также рассказ Е.Гайдара об эволюции его собственной позиции¹⁵⁸. Однако, по воспоминаниям А.Шохина, Е.Гайдар хотел силового разгона парламента еще в декабре 1992 года¹⁵⁹. Поэтому, возможно, не слишком удивительным стало весьма необычное решение Б.Ельцина по возвращению Е.Гайдара в исполнительную власть 16 сентября 1993 года, произошедшее непосредственно накануне публикации Указа №1400 и начала силовой конфронтации с парламентом и обнародованное в весьма запоминавшейся обстановке — во время посещения Б.Ельциным дивизии внутренних войск имени Дзержинского. Как будто бы этим решением он предоставлял свободу рук одному из инициаторов планировавшихся затем действий.

Е.Гайдар принял активное участие в событиях 3-4 октября 1993 года, а через три месяца после них правительство покинул. Складывалось впечатление, что главным, для чего Гайдар возвращался во власть, было его участие в силовом разрешении кризиса с Парламентом. В персональном участии Е.Гайдара в разгоне Съезда присутствовал, похоже, и элемент его личного чувства: в предшествовавшем декабре Съезд народных депутатов отказался утвердить его премьером.

Если со стороны могло показаться, что Б.Ельцин таким образом “подставлял” Е.Гайдара, то изнутри власти это выглядело по-иному. На фоне практически поголовной растерянности руководителей правительства и сотрудников правительственного аппарата в ночь с 3 на 4 октября 1993 года лишь один человек демонстрировал удивительное спокойствие и поразительную уверенность, как будто бы он заранее знал весь сценарий происходивших событий. Это был Е.Гайдар. Вечером 3 октября, когда многие члены правительства, полупарализованные происходящим, не могли оторваться от экранов телевизоров и лишь обменивались друг с другом малосодержательными комментариями, он по собственной инициативе отправился на резервную студию телевидения и к зданию Моссовета. Откликнувшись на его призыв, тысячи москвичей вышли на улицу, что сделало использование силы практически неизбежным.

О том, что Е.Гайдар был если и не инициатором, то, как минимум, очевидным сторонником силового решения осеннего кризиса 1993 года, свидетельствуют и его многочисленные выступления по этой теме. Возможное неприменение Б.Ельциным силы против парламента расценивалось Е.Гайдаром как “предательство” его, Е.Гайдара, а также “всех, кто разделял его убеждения”. То, что Б.Ельцин, очевидно, после непростых размышлений и колебаний, в конце концов, вынужден был применить силу, вызвало у Е.Гайдара нескрываемую радость¹⁶⁰.

Его слова демонстрируют драматическую разницу в подходах к одному и тому же событию двух людей – пренебрежительное отношение самого Е.Гайдара: “Эти десять болванок, выпущенных по 10-му этажу Белого дома, и два зажигательных снаряда, которые ни одного депутата не убили...” и глубоко личное, полное драматических переживаний, отношение Б.Ельцина: “для него, тем не менее, были тяжелой травмой”¹⁶¹...

Событиям 3-4 октября 1993 года посвящена значительная часть третьей главы в последней книге Е.Гайдара “Смуты и институты”, где обращает на себя внимание триумфаторская апология действий исполнительной власти по осуществлению силового подавления политических сил, выступивших в защиту российского парламента и парламентской политической системы. С точки зрения противостояния бюрократии и демократии, осенний кризис 1993 года можно рассматривать в качестве силового реванша избранной бюрократической элиты против политиков новой волны, поднявшихся к вершинам государственной власти с помощью вертикальных лифтов демократической системы, возникших во многом в результате усилий М.Горбачева и его команды в 1989-1990 годах.

После разгрома парламента принятая на референдуме Конституция 1993 года фактически закрепила реставрацию слегка модернизированного, быстро адаптировавшегося к рыночным условиям, бюрократического Ancien Regime. В терминах самого Гайдара это было подавление “смуты” – незавершенной попытки замены господствовавшего бюрократического режима – и укрепление новых политических институтов, закрепивших переход к президентской форме правления.

Сам Е.Гайдар хорошо понимал, насколько значимой была его персональная роль в осуществлении этого контрпереворота. Похоже, он тяжело переживал то, что его собственный вклад в успех подавления “смуты” оказался, по его мнению, недостаточно оцененным теми, кто более всего от этого контрпереворота выиграл. И потому, очевидно, неслучайно его постоянное возвращение во многих его работах и в финальных параграфах его последней книги “Смуты и институты” именно к осеннему кризису 1993 года.

Главный тезис этой книги, а также многочисленных статей, выступлений и интервью последних лет жизни Е.Гайдара – это необходимость для господствующего режима быть готовым – технически, организационно, морально – к успешной борьбе против “смут” и революций. По мнению Е.Гайдара, важнейший фактор выживания политического режима (безотносительно к его идеологической направленности, характеру его взаимоотношений с обществом и внешним миром, степени его авторитарности или демократичности и т. д.) в условиях смуты и революции, звучащий бесконечным рефреном, – это наличие вооруженных сил (“хотя бы одного полка”), готовых стрелять в народ, способность режима отдать приказ на применение силы (на открытие огня), способность войск выполнить такой приказ¹⁶².

Этот тезис настолько часто звучал в его последних текстах и выступлениях, что его можно считать своего рода научно-политическим завещанием Егора Гайдара. В нашем разговоре нет места и времени для детального обсуждения этого тезиса, но несколько коротких комментариев по поводу него не сделать нельзя.

Во-первых, после знакомства со многими текстами Е.Гайдара и особенно с книгой “Смуты и институты” складывается впечатление, что общество для автора делится на две неравные части. С одной стороны, есть административно-политический режим (элита, государство) – “режим”. При этом неважно, какова природа этого режима. Это может быть и французский королевский режим абсолютной монархии, и царский режим Российской Империи февраля 1917-го, и демократический режим Российской республики октября 1917 года, и коммунистический режим СССР августа 1991 года, и демократический режим РСФСР ноября 1991-го. С другой стороны, есть толпа, публика, “боевики” (часть общества, настолько недостойная внимания, что во многих случаях она даже лишена какого-либо особого термина). Наиболее часто встречающийся по отношению к ней термин – по крайней мере, в обстоятельствах 1993 года – это “оппозиция”. Оппоненты режима не заслуживают того, чтобы серьезно заботиться об их судьбе – даже ни одного депутата не убили, комичный президент¹⁶³.

Во-вторых, каждая из частей общества, по мнению Е.Гайдара, обладает неравными правами. “Режим” по определению должен иметь в готовности хотя бы один полк, готовый стрелять, и имеет не только право, но и обязанность дать приказ военным на использование силы. Открывать огонь против другой части общества – “оппозиции” – в случае смуты, революции, восстания, неповиновения, беспорядков, национально-освободительного движения не только можно, но и нужно. Автор также полагает, что силовой метод разрешения конфликтов приемлем лишь со стороны “режима”. Отсутствие правомочий на применение силы на стороне “оппозиции”, толпы, публики не обсуждаются: у народа нет не то что права на восстание против незаконного, неправового, криминального режима, но нет даже права на оборону и самооборону – права, являющегося, в частности, неотъемлемым элементом, например, англосаксонской и в целом общеевропейской правовой традиции. Применение силы разрешено только со стороны власти, лишь со стороны “режима”.

В-третьих, самую большую опасность, главное зло для общества, по мнению Е.Гайдара, представляют нарушение сложившихся институтов, наступление “беспорядка”, смуты, революции. “Я уже пережил одну революцию. Больше не надо”, – не устает повторять он, последовательно занимая откровенно консервативную, контрреволюционную, карательную позицию – независимо от того, какую именно природу и какой характер имеет та или иная революция.

В-четвертых, главный, если не единственный, способ преодоления беспорядка, смуты, революции – это применение силы. Требования к действующему режиму – “иметь хотя бы один полк, готовый стрелять в народ”, быть готовым отдать приказ открыть огонь на поражение, способность войск выполнить такой приказ – иллюстрируются примерами из истории, когда эти требования не выполнялись (французская революция 1789 года, российские революции февраля 1917-го, октября 1917-го, августа 1991 годов, подавление чеченской революции в ноябре 1991 года), и одним примером (сентябрьско-октябрьская “смута” 1993 года), когда эти требования были выполнены. Отсутствие хотя бы одного верного власти полка, неспособность господствующего режима отдать приказ на применение силы, неспособность “боеспособных частей” его выполнить есть недопустимая и непростительная “слабость” режима, заканчивающаяся его крахом (“гибелью империи”).

В-пятых, вопрос о правомочности применения внутри страны армии (не только полиции и ОМОНа) – для подавления гражданских беспорядков, смут, революций – Е.Гайдаром не только не обсуждается, но и не задается. Наоборот, отказ от использования армейской силы в политических целях признается им как совершенно нетерпимая слабость “режима”¹⁶⁴.

В-шестых, показательно, что в целом правовые вопросы – вопросы законности, конституционности, права как такового вообще (в значении: не законодательства), правовые вопросы применения силы, в частности, не говоря уже, например, о базовых свободах и правах человека, Е.Гайдаром не только не обсуждаются, но и вообще не

затрагиваются. И, следовательно, правомочия “режима” — и на сохранение власти в своих руках, и на применение насилия против собственных граждан — находятся за пределами обсуждения Е.Гайдара и воспринимаются им как совершенно естественные. Наконец, способы урегулирования существующих конфликтов в обществе — политических, идеологических, экономических — мирными средствами, в том числе посредством переговоров, соглашений, договоренностей, круглых столов, демократических выборов, раздела власти и т.д. Е.Гайдаром не рассматриваются. Единственный обоснованный, приемлемый, эффективный ответ на существующие в обществе противоречия и конфликты — силовой.

Совершенно очевидно, что такие взгляды не имеют отношения ни к демократии, ни к либерализму. В лучшем случае такое мировоззрение может характеризовать своего носителя как сторонника консервативного авторитаризма. Впрочем, строго говоря, подход, продемонстрированный Е.Гайдаром, ближе всего к марксистской традиции захвата и удержания политической власти (ленинскому лозунгу “*Всякая революция лишь тогда чего-то стоит, если она умеет защищаться*”, маоистскому лозунгу “*Власть растет из ствола винтовки*”), коммунистическо-кастровским методам гражданских войн и массовых репрессий.

— То, что вы говорите, довольно сильно отличается от традиционных рассказов о проведенных реформах — как с точки зрения их сторонников, так и противников. А общественное мнение в этом отношении остается разделенным. Есть немало людей, которые Е.Гайдара проклинают. Но есть и те, кто его действиями восхищаются и, можно даже сказать, боготворят его. Нас интересует позиция тех, кто Гайдара поддерживает. Как Вы считаете, эти люди не знают упомянутых Вами фактов? Или они их знают, но, тем не менее, считают, что сделанное им правильно (то, что они считают сделанным правильно) перевешивает другие стороны его деятельности?

26. Дар сказителя

— Мне кажется, отношение к Е.Гайдару индивидуально. Диапазон оценок его деятельности широк. Но появлению взвешенной оценки его роли в формировании нынешнего российского экономико-политического режима серьезно мешают попытки создания культа личности Гайдара. Вместо воспевания осанны, идущего с одной стороны и провоцирующего тотальное отрицание с другой, необходим спокойный анализ всех сторон его деятельности — с разбором достижений и недостатков, удач и провалов, успехов и поражений.

Даже публикация документов, представляющих нюансированную картину произошедших событий, отличающуюся от постоянно приукрашиваемого мифа, вызывает агрессивную реакцию у ряда сторонников Е.Гайдара, называющих это очернением и оскорблением их идеала. С другой стороны, и некоторые оппоненты Гайдара в каждом его действии готовы видеть руку Моссада и происки ЦРУ. Для тех, кто не хотел бы допустить объективного анализа произошедшего, такая ситуация поляризованной вражды является наиболее желанной.

Кому нужен культ Гайдара? Мне кажется, здесь есть разные причины.

Понятна заинтересованность некоторых коллег самого Егора Тимуровича, пытавшихся и при его жизни, и особенно пытающихся теперь капитализировать его имидж в своих целях, создать некий храм поклонения Гайдару. Понятны и цели нынешнего режима сотрудников спецслужб, заинтересованных в том, чтобы символом борьбы с коммунистической системой, олицетворением диссидентского движения оказались бы в памяти российских граждан не Андрей Дмитриевич Сахаров, не Анатолий Тихонович Марченко, не Петр Григорьевич Григоренко, а сын резидента ГРУ, высокопоставленный сотрудник журнала “Коммунист” и газеты “Правда”, проведший немало времени не в советских психушках и мордовских лагерях, а в цэковских санаториях и на совминовских дачах. Понятно желание авторитарного режима и его политических союзников, чтобы символом либерально-демократического движения в нашей стране были бы не Галина Васильевна Старовойтова, Владимир Константинович Буковский или Сергей Адамович Ковалев, а Егор Тимурович Гайдар.

Отмечая интересы тех или иных политических и общественных сил в мифологизации Гайдара, тем не менее, нельзя отрицать, что сам Е.Гайдар был, вне всякого сомнения, незаурядным человеком. И теплое отношение к нему многих людей связано и с его личными качествами.

Е.Гайдар заслуженно привлек к себе внимание прежде всего тем, что хорошо говорил и писал по-русски. До него это качество не слишком часто встречалось в отечественной общественной жизни и довольно редко – среди тех, кто оказывался в государственной власти. Когда он говорил с трибуны Верховного Совета или Съезда народных депутатов, то зал – даже критически настроенный к нему – замолкал, замороженный правильной, содержательной, умной речью.

Оказавшись почти на вершине государственной власти, Е.Гайдар старался, по крайней мере в начале своей публичной карьеры, говорить преимущественно на языке интеллигенции, что расположило к нему миллионы людей и в России, и на всем постсоветском пространстве. Сработали механизмы подсознательной психологической идентификации “свой – чужой”. Его успехи и удачи воспринимались как успехи и удачи всей социальной группы, а его неудачи и ошибки многими представителями интеллигенции прощались ему, – как могут прощаться только “своему”, оказавшемуся среди “чужих”.

Взгляды и действия Е.Гайдара часто выглядели и нередко были альтернативой ортодоксальному коммунизму. Поэтому его позиция, особенно в условиях ожесточенного противостояния с коммунистами, у многих вызвала искреннюю поддержку. Хотя высказывания и решения Гайдара действительно бывали антикоммунистическими, многие из них не были ни антиимперскими, ни антиноменклатурными. Еще чаще у них не было ничего общего с либерализмом и демократией, несмотря на регулярные попытки Е.Гайдара ассоциироваться именно с ними. И, увы, не раз то, что им говорилось, не совпадало с тем, что им делалось.

Е.Гайдар был одним из наиболее образованных людей своего времени. Прочитав немало хороших книг, храня в памяти большое количество фактов из истории разных народов и эпох, он активно использовал свою эрудицию. Он часто демонстрировал очевидное интеллектуальное превосходство над своими оппонентами, многие из которых не могли составить ему конкуренции – ни в плане содержания, ни с точки зрения логики и аргументов.

В отличие от политических дебатов, в научных дискуссиях Е.Гайдар старался не занимать однозначных позиций, располагая к себе слушателей и читателей тем, что привлекал внимание скорее к последствиям осуществления того или иного варианта действий. Тем самым у сторонников разных, в том числе и противоположных, позиций создавались впечатление широты его подхода и ощущение, будто Гайдар согласен именно с ними. За редкими исключениями, он избегал непосредственной конфронтации, почти всегда оставляющей у наблюдателей не самый лучший осадок по отношению к обеим спорящим сторонам. Он предпочитал пользоваться инструментарием иного рода, в том числе, оружием иронии, которым неплохо владел.

Он был, несомненно, харизматической фигурой, восхищавшей и влюблявшей в себя многих, кто имел возможность с ним общаться. Со встреч с Гайдаром многие люди уходили окрыленными общением с приятным и симпатичным человеком, воодушевленными ощущением нового знания, приобретенного в разговоре с ним.

Е.Гайдар писал легко и образно, был талантливым рассказчиком, а его выступления и публикации привлекали и продолжают привлекать немалое общественное внимание. У него был несомненный журналистский и писательский талант – качество, очевидно, унаследованное от его родственников по восходящей линии – Аркадия Петровича, Павла Петровича, Тимура Аркадьевича, Ариадны Павловны. Более того, это был не просто писательский талант, а дар сказителя – человека, не просто рассказывавшего или пересказывавшего различные факты, но создающего новые увлекательные истории.

Особенно ему удавалось производство правдоподобных объяснений сложных явлений экономической и политической жизни. При этом в научных и публицистических текстах им широко использовались тропы, характерные более для художественного языка – гиперболы (преувеличения), литоты (преуменьшения), наряду с применением типовых

сказочных приемов — наличие темных грозных сил, требующее невероятных усилий противоборство с ними, почти чудесное спасение положительных героев.

Как оказывалось впоследствии, многие элементы в предложенных версиях событий оказывались либо преувеличенными, либо преуменьшенными, либо не соответствовавшими действительности, а предлагавшиеся автором версии последовательности событий часто не имели места.

Например, с легкой руки Е.Гайдара его последователи стали настаивать, что руководство Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР (И.Силаев) осенью 1991 года собиралось вводить в стране продразверстку. Однако изучение принятых документов показало, что это миф. В другом месте Е.Гайдар сообщил, что либерализация цен 1992 года была аналогична переходу на свободные цены на зерно во времена НЭПа. Но такого события не было. В книге “Долгое время” Е.Гайдар утверждал, что экспортные цены СССР с ноября 1980 года по июнь 1986 года упали почти в шесть раз¹⁶⁵. Однако среди почти ста товарных групп и индексов товарных цен в базе МВФ¹⁶⁶ снижение цен в шесть раз за это время было зафиксировано лишь по одной позиции — сахару-сырцу (отгружаемому из портов Карибского моря), не относящемуся к товарам отечественного экспорта. Максимальное же снижение цен на экспортные товары из СССР коснулось нефти: цены на нее упали в 3,4 раза, — цены на другие товары либо снизились в меньшей степени, либо даже возросли.

Многokrратно и Е.Гайдар, и его сторонники утверждали, что осенью 1991 года желающих идти в правительство не было, что “власть перебрасывали из рук в руки, как горячую картошку”. То, что это не так, что кандидатов на место премьера было несколько, хорошо известно. Даже сам Е.Гайдар в своих мемуарах вспоминал, что премьерства добивался, в том числе, и Р.Хасбулатов¹⁶⁷. Зачем же было распространять заведомо ложный миф, будто бы никто не хотел власти?

Неоднократно Е.Гайдар говорил и писал, что тогда, когда он стал вице-премьером российского правительства, в России не было таможи. Однако органы союзной таможи на территории России были переподчинены российской власти еще 25 августа 1991 года¹⁶⁸, президиум Верховного Совета РСФСР принял решение о создании российского таможенного комитета 21 октября 1991 года¹⁶⁹, а сам комитет был создан Указом российского президента 25 октября того же года¹⁷⁰. В адрес ГТК сразу же, с первых же дней работы нового правительства, стали выпускаться постановления и отдаваться распоряжения, в том числе и подготовленные непосредственно Е.Гайдаром, — как, например, постановление о лицензировании экспорта нефти от 15 ноября 1991 года¹⁷¹. Доказательством того, что российская таможня не только существовала, но и эффективно работала, может служить, например, принципиальная позиция начальника Санкт-Петербургской таможни В.Степанова, пытавшегося не допустить незаконную отгрузку сырья по поручению руководителя КВС мэрии В.Путина. Однако в этом споре, как мы теперь знаем, вице-премьер Е.Гайдар занял не сторону якобы несуществовавшей, по его утверждению, таможни, а В.Путина. Иными словами, таможня в стране существовала. Зачем же надо было распространять миф об отсутствии таможенных органов в России?

Е.Гайдар утверждал, что Ф.Кастро принадлежал родовой “кастильской аристократии, привыкшей управлять Кубой”. Однако на самом деле оказывалось, что Фидель был сыном галисийского крестьянина, в первый раз прибывшего на Кубу в 1898 году солдатом испанской армии для подавления движения за независимость Кубы, после поражения Испании вернувшегося на родину, а затем вновь приехавшего на Кубу и начавшего трудовую жизнь рабочим в американской United Fruit Company¹⁷².

Е.Гайдару удавалось создавать яркие, образные, запоминающиеся версии происходившего: гибель советской империи в результате четырех- (шести-) кратного снижения нефтяных цен и возникшего дефицита хлеба; спасение страны от массового голода, гражданской войны и распада в результате действий реформаторского правительства; наступление августовского кризиса 1998 года в России в результате воздействия “азиатской инфекции”, а также нового падения цен на нефть; наступление российского кризиса 2008-2009 годов в результате воздействия американского и глобального кризисов и опять же падения мировых цен на нефть.

Однако оказывалось, что в 80-е годы максимальное падение цен на нефть в месячном измерении было не в 4, а в 3,4 раза, а в годовом — лишь двукратным; локальный минимум цен был зафиксирован не накануне прихода Е.Гайдара в правительство, а более чем за пять лет до этого — в июле 1986 года; за последовавшие годы — с июля же 1986-го по ноябрь 1991 года — цены на нефть не упали, а выросли (в 2,2 раза); во время работы самого гайдаровского правительства цены на нефть были выше, чем в течение пяти лет до него и в течение шести лет после него¹⁷³. Хотя в период работы во власти М.Горбачева, Н.Рыжкова, В.Павлова, И.Силаева, В.Черномырдина цены на нефть были ниже, чем во время работы гайдаровского правительства, никто из других бывших руководителей страны не пытался оправдать свои собственные неудачи динамикой мировых цен на нефть.

От внимания Е.Гайдара странным образом ускользнул тот факт, что из более чем четырех десятков стран-нефтепроизводителей и нефтеэкспортеров, испытывавших так же, как и СССР, воздействие колебаний мировых цен на нефть, распад страны и гибель существовавшего политического режима на рубеже 1980-х—1990-х годов произошли лишь в одной из них — Советском Союзе. Е.Гайдар никак не комментировал то, что ни одна другая страна, вовлеченная в производство и экспорт энергоносителей, включенная в мировой рынок, зависимая от мирового разделения труда, не испытала в те годы не только экономического и политического краха, но и сколько-нибудь серьезного кризиса. В то же самое время — в конце 1980-х—начале 1990-х годов — кроме СССР, прекратили существование еще три государства — ГДР, Югославия, Чехословакия. Крах политических режимов во всех трех, а в двух случаях и территориальный распад (“гибель империй”) произошли в странах, являвшихся не энергоэкспортерами, а энергоимпортерами, и, следовательно, экономически не проигрывавших, а выигрывавших от (объявленного Е.Гайдаром) падения мировых цен на нефть. Однако и эти факты, очевидным образом опровергавшие предложенную им концепцию экономико-политического развития, никоим образом не привлекли внимания Егора Тимуровича.

О том, что в 1991 году в России не было ни массового голода, ни его угрозы, было сказано уже не раз; гражданские войны на территории и СССР и России предотвратить не удалось; а распад Советского Союза не только произошел, но и оказался не столько “геополитической катастрофой”, как полагал в свое время Е.Гайдар, и как об этом позже заявил В.Путин, сколько благом для граждан России и других постсоветских стран.

Августовский кризис 1998 года в России произошел не под влиянием “азиатского кризиса”, а в результате ошибочной макроэкономической политики, проводившейся А.Чубайсом во многом по советам Е.Гайдара и рекомендациям МВФ, — политики, сочетавшей “гремучую смесь” неизбежной экономической катастрофы, ингредиенты которой — “валютный коридор”, поддержание значительного бюджетного дефицита и массивные внешние заимствования, — казалось бы, столь многократно были осуждены Е.Гайдаром в его статьях 1989-1991 годов и столь детально были описаны им в работах, посвященных краху СССР.

Российский кризис 2008-2009 годов вряд ли был вызван воздействием финансового кризиса в США, поскольку он начался и завершился раньше американского; падение промышленного производства в нашей стране происходило не на фоне снижения цен на нефть, а во время их увеличения; возобновление же промышленного роста началось не тогда, когда нефтяные цены были наиболее высокими, а тогда, когда они находились на минимальном уровне последних лет.

Однако отсутствие убедительных доказательств предложенных Е.Гайдаром версий событий и даже обнародование большого количества фактов, их опровергавших, тем не менее, кажется, не ослабили эффект психоэмоционального воздействия предложенных им моделей на многих граждан нашей страны и лишь подтвердили сказочно-религиозный характер их восприятия.

Вскоре после второго ухода Е.Гайдара из российского правительства один из наиболее близких его коллег В.Мау заметил: “Борьба за реформы закончилась. Теперь начинается борьба за их интерпретацию”. Похоже, что эта, вторая, борьба оказалась для Е.Гайдара и его коллег более успешной, чем первая.

Увы, выбор Е.Гайдаром характера проводившихся реформ, методы их проведения, а также его позиция по многим значимым вопросам общественной и политической жизни

страны внесли свой вклад в становление и укрепление нынешнего российского авторитарного режима. Это не значит, что в этом виноват только он. Это не значит, что ему не оказывалось сопротивления. Это не значит, что у него не было оппонентов, готовых воспользоваться любой его оплошностью. Но именно результаты интервенционистских реформ, проводившихся номенклатурно-бюрократическими методами, усугубивших и удлинивших экономический кризис, подорвавших общественную поддержку либеральных сил и демократических институтов, породили со стороны Б.Ельцина, реформистской части государственного аппарата и российской интеллектуальной элиты спрос на силовиков, способных защитить их политически и обеспечить выполнение программы рыночных реформ, не выполненной в свое время Е.Гайдаром. Во многом именно этот провал вытаскил силовиков из политического небытия во власть.

Экономические реформы, которых многие граждане страны так ждали, так поддерживали, в которых сами собирались участвовать, оказались совсем не теми, на которые надеялись люди, не теми, какие были обещаны реформаторами, не теми, о каких объявили российские власти осенью 1991 года. Многие из того, что надо было делать, сделано не было. А многое из того, чего делать не следовало, увы, было осуществлено. Лишь в небольшой степени проведенные реформы оказались либеральными. Причем либеральными во многом не столько для граждан страны, сколько, прежде всего, для властей, для госаппарата, для бюрократии. В реформах Е.Гайдара оказалось слишком много интервенционизма и популизма. И немало нечестного. Именно поэтому и необходимо детально анализировать решения Е.Гайдара, чтобы понять, какие ошибки и когда были сделаны, можно ли их исправить, и как и чего ни в коем случае не следует повторять.

Нелиберальная, интервенционистская, популистская политика, называвшаяся ее авторами “радикальными либеральными реформами”, привела к ликвидации общественной поддержки и такого рода реформ, и их авторов, называвших себя либералами и демократами, и ассоциировавшихся с ними политических сил. Поддержка либерально-демократического пути развития страны, бывшая в 1991-1993 годах на невероятно высоком уровне, оказалась раздавлена.

Е.Гайдар действительно смог легализовать рыночные отношения в России. Но тем, что и как он делал, и какую политическую позицию занимал, он как минимум на поколение уничтожил массовую политическую поддержку российских либералов и демократов. Если он и оказался спасителем и освободителем, то, прежде всего, “спасителем” циничной власти, государственной бюрократии, спецслужб, “освободителем” нашей страны, по крайней мере, на какое-то время, от “угрозы” либерально-демократической альтернативы.

Егор Гайдар стал неотъемлемой частью современной российской истории. Он был незаурядным, во многом выдающимся человеком. Его вклад в легализацию рыночных отношений в нашей стране, в создание нынешних вариантов рыночной экономики и политического режима России трудно переоценить. Многие в том, что он говорил и что делал, было свежим и смелым, нередко – мужественным.

Но ничто из этого – ни масштаб фигуры Егора Гайдара, ни его личные качества, ни его вклад в создание нынешнего российского экономико-политического режима – не отменяет ни его ошибок, ни его взглядов, ни политических интересов, ни личной слабости. Его не стоит ни демонизировать, ни обожествлять.

– Сказать, что Ваш рассказ производит почти шоковое впечатление, значит мало что сказать. Мы ожидали, конечно, чего-то похожего, но чтобы картина оказалась столь масштабной и столь определенной и четкой по смыслу, а главное – столь убийственно выразительной по своей фактической мотивированности... Жизнь, как видно, и в самом деле куда неожиданнее и фантастичнее, чем самые смелые умозрительные предположения.

И, конечно, Вы совершенно, на наш взгляд, правы, когда утверждаете, что, размышляя о поступках и делах того или иного человека, очень важно иметь перед собою, если можно так выразиться, мировоззренческий портрет этого человека, отдавать себе отчет в том, каково его общее мировидение, общефилософское понимание ключевых вопросов: что такое человеческая жизнь, что такое человеческое общество, что такое собственно

человек, и какова цена отдельной человеческой жизни. Думается, уяснение всех этих вещей действительно первичнее и важнее всего, поскольку именно они стоят за всеми нашими поступками и, в конечном счете, определяют их общий характер. Вот и Гайдару был свойствен ведь совершенно определенный тип мировидения, и именно им определялась, как видим, уже и вся та конкретная идеология, которая лежит в основе его решений и действий и в области экономики, и в области политики, и в области демократии... Недаром создается ощущение, что сознание Егора Тимуровича было устроено таким образом, что для него в общем-то отдельный человек, – в том числе и он сам, Егор Гайдар, – значил не так уж и много, поскольку человек все-таки мал, смертен и конечен. И вот эта конечность всякой человеческой жизни, если встать на точку зрения безрелигиозного гуманизма, превращает цену этой жизни в какой-то почти ноль, когда решаются более сложные задачи – арифметически-алгебраического оперирования абстрактными множествами целых социальных слоев, классов, а то и наций. Вряд ли, конечно, Гайдар был таким уж рьяным и философски-сознательно рефлекслирующим атеистом (скорее всего, он над такими вещами даже не задумывался), и все же создается ощущение, что все вещество его сознания было устроено именно таким образом...

27. Факторы общественной эволюции

– В этой связи я хотел бы еще раз вернуться к теме детерминант общественной эволюции, которую мы затрагивали в первой части нашего разговора. Два десятилетия назад в нашей стране была господствующей, а в настоящее время по-прежнему остается весьма распространенной концепция, согласно которой ведущим фактором общественной эволюции является экономика. Согласно этому подходу экономические преобразования предопределяют в общественных изменениях если не все, то очень многое. Поэтому первоочередной практической задачей при переходе от тоталитарного общества к свободному считалось создание “нормальной” рыночной экономики. Если удастся этого добиться, то, пусть не сразу, но со временем смогут измениться и все остальные компоненты общества, способные, в конечном счете, привести его в качественно новое состояние. Многих из нас так по-марксистски и учили: “надо найти звено, потянув за которое, можно вытащить всю цепь”. Это звено называлось “экономика”, и оно должно было вытащить за собой все остальные сферы общественной жизни. Опыт посткоммунистической трансформации последних двух десятилетий, как в нашей стране, так и в других странах показал, как минимум, ограниченную пригодность этой концепции.

В последнее время стал весьма популярным другой взгляд на историческую эволюцию, согласно которому ключевые элементы общественной структуры – институты и культура, однажды возникнув и закрепившись в том или ином обществе, затем сохраняют свою устойчивость в течение длительного времени. В приложении к истории нашей страны элементами такого институционально-культурного “вечного проклятия” часто называются коррупция, авторитаризм, деспотизм, рабство, бесправие. В качестве причин, когда-то создавших и с тех пор стабильно воспроизводящих это “проклятие”, называются такие факторы, как: бескрайние просторы, холодный климат, низкая плотность населения, монголо-татарское иго и т. п.

В разных вариантах элементы этой концепции можно увидеть в работах весьма различных авторов – от Р.Пайпса до А.Паршева. По мнению одного из наиболее известных специалистов по российской истории Ричарда Пайпса, русским в принципе чужды ценности свободы и демократии, им имманентно присущи имперскость и холопство, они всегда были угнетателями Европы и обречены оставаться такими навсегда. В чем-то близкую концепцию предопределенности развития нашей страны “постоянным отставанием России от передовых западных стран на 50-60 лет” выдвинул в ряде публикаций и выступлений Егор Гайдар¹⁷⁴. По-своему, не обвиняя, а ужасаясь этому, такие взгляды, как мне кажется, отстаивает сейчас Юрий Николаевич Афанасьев.

– Вы не правы, Юрий Николаевич Афанасьев придерживается вовсе не такой позиции. Весь смысл его последних статей заключается как раз в том, что надо вырваться из дурных традиций нашей истории.

– В тех случаях, когда Юрий Николаевич говорит, что “надо вырваться”, я полностью разделяю его позицию.

Два десятилетия трансформации в нашей стране и других странах показали, что можно и чего нельзя достичь с помощью рыночных реформ. С их помощью можно создать рыночную (но необязательно свободную) экономику, обеспечить экономический рост, повысить благосостояние миллионов людей. Однако только рыночные реформы не могут изменить систему власти. С помощью только рыночных реформ невозможно создать или защитить политические свободы, обеспечить безопасность граждан, гарантировать правопорядок.

Еще осенью 1989 года в дискуссии с А.Некричем на страницах “Московских новостей” Гайдар зафиксировал разницу между правозащитно-демократическим и номенклатурно-бюрократическим подходами к начатой М.С.Горбачевым трансформации СССР. Некрич полагал, что “если перестройка действительно является революцией, а не косметическим ремонтом фасада, то она должна вести к революционным принципиальным изменениям в структурах “реального социализма”. Это азбучная истина, что революция означает изменение характера власти и характера собственности”¹⁷⁵. В своем ответе Е.Гайдар холодно заметил, что создание рыночной экономики не предусматривает изменений ни власти, ни собственности: “рынок не дает однозначного ответа на вопрос: кто должен присваивать результаты производства – он может обслуживать самые разные социальные структуры. Все зависит от распределения собственности и власти”¹⁷⁶.

Через два года Егор Гайдар начал рыночные реформы, не предусматривавшие изменения власти, а Анатолий Чубайс провел распределение собственности, закрепившее ее значительную часть в руках прежней коммунистической и новой бандитской номенклатуры: “В чем политическая конструкция? Политическая конструкция в том, что мы отдали собственность тем, кто был к ней ближе. Бандиты, секретари обкомов, директора заводов. Они ее и получили... Мы признавали, что приватизация дала собственность тем, кто наиболее влиятелен, что и определило ее несправедливость, но при этом мы отдали ее легитимным путем, а легитимность идет от государства”¹⁷⁷.

Неудивительно, что такого рода способы проведения как непосредственно приватизации, так и других реформ не только не помогли созданию нового правопорядка, но и разрушали, пусть и весьма несовершенный, прежний правовой порядок, подрывая существовавшее в обществе представление о справедливости: “представление о справедливости у народа мы сломали еще ваучерной приватизацией”¹⁷⁸. Слом представления о справедливости неизбежно разрушал фундаментальную основу цивилизованного общества – институт общественного доверия, прежде всего доверия к новой власти, к реформаторской команде, к принципам и идеям, с которыми они себя ассоциировали.

Поразительно даже не то, что еще осенью 1989 года Е.Гайдар считал несущественным переход к “частной собственности на средства производства” – то, что он называл тогда “новым стереотипом”. И даже не то, что еще в феврале 1990 года он боролся против расширения экономической свободы и ее законодательного закрепления, против освобождения экономики от государственного контроля, против того, чтобы союзное правительство и КПСС понесли ответственность за развязанную ими инфляцию¹⁷⁹. Поразительно то, что даже в 2006 году одна из причин краха СССР в 1991 году была обнаружена Е.Гайдаром не в природе коммунистической системы как таковой, а лишь в реализации одной из ее версий – в выборе в 1920-х годах сталинской модели индустриализации в противовес бухаринской¹⁸⁰.

Огромные изменения, произошедшие в последние десятилетия, также продемонстрировали абсолютную необоснованность утверждений о какой-либо “столетней”, “тысячелетней” или какой-либо иной “n-летней” предопределенности в национальном историческом развитии, о каком-либо пятидесяти-шестидесятилетнем (или любом другом по длительности) отставании нашей страны от стран Запада, о якобы невозможности для нашей страны “вырваться из исторической колеи”. Даже изменение положения России, например, относительно США по такому показателю, как ВВП на душу населения, в течение последней трети века происходило колоссальными скачками за очень короткие сроки – падение с 43% до 17% в 1976-1998 годах, затем рост с 17% до 30%

в 1998-2009 годах. Трудно понять, как, имея представление о таких “свингах”, можно было вообще предложить идею “заданности” сроков отставания, а, зная о динамическом изменении положения разных стран в мировой экономике, — настаивать на предопределенности какого-либо отставания в принципе.

В отсутствие таких заданности и предопределенности, естественно, возникает вопрос о том, что именно, какие факторы могут служить толчком, запускающим (останавливающим) процесс ускорения (замедления) общественной эволюции. В последние годы мы неоднократно слышали, что на роль таких факторов назначались внешние воздействия — колебания цен на нефть и зерно, мировые и региональные кризисы, резкие изменения в притоках и оттоках отечественного и зарубежного капитала. Эти факторы, наверное, играют какую-то роль. Но если они работали в одной стране и не работали в десятках других, то, видимо, суть проблемы была не в этом.

— А в чем же?

— Именно в том, о чем мы и говорим сегодня. Это мировоззрение людей в целом в обществе и, в особенности, мировоззрение тех, кто оказывается у руля государственной власти.

За исключением, возможно, совершенно экстремальных вариантов тоталитарных режимов, взгляды, господствующие в обществе, оказывают существенное влияние на мировоззрение лиц во власти. Опасность мировоззренческого разрыва между обществом и элитами на всех ступенях общественной пирамиды способна эффективно блокировать необходимые решения. Знаменитая поговорка (и отговорка) советских времен “там не поймут” работала в обоих направлениях — как “снизу вверх”, так и “сверху вниз”.

Но все же главную роль в общественной эволюции (как ее ускорения, так и замедления) играет мировоззрение политического руководства. Принимаемые решения определяются мировоззрением тех, кто оказался на вершине государственной власти, в не меньшей степени, чем воздействием внешних факторов. Взгляды и позиции лидеров могут эффективно консервировать сложившиеся обычаи, традиции, институты, культуру, препятствуя осуществлению назревших и перезревших общественных изменений. Но их мировоззрение может оказываться и источником инноваций, мотором изменений, катализатором революций, — тем самым спусковым крючком, с помощью которого общество “может вырваться из исторической колеи”.

В аналогичных и даже одних и тех же обстоятельствах люди, имеющие разные мировоззрения, придерживающиеся разных взглядов, следующие разным поведенческим кодексам, поступают по-разному. Часто можно услышать: “любой на его месте сделал бы так же”. Жизнь показывает, что это не так. Любой другой на месте Ельцина так бы не сделал. То, что сделал Ельцин, и так, как сделал Ельцин, мог сделать только Борис Ельцин. И любой другой на месте Гайдара так бы, как Гайдар, не сделал. То, что сделал, и так, как сделал Гайдар, мог сделать только Гайдар. Другой сделал бы по-другому. Григорий Явлинский, стань он во главе российских реформ, сделал бы по-другому. Борис Федоров, когда он оказался на месте Гайдара, не только мог, но и сделал по-другому. Владимир Путин, занявшийся реформами, сделал их по-своему. Будь на месте Бориса Ельцина кто-то другой — Николай Рыжков, Иван Полозков или кто-то еще, их решения были бы иными. Это означает, что роль мировоззрения, роль персонального поведенческого кодекса, роль личности, принимающей решения, и в обычной ситуации, и тем более на поворотных моментах истории, оказывается ключевой.

— С учетом того, что Вы сказали о значении мировоззрения людей, находившихся у руля государственной власти, как бы Вы оценили их вклад в то, что в первой части нашего разговора Вы назвали Большим переходом к свободе.

28. Большой переход к свободе: роль личностей

— Напомню, что Большой переход к свободному обществу подразумевал осуществление трансформации (по крайней мере, по представлениям двадцатилетней давности) в трех основных сферах: в экономике, в национально-государственном устройстве, в политической системе.

В сфере экономики процесс хозяйственной либерализации был начат М.Горбачевым с принятием в 1986-1990 годах пакета законов — об индивидуальной трудовой

деятельности, о государственном предприятии, о кооперации, о банках и банковской деятельности, а также ряда постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР, в том числе о совместных предприятиях, о переводе предприятий на хозрасчет и т. д. В то же время бюджетная политика администрации М.Горбачева вела к разрушению финансовой сбалансированности. Деятельность российских властей под руководством Б.Ельцина в 1990-1991 годах эту финансовую несбалансированность лишь усилила. Действия правительства Е.Гайдара в 1991-1992 годах, хотя и сопровождались рядом мер по экономической либерализации, привели к новому уровню финансовой дисбалансированности. Макроэкономическая стабилизация была, в конце концов, обеспечена в результате серии шагов, проведенных в 1993-1999 годах усилиями прежде всего Б.Федорова, а также А.Чубайса и Е.Примакова. Большой блок экономических реформ либерализационного и структурного характера был осуществлен в 2000-2002 годах под руководством В.Путина. В последующие годы действия администраций В.Путина и Д.Медведева привели к деградации качества экономической политики, в особенности в отношении прав частной собственности.

В сфере национально-государственного устройства радикальные меры по ликвидации внешней империи (за пределами СССР) были предприняты М.Горбачевым. Однако он оказался не готов использовать принципы неприменения силы, использовавшиеся им самим по отношению к восточно-европейским странам, в отношении союзных республик. Решительные шаги по деколонизации, приведшие к роспуску СССР, были осуществлены в 1991 году Б.Ельциным. Однако он, в свою очередь, оказался не готов использовать на практике принципы, примененные им в отношении бывших союзных республик СССР, по отношению к автономиям России. В.Путин отказался от де-юре деколонизационной идеологии и практики в отношении республик и регионов собственно России, а также всего постсоветского пространства, ряда территорий внешней империи (в Восточной Европе), некоторых клиентов бывшего СССР в Африке, Азии, Латинской Америке. Однако он существенно изменил характер имперской политики, перенес акцент с политического и идеологического контроля на использование инструментов личной унии, финансовой поддержки, информационного сопровождения, специальных мероприятий.

В сфере политической системы изменения революционного характера с радикальной политической либерализацией, освобождением политических заключенных, созданием протодемократических институтов, установлением системы прямых выборов в 1986-1990 годах были совершены М.Горбачевым. Августовская антикоммунистическая революция 1991 года, совершенная под руководством Б.Ельцина, привела к достижению максимального уровня политической свободы в нашей стране. В результате разгона парламента в 1993 году, одобрения нового текста Конституции, декабрьских парламентских выборов 1993 года сложился полудемократический режим президентской власти, просуществовавший без значительных изменений до 1997 года. Начатая в 1998 году эрозия гражданских свобод и политических прав резко ускорила с осени 1999 года в результате действий В.Путина и его коллег. К 2004 году основные институты частично свободной полудемократической системы были разгромлены, и в стране был установлен авторитарный политический режим.

Следует заметить, что в деятельности каждого из указанных российских лидеров можно выделить, как минимум, два этапа. На первом этапе работы хотя бы по одному из направлений общественной жизни проводились меры по ее либерализации. Однако на втором этапе сфера либерализационных мероприятий существенно сужалась, затем они полностью прекращались, начиналась реставрация прежних подходов, завершавшаяся деградацией.

На фоне своих предшественников деятельность Д.Медведева отличается принципиальным отсутствием этапа либерализационной деятельности в какой бы то ни было сфере и переходом сразу же к стадии деградации.

— Какие, по-вашему, ошибки были сделаны в процессе реформирования страны с точки зрения приоритетов этого реформирования

— Практика последних двадцати лет показала, что с точки зрения критериев свободного общества приоритеты общего реформирования были, судя по всему, расставлены неверно. Несмотря на всю необходимость осуществления экономических реформ, концентрация усилий власти, внимания общества и экспертов именно на них была,

очевидно, ошибочной. Такой подход, конечно, не был ошибочным с точки зрения интересов политического режима — как позднесоветского, так и нового российского, пытавшихся с помощью экономических реформ и создания более эффективного экономического механизма обеспечить себе политическое выживание и успешную адаптацию к новым условиям внешней и внутренней жизни. Такой подход был отчасти и неизбежным, потому что постоянные неудачи экономического реформирования не позволяли ни обществу, ни властям сосредоточиться на других, не менее важных, темах. Однако при всей значимости экономических реформ, очевидно, все же не они являются определяющими для долгосрочного успеха страны.

— А что является?

29. Власть и граждане

— Главное все же заключалось и по-прежнему заключается в необходимости успешной политической трансформации. Лишь политические реформы способны создать политическую систему свободного общества, обеспечивающую как максимальный уровень безопасности для граждан и их собственности, так и наилучшие условия для постоянной и естественной эволюции всего общественного организма.

Долгосрочный успех страны обеспечивается не просто разовыми, пусть и весьма радикальными и масштабными, преобразованиями в экономике, социальной сфере, здравоохранении, образовании или любой другой области. Наилучшим образом успех достигается не с помощью скачков — от кризиса к краху, от многолетнего застоя к реформе, от одной реформы к другой, от революции к контрреволюции, а с помощью политических институтов, способных обеспечить необходимые преобразования путем непрерывной эволюции. Стратегическая задача заключается в создании институционального механизма, при котором был бы снижен и, в конечном счете, ликвидирован спрос как на “великие реформы” (“великие переломы”), так и на невероятные усилия сверхъестественных героев-богатырей, народной молвой и специальной пропагандой наделяемых необычными взглядами, особыми силами и специальными полномочиями, “спасающих страну” от фиктивных и реальных напастей, преодолевающих непреодолимые обстоятельства, героически ломающих сопротивление разнообразных “отсталых”, “консервативных”, “реакционных” классов, групп, партий.

Такой политический механизм в нашей стране не был создан. Даже обсуждение необходимости создания такого механизма пока по сути дела не начиналось. Сколько-нибудь серьезных предложений на эту тему также не было сделано. Хотя время от времени высказывались отдельные идеи, но постоянной систематической работы в этом направлении обществом не велось. В отличие, повторюсь, от колоссального внимания к экономическим реформам.

— А что, на Ваш взгляд, могло бы обеспечить работу такого эволюционного политического механизма?

— Одним из вариантов такого механизма могла бы стать парламентская система государственной власти. Парламентская система является, прямо скажем, далеко не идеальной, у нее немало недостатков, по эффективности в краткосрочной перспективе она, очевидно, проигрывает президентской, однако в долгосрочной перспективе представляется более устойчивой и более эффективной.

Парламентская система предполагает гораздо более постоянную и более кропотливую работу большого количества специалистов, а не только относительно небольших групп экспертов, приближенных к исполнительной власти. Парламентская система невозможна без массовой работы политических партий, профсоюзов, общественных ассоциаций, средств массовой информации, она требует включения в процесс обсуждения, подготовки и принятия политических решений большого числа участников. Парламентская система способствует достижению большей политической и психологической приемлемости предлагаемых решений для многих членов общества.

Какими бы правильными, разумными, необходимыми ни казались или ни были на самом деле реформы, проводимые узкими группами — реформистской частью исполнительной власти, привлеченными властью экспертными группами, ими совместно, — такого рода реформы могут так и остаться чужими для значительной части граждан. Оставаясь

чужеродными, они затем могут быть отторгнуты обществом, несмотря на свою кажущуюся эффективность в узкотехническом смысле. Лишь когда в политическом процессе участвует само общество, все его заинтересованные граждане, лишь тогда принимаемые решения становятся более органичными для общества, они приобретают большую устойчивость и меньшую отторгаемость.

Даже если многие реформы прошедшего двадцатилетия кажутся необходимыми, номенклатурно-бюрократический способ их проведения значительно увеличил риск их отторжения обществом. Если такой способ их осуществления мог еще рассматриваться в качестве приемлемого при проведении реформ Петра I, Екатерины II, Александра I, Александра II, П.Столыпина, то в настоящее время он выглядит явным анахронизмом.

Частный пример из современной жизни это лишь подтверждает. Не так давно компания РЖД на линии Москва – Петербург запустила новый скоростной поезд “Сапсан”. Содержательно решение выглядело весьма привлекательно – современный поезд, построенный в Германии, курсирующий с высокой скоростью между двумя столицами. Однако нововведение было внедрено таким бюрократическим способом, что были нарушены права многих людей. Ряд ранее действовавших электричек был отменен, расписание изменено, время ожидания проезда и прохода через железнодорожные пути увеличено, огромное количество людей, живущих в Московской, Тверской, Новгородской, Ленинградской областях, лишилось своих традиционных прав за счет тех, кто теперь проносится мимо них на скоростных поездах. Реакцией на новинку стало движение современных луддитов, обстреливающих поезда “Сапсан” булыжниками, ледяными глыбами, подкладываящих на рельсы камни и т. п. Так внедрение суперсовременной техники, казалось бы, расширяющей права и увеличивающей благосостояние одних граждан, сокращает права, уменьшает благосостояние, вызывает отторжение и ненависть других. Получилась готовая иллюстрация к популярной ныне идее технико-экономической модернизации, сопровождаемой общественно-правовой деградацией.

Парламентская система, повторюсь, не является идеальной. Однако она запускает процесс максимального вовлечения в обсуждение и принятие решений различных политических сил. В том числе и тех, кто предлагает альтернативы, оппонирует предлагаемым вариантам, отстаивает консервативные взгляды. Парламентская система включает мощные механизмы обсуждения и достижения компромиссов, союзов, сделок, договоренностей, способствует формированию национальных консенсусов по принятию тех или иных решений.

Двадцатилетний опыт перехода от коммунизма показал, что в среднесрочной перспективе наиболее успешными оказались страны, имевшие (создавшие) парламентскую систему государственной власти. В странах с президентской системой на коротких промежутках могли проводиться весьма успешные реформы, приносящие впечатляющие результаты. Однако часто они оказывались неустойчивыми, а при смене первого лица (что рано или поздно неизбежно) или даже лишь при изменении его взглядов эти реформы оставались без необходимого институционального подкрепления.

– Мы можем только совершенно согласиться с Вами, что самый главный вопрос реформирования страны даже не был, в сущности, поставлен. То есть не была осознана центральная проблема российской истории – проблема действительного преобразования страны в иную социально-политическую реальность. Ничего не было сделано, чтобы уменьшить наш постоянный разрыв между властью и народом, совершенно не вовлеченным даже в те новации, которые порою пытается осуществить сама власть. А она вынуждена идти на такие новации хотя бы уже потому, что ей необходимо преодолеть отставание от Запада, поскольку такое отставание угрожает существованию страны, а значит – и безопасности самой власти. Но никакая модернизация не может быть действительно радикальной и действительно вывести из алгоритма инерции, если в дело преодоления этой инерции не будет включено само общество. Несомненно, что именно это с самого начала и предопределило неуспех реформ, поскольку любые реформы заранее обречены, если приоритетом не взято участие в них народа. Кстати, осознание необходимости решения, прежде всего, именно этой проблемы для преодоления хронического отставания России – отнюдь не какая-то новость: проблема эта в истории российской общественной мысли давно уже поставлена, в частности, очень

много сказано на эту тему и у того самого Ивана Ильина, приверженность взглядам которого так охотно и явно демонстрируют нынешние власти. Ильин (если брать его мысль в ее сути) считал, что путь от коммунизма к демократии неизбежно должен будет включить в себя какой-то период авторитарной власти, что коммунистический тоталитаризм просто по природе своей не может сразу переродиться в демократию. Но в том-то и дело, что задачу авторитарной власти в этот переходный период Ильин как раз и видел, прежде всего, именно в том, чтобы заложить фундамент гражданского общества, создать инструменты демократии. Создать, воспитать демократию – вот в чем, по Ильину, главная задача посткоммунистической власти. Однако за весь более уже чем двадцатилетний период постсоветской истории России именно эта-то главная задача как раз и не ставилась по-настоящему никогда и никем. Разве что – в 1989-1991 годах, в горбачевскую пору, да и то, пожалуй, это происходило скорее стихийно...

– Горбачев, начавший процесс реальной, хотя и ограниченной, демократизации, совершил, очевидно, самый важный – первый – шаг на пути к свободному обществу в нашей стране. В этом, несомненно, был элемент сознательного решения со стороны реформистской части руководства КПСС – в лице самого М.С.Горбачева, А.Н.Яковлева, их коллег. Для авторов этого решения в нем заключалась немалая опасность, поскольку в политический процесс неизбежно включались силы, какие реформаторами из КПСС не могли контролироваться и чьи взгляды, представления и цели существенно отличались от целей Горбачева и его команды. Столкновение интересов было неизбежно, так что развивавшийся процесс демократизации довольно быстро превратил в своего врага союзное руководство, инициировавшее этот процесс. Конфликт приобрел особый драматизм, когда власти, уже утратив демократические ресурсы для решения проявившихся конфликтов, попытались использовать вооруженную силу – “последний довод королей” – против политических сил, которые сами же и разбудили. Прежде всего – против национально-освободительных движений в республиках и демократического движения в самой России. В тоталитарных и авторитарных обществах руководство, начинающее процесс политической демократизации, нередко оказывается и его же первой жертвой.

30. Носители свободы

Наряду с реформами в сферах экономики, политической системы, национально-государственного устройства страны, следует отметить еще одну область, внимание к которой в прошедшие годы, с моей точки зрения, было явно недостаточным, – это правовые реформы. Без существенного прогресса в этой сфере успех по продвижению к свободному обществу недостижим. Российская ситуация также осложняется тем, что даже крайне несовершенный правовой режим, унаследованный от советской эпохи, в последние годы оказался во многом разрушенным, в том числе и в результате того, какие реформы и как именно проводились.

Правовые реформы оказались во многом на периферии внимания и власти, и общества. Хотя по частным вопросам – проекту Конституции, судам, адвокатуры, пенитенциарной системе – время от времени происходили важные дискуссии, суть проблемы все же серьезно не затрагивалась. Корневая проблема заключается в том, что правовое сознание свободного общества, утверждающее приоритетность индивидуальных прав и свобод, необходимость их защиты всеми возможными ресурсами – и самого индивидуума, и общества, и государства, – в стране существует лишь в зачаточном состоянии. Обсуждение необходимости создания и укрепления этого фундамента свободного общества было заменено и подменено обсуждением достаточно важных, но все же, по сравнению с этим, второстепенных вопросов – финансовой стабилизации, приватизации, экономического роста, монетизации социального обеспечения, геополитической катастрофы, удовлетворения чувства национальной гордости, модернизации и т. п. Строго говоря, каждый из этих, а также других достойных общественного внимания вопросов вполне мог и должен был бы обсуждаться не только и не столько с точки зрения их узко технической эффективности, сколько с точки зрения соблюдения расширения и защиты прав и свобод российского гражданина. Однако ничего подобного у нас пока не было.

Зачаточное состояние правосознания свободного общества затрудняет формирование устойчивого правопорядка, отсутствие которого, в свою очередь, блокирует переход к демократической политической системе. Без укорененного правового сознания в обществе в целом, принципы которого разделяются различными политическими силами, без гарантии следования базовым правовым принципам если не всех, то хотя бы большинства субъектов политического процесса, успех демократизации невозможен. Небезосновательные опасения различных политических сил, связанные с переходом к демократии, касаются возможных последствий победы их оппонентов, которая может быть использована против проигравших с целью их политического или даже физического уничтожения.

Изменение культурных стереотипов, воспитание правового сознания свободного общества – это отдельная задача, требующая особых усилий. Такая задача вряд ли может быть решена за год или за два. Да и готовых рецептов по ее решению тоже нет. Можно сказать лишь одно: если уж для чего-то и можно пытаться оправдывать временное существование режима так называемого просвещенного (правового) авторитаризма, то, пожалуй, лишь для периода обучения, распространения, укоренения в обществе правового сознания, необходимого для будущего свободного общества.

Историческая эволюция ряда европейских стран к демократии современного типа проходила через промежуточную стадию просвещенного абсолютизма XVIII – начала XIX века: в Пруссии Фридриха II, в Австрии Марии-Терезии и Иосифа II, в Скандинавии, Испании, Португалии, Неаполитанском королевстве. Политические режимы того времени не были демократическими. Однако в них были проведены реформы, заложившие основы правопорядка, создавшие базу правовых государств. Переход от неограниченного абсолютизма к просвещенному абсолютизму, ограниченному правовыми рамками, с формированием авторитарных, но правовых государств, был, судя по всему, необходимой стадией для будущего успеха демократизации, произошедшей в этих странах столетие с лишним спустя.

Встречающееся в современной литературе противопоставление западного, в том числе англо-саксонского, варианта демократического капитализма восточному варианту авторитарного капитализма (в качестве примера обычно используется сингапурская модель Ли Куан Ю) является отчасти обоснованным, но отчасти и искусственным. Западные демократии заметно отличаются от авторитарной системы Сингапура по характеру политического режима. Однако и те, и другая относятся к тому же типу правовой системы, характеризуемой и на Западе, и на Востоке как система верховенства права, правового порядка.

В России задача создания правопорядка, правового государства в качестве важнейшей цели общественной трансформации не была сформулирована ни реформаторской частью КПСС, ни новыми российскими властями, ни командой экономических реформаторов. Неудивительно, что она не была решена и в практическом плане.

Возможно, первая попытка создать прототип правовой среды свободного общества была предпринята три года назад путем формирования Национальной Ассамблеи. Конечно, нынешняя Национальная Ассамблея далека от правового идеала, она не является ни органом, представляющим большинство граждан страны, ни дискуссионной площадкой, оказывающей значительное воздействие на формирование влиятельных позиций в обществе. Тем не менее, она стала, кажется, первой в тысячелетней истории России попыткой заключения правового контракта между силами, придерживающимися различных политических и идеологических взглядов, – пакта, заключенного не по предложению власти, не под ее давлением, не в результате подкупа с ее стороны, а в результате добровольного соглашения представителей разных общественных сил.

– Кто, какие люди, какие силы, с Вашей точки зрения, могут создать будущее свободное российское общество?

– Почему у нас не получился переход к свободному обществу, казавшийся осенью 1991 года столь реалистичным, столь возможным, столь многообещающим? Почему у нас не получилось так, как, например, получилось в Польше, Чехии, Эстонии, Литве, Грузии, многих других посткоммунистических странах?

Можно, конечно, сказать, что парламентские системы, сыгравшие большую роль, например, в Польше и Чехии, сложились в этих странах еще до Второй мировой войны и

советской оккупации, и потому этим странам было легче возвращаться к своим историческим истокам и восстанавливать действовавшие ранее политические модели. Отчасти это так. Но в той же Польше, например, в межвоенный период в течение длительного времени существовал вполне авторитарный режим Ю.Пилсудского. Однако после крушения коммунизма поляки восстановили не авторитарный президентский режим, а парламентскую демократию. Республики Балтии большую часть 1930-х годов также были авторитарными государствами. Конечно, те режимы были гораздо свободнее, чем тоталитарный Советский Союз, но монополизация власти в них тогда была все же весьма высокой. Тем не менее, все балтийские государства после восстановления независимости, в отличие от России, пришли к парламентской системе. Почему?

Если политически свободные сегодня Польша, Чехия, Венгрия, даже Болгария, Румыния, Хорватия, Сербия, даже Монголия и Албания — это страны, не входившие в Советский Союз и потому имеющие иную историческую традицию, то республики Балтии провели под одной политической и правовой крышей с Россией не менее двух последних столетий, лишь с коротким двадцатилетним перерывом в межвоенное время. А у Грузии перерыв оказался еще короче: он был всего лишь трехлетним. Тем не менее, все эти страны сегодня политически несопоставимо свободнее, чем нынешняя Россия. Почему? Почему у нас не получилось так, как получилось у других? Почему с точки зрения политического устройства Россия, с одной стороны, и многие посткоммунистические страны, с другой, пошли разными путями?

Мне кажется, что, наряду с факторами, традиционно называемыми в таких случаях (длительность коммунистического эксперимента, масштабы репрессий, конфессиональные различия, принадлежность к национальному ядру империи, “удаленность от Лондона и Брюсселя”, наличие нефти и газа), есть и еще один фактор. Это мировоззрение лиц, пришедших к государственной власти в результате политических революций.

Практически во всех странах, в конце концов ставших политически свободными, у руля государственной власти раньше или позже оказывались те, кто не принадлежал властной номенклатуре в коммунистическом режиме, кто был его последовательным противником в течение длительного времени, кто боролся против режима и им преследовался. Например, такие люди, как Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Яцек Куронь, Лешек Бальцеревич, Вацлав Гавел, Вацлав Клаус, Март Лаар, Марью Лауристин. Многие из них, хотя и не все, были диссидентами. Коммунистический режим был для них неприемлем во всех своих проявлениях — не только в экономике, но и в политике, в судебной, правовой сфере. Задача совершенствования, улучшения, исправления существовавшей политической и правовой системы являлась для них абсолютно невыполнимой, в то время как цель полной замены прежнего политического режима не подлежала сомнению. Диссиденты не нуждались в разработке специальной программы политических реформ. Главное ее содержание — демонтаж тоталитарной политической системы, создание правового порядка — они несли с собой. Это первое.

Во-вторых, диссиденты и правозащитники, как и некоторые другие аутсайдеры коммунистического режима, уже сами по себе были носителями свободы, готовыми протоэлементами политической, правовой, моральной системы будущего свободного общества. В подавляющем большинстве это были люди с высокими нравственными требованиями, прежде всего к самим себе. А, следовательно, и к поведению власти, в том числе и той, в которой они сами оказались. Ни во время, предшествовавшее их приходу к власти, ни в период, когда они находились у ее руля, ни тогда, когда они из власти ушли, в большинстве своем они не оказались вовлеченными в какие-либо коррупционные сделки и скандалы. Иными словами, диссиденты уже сами собой представляли моральный императив, демонстрировали целостный кодекс поведения, какой им во многом удалось распространить и на реформируемые и создаваемые ими государственные институты.

В отличие от них, в России государственная власть осталась в руках представителей прежней государственной номенклатуры. С тем только отличием, что ее ортодоксальную, консервативную, в целом менее образованную и менее коррумпированную часть заменила ее реформистская, более грамотная, более продвинутая и более

коррупцированная фракция. Многие представители последней оказались весьма незаурядными людьми.

Борис Николаевич Ельцин был, вне всякого сомнения, выдающимся представителем когорты партийных руководителей. Среди тогдашних секретарей обкомов никого, подобного ему, не оказалось. Даже те, кто был затем рекрутирован им самим в систему новой российской власти, показали, насколько они оказались несопоставимыми с ним по масштабу личности.

Егор Тимурович Гайдар оказался самой яркой звездой номенклатурного экспертного и научного сообщества, работавшего во власти и на власть.

По своему интеллектуальному запасу, по эрудиции, по кругозору он оказался выше любого другого его представителя.

Владимир Владимирович Путин проявил себя как один из наиболее талантливых выходцев из советских спецслужб — с редкими личными качествами, готовностью и умением быстро учиться, способностью принимать нестандартные решения и добиваться их исполнения.

Но каждый из них — и Борис Ельцин, и Егор Гайдар, и Владимир Путин — в свое время были нерядовыми членами КПСС, организации, являвшейся ядром тоталитарного режима, а В.Путин был еще и сотрудником КГБ. Каждый из них поработал на укрепление этого режима на далеко не последних постах. Все они были и остаются — талантливыми, способными, выдающимися, — но представителями прежней советской номенклатуры. Все они по своему мировоззрению принципиально отличались и отличаются от Леха Валенсы, Вацлава Гавела, Марта Лаара, Михаила Саакашвили. Лидеры российской трансформации не были ни диссидентами, ни даже аутсайдерами прежней государственной системы. Они не смогли, да, похоже, и не стремились осуществить ее полный демонтаж.

Главное отличие российского перехода последних двух десятков лет от аналогов в странах, ставших политически свободными, — в отсутствии в государственной власти в нашей стране наиболее последовательных противников тоталитарного политического режима — диссидентов и правозащитников — людей, своей деятельностью и своим поведением способных заложить основы свободного общества в нашей стране.

И потому главная причина неудачи российского Большого перехода к свободе заключается, очевидно, в незавершённости, а точнее — в несовершенности настоящей политической и нравственной революции в России.

Сноски

1 Структура импорта продовольствия в Россию в 1991—1992 гг.:

<http://aillarionov.livejournal.com/282110.html>.

2 “В свое время он [Хасбулатов. — А. И.] поддержал наш проект либерализации цен”. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 171.

3 Б. Ельцин: “Реформа пойдет по ряду направлений одновременно, комплексно и динамично. Первое направление — экономическая стабилизация... Самая болезненная мера — разовое размораживание цен в текущем году. Без нее разговоры о реформах, о рынке — пустая болтовня. За последние годы все это уже поняли, но никто не решался пойти на этот тяжелый шаг. Отсюда бесконечные компромиссы, проложившие дорогу хозяйственному хаосу... Среди них, как я уже сказал, наиболее тяжелая — это либерализация цен. Ни один чиновник не придумает справедливые цены, которые стали бы реальным измерителем труда. Опыт мировой цивилизации говорит, что решить эту проблему может только рынок. Либерализация цен у нас идет, но стихийно. Это порождает много противоречий, несообразностей и лазейку для коррупции и взяток. Все сложнее купить товары, на которые установлены жесткие цены. Не помогают нормирование, карточки и талоны. Те же самые талоны, попадая на черный рынок, стоят все дороже и дороже. Выход из этого противостояния находили в так называемых договорных, кооперативных ценах и так далее. Но это вновь породило массу злоупотреблений, преступлений, от которых страдает сегодня почти каждый гражданин России. Такой подход дезорганизует производство, вызывает огромные потери важнейших товаров массового спроса. Свободные цены должны быть инструментом роста

производства, что поставит предел росту цен. Кроме того, Россия является традиционным поставщиком сырьевых ресурсов в другие республики. В условиях ценовой неразберихи мы оказываемся в крайне невыгодном положении (теряем в год 33 миллиарда рублей). Цены на сырье до сих пор фиксированы. Но продукция, которая производится из нашего сырья, возвращается к нам все чаще по другим ценам. Торгуем себе в убыток. Мириться с таким положением больше нельзя. Ряд суверенных государств бывшего Союза уже продвинулись по пути либерализации цен. И российские фиксированные цены оказались для них сверхпривлекательными... В последнее время идет буквально рублевая интервенция в Россию, где покупают товары, а взамен оставляют “деревянные” рубли, тем самым увеличивая и без того огромный разрыв между денежной и товарной массой. Я призываю всех граждан России понять: разовый переход к рыночным ценам – тяжелая, вынужденная, но необходимая мера. Таким путем прошли многие государства... Если не провести либерализацию цен организованно, под строгим контролем, она будет идти стихийно, уродливо и потери будут неизмеримо выше... Правдами и неправдами устанавливается завышенная цена на товар, что заставляет потребителя платить втридорога. В то же время имеется немало монополистов поневоле. Предприятие нередко удерживает в концерне-монополисте всеобщий дефицит. Либерализация цен все поставит на место”. – РСФСР. Съезд народных депутатов (5; 1991). Стенографический отчет. Т. 2. Москва, 1992 года С. 4-29.

4 Указ Президента РСФСР № 297 от 3 декабря 1991 г. “О мерах по либерализации цен”: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10466.htm>.

5 Постановление правительства о мерах по либерализации цен №55 от 19 декабря 1991 г.: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10257.htm>.

6 “Суть этого варианта состоит в последовательной, начиная с июля, либерализации всех цен с тем, чтобы к началу 1992 года сохранить фиксированные и регулируемые цены лишь на ограниченный перечень топливно-сырьевых ресурсов, тарифы на массовые перевозки грузов, а розничные цены – на товары, составляющие основу потребительского бюджета”. – В.Дурасов (заместитель министра экономики СССР) в Кабинет министров СССР. Материал о комплексе осуществляемых и планируемых мер по стабилизации экономики СССР и прогноз ее развития в 1991 году. 20 июня 1991года. – Цит. по: Гайдар Е. Гибель империи. М., 2006. С. 344.

7 “На втором этапе (после 1 декабря 1991 г.) осуществляется переход к преимущественно свободному ценообразованию с включением нового механизма формирования фондов оплаты труда”... – Первый заместитель Председателя Кабинета министров СССР В. Щербаков – в Совет Федерации СССР (16 августа 1991г.). – Цит. по: Гайдар Е. Гибель империи. С. 382.

8 Приложение №2 к Указу Президента РСФСР № 297 от 3 декабря 1991 г. “О мерах по либерализации цен”. ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ, НА КОТОРЫЕ ПРИМЕНЯЮТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕГУЛИРУЕМЫЕ ЦЕНЫ (ТАРИФЫ):

Некоторые виды хлеба (из муки пшеничной первого и второго сорта и ржаной)

Молоко, кефир, творог обезжиренный

Основные виды детского питания, включая пищевые концентраты

Соль поваренная пищевая, реализуемая населению

Сахар

Масло растительное

<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10466.htm>.

9 “Как следовало ожидать, наиболее серьезные проблемы обозначились с теми продуктами, цены на которые оставались под централизованным контролем, – хлебом, водкой, молоком, подсолнечным маслом, сахаром. Выработать единый порядок их дотирования, который бы устраивал все регионы, не только трудно, но, пожалуй, невозможно. В начале января подписываю распоряжение о передаче решений по контролю большей части этих цен на места. В зависимости от конкретных условий предоставляем право местным властям отказываться от дотирования, давая импульс рыночному ценообразованию, что позволит быстрее расстаться с дефицитом, ликвидировать очереди”. – Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 157.

10 Приложение №2 к постановлению правительства “Об ограничении вывоза товаров народного потребления” №88 от 29 декабря 1991 года. Нормы вывоза гражданами продуктов питания за пределы Российской Федерации (в расчете на одно лицо):

Хлебобулочные изделия — 1 кг

Колбасные изделия — 0,5 кг

Масло животное — 0,5 кг

Маргарин — 1 пачка

Яйца — 10 штук

Рыбные консервы — 2 банки

Конфеты и карамель — 0,5 кг

Чай — 1 пачка

Алкогольные напитки — 1 бутылка

Табачные изделия — 4 пачки

Сахар — 0,5 кг

Кофе и кофейные напитки — 1 банка

<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10069.htm>.

11 В. Геращенко: “В ряде регионов страны снабжение населения отдельными продуктами питания осуществляется по талонам — сахаром, мясом, маслом сливочным и растительным, чаем, крупой, макаронными изделиями... Положение на внутреннем рынке в 1990 г. резко обострилось не только из-за высоких темпов роста денежных доходов населения, но и в результате изменения поведения покупателей, которые в ожидании повышения розничных цен и в связи с предложениями некоторых экономистов о проведении денежной реформы или “замораживании” средств на вкладах, стремятся любыми путями израсходовать имеющиеся деньги — создают дома запасы, производят излишние (против обычного) покупки товаров. Это усиливает напряжение на потребительском рынке”. — Цит. по: Гайдар Е. Гибель империи. С. 316-317.

12 “Сообщение о предстоящем крупном повышении цен дало мощный импульс инфляционным ожиданиям населения и предприятий. И те, и другие отреагировали в соответствии с азбукой экономической теории: энергичными попытками сократить денежные активы, обратить деньги в любые материальные ценности... Начинается стремительное, небывалое по масштабам сокращение запасов в розничной торговле... Ажиотажный спрос распространяется практически на все хранимые товары... Массовое вынужденное переключение спроса... на сравнительно легко доступные нехранимые товары (хлеб, молоко) усугубляет трудности в торговле ими... В обзоре за 1989 год (“Коммунист”, 1990, № 2) мне пришлось писать, что по-настоящему пустые полки магазинов у нас еще впереди, что ситуация радикально ухудшится, когда начнется массовое бегство от денег”. — Гайдар Е. В начале новой фазы. Экономическое обозрение. — “Коммунист”. 1991, №2, 17 февраля 1991 г.: <http://www.iet.ru/ru/v-nachale-novoi-fazy-ekonomicheskoe-obozenie.htm>.

13 Распоряжение правительства РСФСР от 27.12.91 №203 о мерах по обеспечению сырьем перерабатывающих предприятий сахарной промышленности и бесперебойного снабжения населения сахаром в I квартале 1992 г.:

<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10111.htm>.

14 Илларионов А. Норма отката — 69%: <http://aillarionov.livejournal.com/263505.html>.

15 “Познакомившись со спецификой многих контрактов, в которых цены на поставляемую продукцию необъяснимо занижались, а цены покупаемых комплектующих столь же необъяснимо завышались, нетрудно было догадаться, что все это служило прикрытием различных форм финансирования нелегальной деятельности или помощи коммунистическим партиям в зарубежных странах”. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 140.

16 Гайдар Е. Гибель империи. М., 2006. С. 187.

17 Там же. С. 188.

18 Распоряжение правительства РФ от 28.01.92 №155 о закупке и оплате покупаемого за границей сахара-сырца: <http://bestpravo.ru/fed1992/data03/tex15258.htm>.

19 Постановление правительства РСФСР от 19.12.91 №57 о чрезвычайной ситуации по обеспечению РСФСР хлебопродуктами: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10248.htm>.

20 Чешинский Л.С. — Гайдару Е.Т. Архив ЦБ. Д. 5088. 27.11.1991. Л. 169. Цит. по: Гайдар Е. Смуты и институты. С.-Пб., 2009. С. 131.

21 Распоряжение правительства РСФСР от 19.12.91 №169-Р о закупке во Франции и поставке для нужд Российской Федерации сахара, говяжьего мяса, сухого молока и детских молочных смесей: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10239.htm>.

22 "...он [А. Картунов, автор статьи об экономической помощи зарубежным странам "Щедрость или расточительство?" — "Московские новости", № 49, 3 декабря 1989 г. — А. И.] не мог не заметить того, о чем на Западе очень много пишут: существования на Кубе неких объектов для сбора электронной информации, базирования на острове наших самолетов, осуществляющих разведывательные полеты вдоль атлантического побережья США. Наверное, все это нужно для нашей безопасности. Американцы за подобные объекты в других странах платят, прямо скажем, немалые деньги в твердой валюте, разумеется". — Тарасенко С., начальник управления МИД СССР. Широко, и даже очень. — "Московские новости", 31 декабря 1989 г.

23 Соглашение между правительством СССР и правительством Республики Куба о переходе на новый механизм взаимных торгово-экономических взаимоотношений от 29 декабря 1990 г.: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex12133.htm>.

24 О финансировании содержания РЭЦ Лурдес см. протоколы о поставках российской нефти, в частности, в постановлении правительства №142 от 20 февраля 1995 г.: "Для выполнения обязательств Российской Федерации в соответствии с межправительственными соглашениями утвердить поставки нефти и нефтепродуктов... по протоколу... к Соглашению от 3 ноября 1992 года об объемах и формах компенсации Кубинской стороне Российской стороной в связи с пребыванием на территории Республики Куба РЭЦ": <http://www.pravoteka.ru/pst/731/365108.html>. См. также постановление правительства №348 от 25 марта 1996 года <http://infopravo.by.ru/fed1996/ch06/akt20276.shtm>, постановление правительства №1145 от 23 сентября 1996 г.: <http://tomsk.gov.ru/ru/documents/?document=12191>.

25 А. Нечаев: "Мы когда пришли, буквально через неделю или две обнаружили, что квот (тот, кто не знает: разрешений на вывоз нефти из страны) было выдано больше на 1992 год, чем в стране добывается нефти. Просто надо понимать, что это значило: говорят, в Советском Союзе не было коррупции, ну, не знаю, как в момент создания Советского Союза, а во время развала там все с коррупцией было очень в порядке у этих партийных деятелей. Но дело не в этом, надо просто понимать, что это было такое: внутри страны нефть стоила 50 рублей за тонну, а на мировом рынке она стоила 200 долларов за тонну, то есть, в общем, получив некое количество тонн, можно было быстро стать долларовым миллионером. И мы пришли тогда с Володей Лопухиным к Егору и сказали — "Егор, надо отменять!" И мы отменили все ранее выданные разрешения на экспорт нефти. Такие вещи делаются или с крайнего мужества, или, конечно, может быть, отчасти, от необыкновенного романтизма. Как нас не перестреляли после этого прямо на следующий день — это удивительно. Но вот такого рода решений, которые затрагивали очень конкретные интересы, иногда большого числа людей, Егор принимал каждый день, иногда десятки в день, и это были решения всегда безусловно на пользу стране, но очень часто они требовали огромного мужества": <http://kborovoi.livejournal.com/40982.html>, http://www.youtube.com/watch?v=t-lWLUF1wMc&feature=player_embedded.

26 "Мы разом и решительно перекрыли этот денежный кран... Все выданные ранее квоты и лицензии подлежали проверке и перерегистрации, для чего была создана оперативная комиссия во главе с министром топлива и энергетики Владимиром Лопухиным. Указ об этом был подписан одним из первых". — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 147.

27 Постановление правительства РСФСР от 15.11.91 №7 о регулировании поставок нефти и продуктов ее переработки за пределы РСФСР: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10619.htm>.

28 С. 1: <http://gdb.rferl.org/67044219-456F-48BC-B9F6-3A857FCEDC23.jpg>, стр. 2:

<http://gdb.rferl.org/A9C77D43-F453-4178-98D6-09F57EE85C32.jpg>.

29 <http://gdb.rferl.org/EC711B61-9E1D-4958-8487-B459DA427C00.jpg>.

30 <http://gdb.rferl.org/DCE6B47C-5EFB-421F-9890-A02427C20A30.jpg>.

31 <http://gdb.rferl.org/DCE6B47C-5EFB-421F-9890-A02427C20A30.jpg>.

32 <http://gdb.rferl.org/C4D2FBEO-34A9-412B-8F7B-F6C95F7B38F3.jpg>.

- 33 Александр Беляев о питерской карьере Путина:
<http://www.svobodanews.ru/content/article/1990526.html>.
- 34 <http://gdb.rferl.org/15CC4F08-318F-40E4-AA64-BB1C658A636D.jpg>.
- 35 <http://gdb.rferl.org/B4B76202-5FA4-4EE7-BEE0-4F371F1927C2.jpg>.
- 36 <http://gdb.rferl.org/DCB27280-08B8-4AE6-8B40-D2D647B4B8B1.jpg>.
- 37 Иванидзе В. Спасая подполковника Путина:
<http://www.svobodanews.ru/articleprintview/1983851.html>.
- 38 Кириленко А., Тимофеев Ю. Почему Марина Салье молчала о Путине 10 лет?
<http://www.svobodanews.ru/content/article/1972366.html>.
- 39 Салье М. В. Путин — “президент” коррумпированной олигархии:
<http://www.anticomprotat.org/putin/salie.html>.
- 40 Илларионов А. Что это было? <http://aillarionov.livejournal.com/279369.html>,
<http://aillarionov.livejournal.com/279653.html>.
- 41 Распоряжение правительства РСФСР от 29.11.91 №78-Р “О выделении концентрированных кормов для производственного объединения “Липецкое” по птицеводству”: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10495.htm>; Распоряжение правительства РСФСР от 05.12.91 №100-Р “О выделении концентрированных кормов для свиноводческих комплексов “Жуковский” и “Катынский””: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10429.htm>; Распоряжение “О распределении концентрированных кормов на 1 квартал 1992 г.” №192 от 23 декабря 1991 г.: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10200.htm>.
- 42 Распоряжение “О поставках продовольствия для государственных нужд в I квартале 1992 года” № 10 от 6 декабря 1991 г.:
<http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10410.htm>;
Распоряжение “О поставках продовольствия в Москву” №145 от 12 декабря 1991 г.:
<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10345.htm>;
Распоряжение “Об использовании хлебных ресурсов (О запрете перевозок хлебопродуктов)” №238 от 29 декабря 1991 г.:
<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10073.htm>.
- 43 Об угрозе “введения продразверстки” осенью 1991 года:
<http://aillarionov.livejournal.com/274648.html>; об угрозе государственного интервенционизма осенью 1991 года: <http://aillarionov.livejournal.com/274863.html>.
- 44 Постановление Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 31.08.91 №4 “О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием”:
<http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex11121.htm>.
- 45 Гайдар Е. Гибель империи. Гл. 8, §3. М., 2006. С. 412 — 413: “Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР 31 августа 1991 года принимает Постановление “О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием”. Тем, кто знает отечественную экономическую историю XX в., оно до боли напоминает реалии 1915-1921 гг. Вот несколько выдержек из этого документа: “Считать недопустимым, что в ряде мест при наличии достаточных зерновых ресурсов в хозяйствах, благоприятных экономических условий для закупки зерна сдерживается его продажа государству. <...> Ввести временно порядок, в соответствии с которым указания Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР о поставках зерна и продовольствия общесоюзным потребителям, по межреспубликанским поставкам и об отгрузке продовольствия в районы крайнего Севера являются обязательными для исполнения. Возникающие при этом вопросы взаимных расчетов рассмотреть при разработке и подписании Экономического соглашения и утверждении балансов продовольствия на 1992 год”. Прочитав этот текст, становится очевидным: у тех, кто его подписывал, нет уверенности в том, что они способны арестовать и расстрелять сотни тысяч людей, как это было сделано в 1918-1921 гг., во время продразверстки. А без воли сделать это, подобные решения не работают”: <http://lib.rus.ec/b/129836/read#r602>;
“...почитайте вот текст постановления Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР, одним из руководителей которого в конце 1991 года был Лужков, от 31.08.1991 года “О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием”. Пункт 4 этого постановления говорит о фактическом введении в стране натуральной продразверстки, экспроприации зерна у собственников. “Другое решение” проблемы

дефицита... Вот говорят: разговоры о том, что Гайдар предотвратил гражданскую войну, – якобы преувеличение. Да никакого преувеличения. Встань во главе правительства Силаев и Лужков с их идеями продрозверстки – вот и получилась бы самая настоящая гражданская война”: <http://echo.msk.ru/blog/milov/652255-echo/>;

“...я в своем посте о Егоре Гайдаре... специально привел ссылку на текст постановления Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 31.08.1991 года “О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием”, которым напрямую предлагалось ввести в стране продрозверстку в связи с угрожающими проблемами в заготовке продовольствия”: <http://echo.msk.ru/blog/milov/655820-echo/>;

“После провала путча был создан Комитет по управлению народным хозяйством СССР, который возглавил И. Силаев. Тридцать первого августа этот комитет принял постановление “О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием”, четвертый пункт которого говорил о фактическом введении в стране натуральной продрозверстки, экспроприации зерна у собственников”:

http://ej.ru/?a=note_print&id=10777.

46 Распоряжение правительства РСФСР от 18.11.91 №18 “О закупке зерна”:

<http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10593.htm>; Распоряжение правительства

РСФСР от 16.12.91 №150 “О выделении Минсельхозу РСФСР и Комитету по хлебопродуктам Министерства торговли и материально-технических ресурсов для обеспечения закупки продуктов питания, зерна и сырья для пищевой и перерабатывающей промышленности”:

<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10297.htm>; Распоряжение правительства РСФСР от 19.12.91 №169 “О закупке во Франции и поставке для нужд Российской Федерации сахара, говяжьего мяса, сухого молока и детских молочных смесей”:

<http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10239.htm>.

47 “Я помню заседание Государственного совета, где было все руководство России (помоему, 25 октября 1991 г.), когда Ельцин собрал руководство, включая Хасбулатова и Руцкого, и рассказал, что он собирается делать. Он спросил: “Есть ли кто-нибудь, кто с этим не согласен?” Ни одной руки не поднялось, было только гробовое молчание”. – Гайдар Е. Смуты и институты. Лекция:

<http://www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html>.

“Самая болезненная мера – разовое размораживание цен в текущем году...

Подготовлены конкретные меры, реализация которых начнется уже в самое ближайшее время. Среди них, как я уже сказал, наиболее тяжелая – это либерализация цен...

Свободные цены должны быть инструментом роста производства, что поставит предел росту цен... Ряд суверенных государств бывшего Союза уже продвинулись по пути либерализации цен. И российские фиксированные цены оказались для них сверхпривлекательными...

Я призываю всех граждан России понять: разовый переход к рыночным ценам – тяжелая, вынужденная, но необходимая мера”. – Ельцин Б. Речь на V Съезде народных депутатов России 28 октября 1991 г. См:

<http://aillarionov.livejournal.com/280307.html>.

48 Распоряжение правительства РСФСР от 27.12.91 №206 “О порядке выписки лесорубочных билетов лесозаготовительным предприятиям”:

<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10110.htm>.

49 Распоряжение правительства РСФСР от 11.12.91 №128 “О мерах по энергообеспечению народного хозяйства и населения РСФСР и перевозке важнейших грузов в зимний период 1991/92 года”:

<http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10365.htm>.

50 “Если к вам приходит один лоббист и просит денег, вы можете ему отказать. Если к вам приходят второй, третий, пятый лоббист, вы им тоже можете отказать. Но когда к вам приходят пятнадцатый-двадцатый, вы отказать не можете и даете им денег”.

Илларионов А. Трудный путь к свободе. Ч. 1. “Континент”, №145:

<http://iea.ru/macroeconom.php?id=25>.

51 Илларионов А. Чем Гайдар отличается от Бальцеровича, Клауса, etc.?

<http://aillarionov.livejournal.com/179370.html>.

52 См., например: Сотник А. Дефолт 98-го года был предрешен. - Московские новости, 12 августа 2003 г.: http://www.compromat.ru/page_13469.htm.

53 Альбац Е., Пауэлл Б. Черная касса страны. - Коммерсант, 21 апреля 1999 г.:

<http://kommersant.ru/doc.aspx?DocID=217230>; Олег Можайсков: на помощь

росзагранбанком ЦБ потратил \$800 млн. - Коммерсант, 3 июня 1999 г.:

<http://kommersant.ru/doc.aspx?DocslD=219479>; Васильева В. Eurobank продан не по-русски. - Коммерсант, 10 ноября 2003 г.:

<http://kommersant.ru/doc.aspx?DocslD=426497>.

54 “Депутаты обратили внимание на то, что по консолидированному мнению ВТБ и “Еврофинанса”, “в результате крайне неэффективной деятельности Eurobank значительную часть кредита, почти \$780 млн, следует считать безвозвратно утраченной для кредитора – ЦБ””. - Васильева В. Eurobank продан не по-русски. - Коммерсант, 10 ноября 2003 г.: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocslD=426497>.

55 Аудиторская проверка. - Эксперт. Юридические консультации:

http://jurists.su/pravo/2_auditorskay_proverka_5.html.

56 Russian Federation: Transactions with the Fund from May 01, 1984 to January 29, 2011:

http://www.imf.org/external/np/fin/tad/extrans1.aspx?memberKey1=819&endDate=2011%2D01%2D29&finposition_flag=YES.

57 “Решение о переводе Центральным банком РФ резервных средств в оффшорную фирму “ФИМАКО” Алексащенко считает абсолютно правильным. “Виктору Геращенко надо памятник поставить, что он спас деньги от ареста”, угроза которого возникла в 1993 г., заявил он”. Давыдова М., Кузьмичев В. Алексащенко и миллиарды “ФИМАКО”. Бывший первый зампред Центробанка загнан в угол финансовых обвинений. - Независимая газета, 18 февраля 1999 г.:

<http://www.uni-potsdam.de/u/slavistik/zarchiv/0299wc/n029h12.htm>.

58 “The Soviet Union controlled a number of banks abroad. The banks were used in foreign trade, espionage, money laundering and funding of Communist parties”. - Foreign trade of the Soviet Union. Banks:

http://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_trade_of_the_Soviet_Union#Banks.

59 “Тогда эта контора [Евробанк. – А. И.], созданная еще в 1921 году, называлась “Коммерческим банком Северной Европы” и использовалась для перекачки капиталов между финансовыми структурами советского Политбюро и французской коммунистической партии”. С.Мирский. В Париже начато расследование использования российским Центробанком средств МВФ. - Радио “Свобода”, 10 сентября 1999 г.:

<http://archive.svoboda.org/archive/crisis/corruption/1999/ll.091099-1.asp>. Ю. Пономарев,

бывший руководитель Евробанка: “После моего появления во Франции, выявления первых противоречий по вопросу кредитования приближенных к партии коммерческих организаций (таких как компания “Интерагра”, издательство “Юманитэ” и десятков других) мне предложили встретиться с главным казначеем партии, а когда я отказался, то и с главой французских коммунистов Жоржем Марше... У меня желания финансировать французскую компартию, как и любую другую партию, не было. И я стал блокировать сделки, имевшие не коммерческую, а политическую основу. Здесь были обидные потери, причем, в основном, по причине того, что обанкротившиеся в дальнейшем компании этой группы (в частности, занимавшиеся торговлей сельскохозяйственной продукцией) были слишком зависимы от контрактов с СССР. В 1989-1991 годах они потеряли свой бизнес, не по своей вине, хотя справедливости ради надо сказать, что и получили этот бизнес не по своим заслугам”. Юрий Пономарев: Лондонские банкиры должны уметь не вязать лыка. - Bankir.ru, 12 апреля 2010 г.:

<http://bankir.ru/publication/article/4865883>.

60 Альбац Е. Кому продали НТВ. Чекисты подминают под себя СМИ. - Новая газета, 2

октября 2002 г.: <http://www.novayagazeta.ru/data/2002/72/00.html>

61 “В годы СССР руководящие сотрудники совзагранбанков, бессленным представителем которых являлся Ю. Пономарев (Моснарбанк, Евробанк, опять Моснарбанк...), прямо или косвенно сотрудничали с советской разведкой... Подпись Пономарева стоит на всех главных учредительных договорах ФИМАКО, созданной им по поручению Геращенко в 1991... году. В этом году он уезжает в качестве председателя Евробанка, Париж.

Известно, что большинство документов об операциях ВЭБа с Евробанком в 1991-1993 гг. в Москве исчезло. Именно в Евробанк, Париж, Геращенко переразмещает начиная с 1993 года практически все получаемые международные кредиты, которые шли как в Евробанк напрямую, так и на счета ФИМАКО в Евробанке... Известно, что в эти годы Ю. Пономарев

подписывал документы и за ФИМАКО, и за Евробанк”. О.Овчинников. ЦБ - Центральный Банк... - Компромат. Ru, 8 ноября 2000 г.: http://www.compromat.ru/page_10394.htm.

62 Сухотина И. Сколько стоит приданое “дочек” Банка России? - Российская газета, 10 ноября 2003 г.: <http://www.rg.ru/2003/11/10/banki.html>; “Раньше они отстегивали на компании, а сейчас — на персональные имена”. Интервью Е. Альбац с В. Геращенко. - Коммерсант, 13 июля 1999 г.: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocslD= 221768>; Панфилова Ю. МВФ в ложном положении. - Коммерсант - Власть, 10 августа 1999 г.: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocslD=15796>; Яковлева Э. Оффшорная компания ФИМАКО использовалась для прокрутки предоставляемых для России займов МВФ. - Факты, 24 марта 1999 г.: <http://www.pressaarchive.ru/index.php?menu=75341&year=1999&docdate=1999-03-24&docid=1156533200>.

63 “Чем меньше мы будем говорить о ФИМАКО, — сказал Геращенко, — тем лучше будет для страны”. Степашин поддержал его: “Да, я это уже понял, когда был в США”. Орлов Д. Последний магнат империи. - Новое время, №29, 2001 г.: <http://www.d-orlov.ru/book.php?num=9>; “В. Геращенко... также обвинил Генпрокуратуру в распространении сведений о компании ФИМАКО. В. Геращенко заявил, что сведения подобного характера являются коммерческой тайной и не должны появляться в широкой печати”. - Глава Центробанка РФ В.Геращенко заявил, что компания ФИМАКО создана с ведома ЦБ РФ. - Росбизнесконсалтинг, 5 февраля 1999 г.: http://my.online.ru/money/news/99/02/05_219.htm; “Председатель ЦБ Виктор Геращенко заявил в Госдуме: что шуметь с трибуны? Какая вам разница, каким образом Центральный банк оказывает поддержку Eurobank, это вообще вопрос “философский””. - Сухотина И. Сколько стоит приданое “дочек” Банка России? - Российская газета, 10 ноября 2003 г.: <http://www.rg.ru/2003/11/10/banki.html>.

64 Постановление ВС РФ от 22.05.92 № 2815-1 “О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития”: <http://www.bestpravo.ru/fed1992/data02/tex13676.htm>.

65 “Раньше они отстегивали на компании, а сейчас — на персональные имена”. Интервью Е. Альбац с В. Геращенко. - Коммерсант, 13 июля 1999 г.: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocslD=221768>.

66 В. Геращенко: “Что касается 1993 года, то мы тогда действительно внесли предложение: появилась возможность скупить некоторые наши старые обязательства по вполне приличной цене. Естественно, частично средства были и у самого Внешэкономбанка, и у Внешторгбанка, но, конечно, требовалось получить на это “добро”. К тому же надо было получить разрешение поддержать их ликвидностью за счет средств, которые есть у взрослого дяди — у ЦБ. Поэтому я писал это письмо Черномырдину — чтобы никто потом не говорил, что кто-то там вслепую этими операциями занимается. Операции эти, естественно, конфиденциальные”. “Раньше они отстегивали на компании, а сейчас - на персональные имена” Интервью Е.Альбац с В.Геращенко. - Коммерсант, 13 июля 1999 г.: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocslD=221768>.

67 Альбац Е., Пауэлл Б. Черная касса страны. - Коммерсант, 21 апреля 1999 г.: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocslD= 217230>.

68 Гайдар Е. Гибель империи. Глава 8: “На фоне нарастающих валютных трудностей Советского Союза в кризисную ситуацию попадают советские банки, работающие за рубежом. А. Бутин, исполняющий обязанности финансового директора Моснарбанка — в Правительство Российской Федерации: “Трудности в привлечении средств с межбанковского рынка Моснарбанк начал испытывать с середины 1990 года. Банк также был вынужден создавать в крупных размерах страховые резервы против задолженности бывших соцстран (Болгарии, Венгрии, Югославии). В этот же период он был взят Банком Англии под особый контроль. <...> В 1991 году положение банка резко ухудшилось. Отток депозитов достиг сначала 40%, а затем и 75%. Продажа активов не могла в достаточной сумме и в короткие сроки решить проблему”.

К концу 1991 года банкротство советской зарубежной банковской системы становится очевидной и почти неотвратимой угрозой. Представители коммерческих банков СССР за

рубежом — Б. Ельцину (декабрь 1991 г.): “Сеть коммерческих банков за рубежом включает в себя банки в Австрии — Донау-банк, Великобритании — Московский народный банк (основан в 1915 г.), Германии — Ост-Вест Хандельсбанк, Люксембурге — Ист-Вест Юнайтед банк и во Франции — Коммерческий банк для Северной Европы (Евробанк) (основан в 1921 г.). Эти коммерческие банки имеют отделения в Сингапуре и в Берлине, а также целый ряд дочерних лизинговых, консультационных, торговых и других специализированных фирм как на территории России, так и за границей. Совокупный баланс всех вышеуказанных банков составляет 9,7 млрд долл. США. <...> Возникает риск ареста кредиторами Внешэкономбанка СССР денежных средств, размещаемых им в иностранных банках, в том числе в наших зарубежных банках. Эти и другие факторы, в частности, острая нехватка ресурсов в некоторых из зарубежных банков, обострившаяся в связи с неплатежами СССР, делают реальной перспективу официального банкротства этих банков. <...> Банкротство банков обязательно повлекло бы за собой цепь банкротств других зарубежных коммерческих организаций, обслуживаемых этими банками, осложнило бы работу пароходств, Аэрофлота, привело бы к потере личных средств наших сограждан, открывших банковские счета. Капиталы банков были бы безвозвратно утеряны””: <http://lib.rus.ec/b/129836/read#r602>. — Гайдар Е. Смуты и институты. Глава 3: “Из обращения представителей советских зарубежных коммерческих банков к Президенту РСФСР: “Объявление моратория на платежи по обязательствам СССР еще более осложнило обстановку в зарубежных банках. Местные власти требуют создания в этих банках резервов по кредитам, выданным советским заемщикам. В крупных суммах. Так, в Ост-Вест Хандельсбанке требуется создать резервы в сумме 250 млн марок, что более чем в два раза превышает капитал банка. Такие же требования выдвигаются в Великобритании и в ряде других стран. Возникает риск ареста кредиторами Внешэкономбанка СССР денежных средств, размещаемых им в иностранных банках, в том числе в наших зарубежных банках. Эти и другие факторы, в частности, острая нехватка ресурсов в некоторых из зарубежных банков, обострившаяся в связи с неплатежами СССР, делают реальной перспективу официального банкротства этих банков””: <http://www.iet.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>.

69 Илларионов А. Слово и дело. Ч. 1. Антисоветник. — Континент, № 134:

<http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>; Илларионов А. Трудный путь к свободе. Ч. 1. — Континент, № 145:

<http://magazines.russ.ru/continent/2010/145/il11.html>.

70 А. Шохин: Кстати, появление Геращенко на посту председателя Центрального банка — полностью инициатива Егора.

А. Кох: Подожди, подожди. Это уточни. Мы не знали, что это Гайдар придумал. Мы считали, что он не мешал этому назначению, а вот ты говоришь, что это была его инициатива!

А. Шохин: Это его выбор был. Было явно, что Верховный Совет сделает ставку на Геращенко. Ельцин был против. Я присутствовал сам как минимум на двух мероприятиях, где эта тема обсуждалась. Внуково, отлет Ельцина куда-то. Он в “веселом” настроении. Ему Гайдар дает проект письма о внесении кандидатуры Геращенко на пост председателя Центрального Банка. Борис Николаевич: “Вы что, с ума сошли, что ли? Вы знаете, сколько у меня на него компромата? Два тома компромата на Геращенко, а вы его хотите на ЦБ двинуть?” Не удалось. Потом встреча вице-премьеров, вице-спикеров Верховного Совета, Гайдара и Хасбулатова с президентом, по-моему, в Ново-Огарево. Сидим. Гайдару как-то неудобно снова Геращенко вносить. Он к Хиже, который в тот момент только был назначен: “Георгий Степанович, ну, как договаривались?” Я слышу, как Гайдар просит Хижу. Георгий Степанович говорит: “Борис Николаевич, вот мы тут в правительстве еще раз долго обсуждали и предлагаем вам подумать по поводу назначения Геращенко”. Борис Николаевич: “Мы этот вопрос обсудили”. А поскольку это в присутствии Хасбулатова, вице-спикеров, то момент был удачный. Все они загалдели: “А что, нормальный вариант, правительство хорошее предложение сделало”. Гайдар сидел, как говорится, в стороне, но дирижировал этим он. Шохин А.: “Мы взяли власти столько, сколько было возможно”. - Форбс, 30 сентября 2010 г.: <http://www.forbes.ru/node/57754/>.

71 В. Геращенко: "...завершая беседу, я посоветовал моим "наимателям" поговорить на эту тему с Хасбулатовым: Центробанк все-таки подотчетен Верховному Совету. "По-моему, — говорю, — он будет возражать". И не ошибся. Хасбулатов был категорически против моей кандидатуры..." - Камакин А. Последний банкир империи. Часть 3. - Итоги, №11 (718), 15 марта 2010 г.: <http://www.itogi.ru/report/2010/11/149893.html>.

72 Гайдар Е. Дни поражений и побед. Гл.8: "Веду переговоры с нашими сторонниками в Верховном Совете, пытаюсь понять, какие кандидатуры смогут пройти через его сито. Советуюсь с Павлом Медведевым, который руководит банковским подкомитетом. Ответ неутешительный — на его взгляд, кандидатуры Бориса Федорова и Сергея Игнатьева для депутатов абсолютно неприемлемы. Консультации с другими парламентариями эту оценку подтверждают. Называют, как правило, людей, работа с которыми для нас будет практически невозможна либо крайне сложна. Но одна кандидатура, имеющая серьезные шансы получить поддержку большинства Верховного Совета, заставляет задуматься. Это Виктор Геращенко, последний председатель Госбанка СССР":

<http://www.iet.ru/files/persona/gaidar/Gosudarstvo/8.pdf>.

73 В. Геращенко: "Занять эту должность мне предложили впервые еще до развала Союза, в конце ноября 1991 года. Я был на каком-то совещании в российском правительстве. Егор Гайдар, недавно назначенный вице-премьером, попросил меня выйти для конфиденциального разговора. Вместе с ним был Геннадий Бурбулис, ельцинский госсекретарь. "Как смотрите на то, чтобы возглавить Центробанк?" — спрашивает Гайдар. А мы с ним, надо сказать, были неплохо знакомы. Познакомились в августе 1989-го, когда я только заступил на пост предправления Госбанка. Гайдар на тот момент работал в журнале "Коммунист" и пришел ко мне брать интервью. А потом, когда он уже был заведомом экономики в "Правде", часто привлекал меня к участию в различных правдинских мероприятиях. Видимо, Егор Тимурович понимал, что я что-то соображаю". — Камакин А. Последний банкир империи. Часть 3. - Итоги, №11 (718), 15 марта 2010 г.: <http://www.itogi.ru/report/2010/11/149893.html>;

В. Геращенко: "В конце 91-го года позвал меня Гайдар, у него сидел Бурбулис и сверлил меня глазами. Они стали спрашивать: не соглашусь ли я перейти в Центральный банк России, который, естественно, будет основным эмиссионным институтом после роспуска Союза". - Водянова М., Докучаев Д. Непотопляемый Геракл. — Общая газета, 2 января 2001 г.

http://www.compromat.ru/page_10488.html

74 Выдержки из биографии В. Геращенко: "В 1963 году состоялась его первая зарубежная служебная командировка в Лондон, а через два года 28-летний Геращенко стал директором Московского народного банка (Moscow Narodny Bank) в Лондоне — крупнейшего советского кредитного учреждения за рубежом. Ряд СМИ объясняют быструю карьеру Геращенко тем, что он пользовался связями своего отца — Владимир Сергеевич Геращенко (1905 — 1995) в 1948 — 1958 годах был первым заместителем председателя правления Государственного банка СССР. В 1967 году Геращенко был назначен заместителем управляющего, а в 1969 году — управляющим отделением Московского народного банка в Бейруте (Ливан). По данным ряда СМИ, в Бейруте Геращенко работал с будущим министром иностранных дел и премьер-министром РФ Евгением Примаковым (с 1962 по 1970 год Примаков был обозревателем, заместителем редактора отдела Азии и Африки газеты "Правда" и собственным корреспондентом издания на Ближнем Востоке, а с 1970 по 1977 год — заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР). Газета "Известия" обращала внимание, что пребывание Геращенко в Ливане совпало с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке и с наибольшим проникновением советской политики в арабский мир. Издание напоминало, что в начале 1970-х годов Ливан являлся крупнейшим центром деятельности советской разведки, где осуществлялась вербовка всей ближневосточной агентуры. Кроме того, в этой стране тогда действовало либеральное финансовое законодательство, благодаря которому МНБ мог осуществлять операции по финансированию "кого угодно". Еще одно подтверждение версии о возможных связях Геращенко со спецслужбами газета видела в том, что получить должность директора Московского народного банка в Лондоне в 28 лет по обычным

аппаратным законам было невозможно, а кроме того — в том, что вся система советских заграничных банков жестко контролировалась Комитетом государственной безопасности. В 1972 году Геращенко занял должность заместителя начальника, а в 1973 году — начальника Управления валютно-кассовых операций Внешторгбанка СССР. В 1974 году стал председателем правления Ост-Вест Хандельсбанка во Франкфурте-на-Майне. В 1976 году Геращенко стал председателем правления Советского банка в ФРГ. В 1977 году был назначен управляющим отделением Московского народного банка в Республике Сингапур. Занимал эту должность до 1982 года, за это время несколько раз ездил в командировки в Цюрих”. -

Геращенко, Виктор: <http://lenta.ru/lib/14161802/full.htm>.

75 Е. Гайдар: “Это Виктор Геращенко, последний председатель Госбанка СССР. Знаю его довольно давно как одного из самых квалифицированных банкиров, занимавшихся внешнеэкономической деятельностью. Он много работал в системе заграничных банков и во Внешэкономбанке СССР. Назначенный возглавлять Госбанк Советского Союза в самый разгар бюджетной и банковской войны между республиками и центром, он пытался поддержать банковскую систему на плаву и активно противостоял недопустимой здесь анархии”: <http://www.iet.ru/files/persona/gaidar/Gosudarstvo/8.pdf>.

76 “К концу 1991 года ЦБ РФ находился в полном подчинении Верховного Совета, практически — его председателя Р. И. Хасбулатова. В кабинете председателя ЦБ стоял телефон прямой связи с Верховным Советом, и телефоном, насколько мне известно, активно пользовались. О Григории [Георгии. — А. И.] Матюхине, возглавлявшем в это время банк, знал мало — только то, что он близок к Руслану Хасбулатову... и что принимает активное участие в банковско-бюджетной войне России и Союза... Большого оптимизма все это не внушало. Начинать сложнейшие преобразования без надежного взаимопонимания и взаимодействия правительства с главным банком страны было опасно”. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 193.

77 Б.Федоров: “Одно время ходили слухи, что меня пригласят в правительство или Центральный банк. Однако таких предложений ни от Б. Ельцина, ни от Е. Гайдара мне не поступало. Насколько я понимаю, Е. Гайдар по какой-то причине не хотел видеть меня в Москве”. — “Десять безумных лет”, 1999. Глава “Встречи в Москве и Лондоне”: <http://www.archive.org/details/BorisFedorov10BezumnoykhLet>.

78 Насколько значимым для Е. Т. Гайдара было поддержание ментальной связи со своим дедом по отцовской линии, говорит, в частности, название книги его воспоминаний “Дни поражений и побед”, практически дословно воспроизводящее название одной из первых малоизвестных повестей А. П. Гайдара “В дни поражений и побед”.

79 Е. Гайдар: “Я тогда по молодости постеснялся сказать о том большом влиянии, которое на протяжении всей моей жизни оказывал на меня отец. Он, я видел, обиделся, хотя не сказал ни слова, и это до сих пор камнем лежит у меня на сердце. Он должен был при жизни услышать мое публичное признание, что я всегда восхищался им, любил и ценил то, что мы всегда были единомышленниками. Впрочем, уверен, он это знал. Мы всегда были близки и понимали друг друга с полуслова, по взгляду, по улыбке. Я всегда хотел быть его достойным сыном”. — Гайдар Е. Слово об отце. Мы были единомышленниками:

<http://chiz.vostok-inc.com/pheed.php3?newsid=462>.

80 Е. Гайдар: “Фидель — фигура уникальная в истории второй половины XX века. Политика такого масштаба, которой не руководил бы великой державой, второго придумать трудно... Конечно, это человек с абсолютно уникальной харизмой... Он, пожалуй, единственный такой человек на Кубе... Он, в общем, автор анти-американской революции, которая демонтировала американскую империю в Латинской Америке... Он, по меньшей мере, Боливар, латиноамериканский Ленин... Это великий политик... Он оказывается первым человеком, который способен противостоять американцам в Латинской Америке. Это человек необычного масштаба... Чтобы противостоять США, нужен был Фидель Кастро — с его харизмой, бесконечной храбростью, талантом на самом деле. Он, между прочим, во время войны гражданской, во время боев за Пляя-Херон, проявил чудеса храбрости и действительно прекрасно командовал войсками”:

<http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>; “Ну это совершенно уникальный персонаж, таких вообще в XX-м веке было очень немного. Это конечно уникальный

харизматик, человек, который способен просто силой убеждения вести за собой миллионы людей, которые живут в тяжелейших условиях... Речи по три часа блестящие!": <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>; "Это был один из самых ярких — как бы к нему ни относиться, — политиков второй половины XX — начала XXI века": http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/business/newsid_7254000/7254681.stm; "Не надо думать, что режим совсем мягонький, такой пушистый, что там репрессий нет: я знаю многих людей, которых сажали в тюрьмы за их высказанное мнение. Но в общем, вот такого, чтобы режим сидел совсем на штыках, — вот это неправда":

<http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>.

Для справки: По разным источникам кастровский режим казнил от 9 до 17 тыс. кубинцев:

<http://www.cubaarchive.org/downloads/CA03.pdf>,

<http://blackrotbook.narod.ru/pages/30.htm>.

Число утонувших бальсерос — людей, пытавшихся добраться до Флориды на лодках и плотках, — оценивается в 78 тыс. чел. —

<http://www.cubaarchive.org/downloads/CA03.pdf>;

число политических заключенных одновременно достигало 100 тыс. чел.

Около полумиллиона человек прошли через тюрьмы и лагеря. В результате эмиграции из кастровской Кубы только на территории США к 2000 года оказалось 829 тыс. кубинцев:

<http://books.google.com/books?id=QCSJ61F4j34C&pg=PA156&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Общее число эмигрантов из страны с населением в 7 млн чел. по состоянию на 1960 год составило к 2000 году примерно 1,5 млн чел.:

<http://lanic.utexas.edu/project/asce/pdfs/volume16/pdfs/diazbriquets.Pdf>, или около 15% населения современной Кубы.

81 Е. Гайдар: "С Раулем отец были друзьями со времен Плайя-Хирона, со времен Карибского кризиса. Мама дружит с Вильмой (отец умер). Они были у них в гостях уже намного позже тех времен Карибского кризиса, Рауль бывал, по-моему, у него в Москве в гостях": <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

82 <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>.

83 <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

84 Гайдар Е.. Слово об отце: <http://chiz.vostok-inc.com/pheed.php3?newsid=462>.

85 Е. Гайдар: "Ну, он был офицером. В это время формальная позиция у него была — корреспондент газеты "Правда": <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>.

Другим также ставшим широко известным человеком с формальной позицией корреспондента газеты "Правда", правда, в ином регионе мира — на Ближнем Востоке, был Е. М. **Примаков**.

86 Е. Гайдар: "Отец с ним [Микояном. — А. И.] летал, тогда он мне рассказывал подробности этого визита":

<http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>;

"Отец мой, Тимур, был на Кубе и во время карибских событий, и с Анастасом Ивановичем как раз летал, вместе с Кастро, когда Анастас Иванович прилетал объяснять Кастро, почему мы договорились с американцами о компромиссе":

<http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

87 Н. Асадова: А почему ваш отец дружил с Раулем и не дружил с Фиделем?

Е. Гайдар: Ну так просто сложилось по жизни.

А. Венедиктов: Так не бывает: сложилось там... У политиков так не бывает, Егор Тимурович, вам бы не знать.

С. Микоян: Нет, но он более близок, доступен, наверное, был.

Е. Гайдар: Во-первых, все-таки он был министром обороны. И по естественным причинам у отца с ним было больше дел:

<http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

88 Б. Минаев: "У писателей Москвы в веселые 60-е годы был такой спорт — перепить Гайдара. Чемпионов, вторых и третьих призеров в этом спорте не было. Перепить веселого человека в черном повседневном или в парадном белоснежном кителе, слегка похожего на китайца, было нельзя. Скорее всего, потому, что в свое время по заданию Родины ему приходилось заниматься этим же видом спорта с такими людьми, как Фидель Кастро или Иосиф Броз Тито. То есть, по сути, выступать на профессиональном ринге. Тимур Гайдар с улыбкой выслушивал разговоры своих друзей о том, какое задание

Родины он выполнял на Кубе во время Карибского кризиса и в Югославии в 70-е, когда социализм и нейтралитет в СФРЮ все же удалось отстоять. С молчаливой улыбкой разведчика”: <http://www.ogoniok.com/archive/2002/4732/06-14-17/>.

89 “Моя мама рассказала об этом много десятилетий спустя и не мне, а моей жене, Марии Аркадьевне. Она тоже все видела и понимала, что происходит, она решила, что [если] высадка американцев станет очевидной данностью, она пойдет купаться и меня утопит, сама утопится”. – Гайдар Е. Интервью Эху Москвы: <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286>.

90 Фидель Кастро: уходит эпоха. Какая грядет? <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>.

91 “В 1990 – 1991 годах у нас, безусловно, произошла мировая геополитическая катастрофа вне зависимости от ее оценки, со знаком “+” или “-””: Гайдар Е. Государство и эволюция, СПб, 2009. С. 257. Глава 4. Частная собственность номенклатуры: <http://www.gaidar.org/stati/gosevolut/glav4.htm>.

92 В. Путин: “Прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века”: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml.

93 Е. Гайдар. “Ядерные расчеты ученых являются опасной игрой”:

<http://www.inosmi.ru/world/20060329/226440.html>; Опасные игры:

<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2006/03/30/104641>. 94 Там же.

95 “Вот когда мы приватизировали нефтяную отрасль, в том числе с помощью залоговых аукционов, у нас возникла другая проблема – что делать с таким быстрым ростом добычи нефти, которая создает нам проблемы, скажем, в переговорах с ОПЕК, которая говорит нам: “Почему же вы так быстро наращиваете свою долю на рынке?”... “После того, как мы решили ренационализировать часть нефтяной отрасли, проблема с ОПЕКом исчезла, потому что нефтедобычи упали в 5 раз. Как раз с того момента, как мы решили, что лучше ренационализировать часть нефтяной отрасли”: Егор Гайдар об эпохе Ельцина. – “The New Times”, 24 апреля 2007 г.:

http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html. “Когда мы начали национализировать нефтяную промышленность...”: www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html.

96 “...мы, в отличие от “горячей” войны, войну за информацию проиграли.... Конечно, сказались то, что в грузинском руководстве очень много людей, говорящих на хорошем английском языке, которые апеллируют вполне понятно к американским ценностям, к их образу жизни, а у нас этого не было. Все, что смогли сделать грузины профессионально, – это убедить американцев, что речь идет об акте агрессии со стороны России, и сделали, это, к сожалению, очень качественно... беда наших СМИ состояла в том, что они были целиком ориентированы на нашего зрителя и сделали это замечательно, справились хорошо. А что касается воздействия на войска противника, тут было хуже”.

Егор Гайдар: “Информационную войну мы проиграли”: <http://www.iet.ru/ru/egor-gaidar-informacionnuu-voinu-my-proigrali.html>.

97 Гайдар Е. Дни поражений и побед. С 81.

98 Гайдар Е. А я был премьер-министром ядерной державы. Интервью “SmartMoney”: http://www.gaidar.org/smi/2007_07_16_ms.htm. Гайдар Е.

У моих американских коллег бледнеют лица и отвисают челюсти. Интервью: <http://www.vedomosti.ru/smartmoney/article/2007/07/16/3353>.

99 Ельцин Б. Речь на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г.

100 Е. Гайдар: “Я, как вы знаете, был категорическим противником первой чеченской войны... Борис Николаевич... знал, что я буду пытаться доказать ему, что не надо сейчас, по крайней мере, сейчас, начинать никаких военных действий в Чечне. Это не то, что я там категорический противник того, что в Чечне должен быть какой-то элементарный порядок, такой или сякой... Еще раз подчеркну, дело было не в том – “Надо наводить порядок в Чечне или нет?” Надо было думать: “Когда, какими методами и как к этому готовиться, если ты хочешь это сделать”. Эдуард Аркадьевич Воробьев – прекрасный военный, генерал-полковник, тогда первый заместитель командующего сухопутными войсками, очень квалифицированный, один из лучших российских генералов, много раз

доказывающий это в действии, — когда его послали руководить чеченской операцией, прибыв в войска, разобравшись в том, как обстоят дела с боевым слаживанием, разведкой, сказал начальству, что нужно, по меньшей мере, два месяца на подготовку операции, налаживание нормальной информации,.. слаживание войск, сколоченных по взводу неизвестно откуда. Ему сказали: “Нет. Какие два месяца? Послезавтра”. Он ответил: “На мой взгляд, так не воюют”. И подал рапорт об отставке. Потом выяснилось, что, действительно, так не воюют. Ну, это была ошибка... Мне сегодня, честно говоря, не хочется говорить об ошибках Бориса Николаевича”. — Егор Гайдар об эпохе Ельцина. — “The New Times”, 24 апреля 2007 г.:

http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajjdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html.

101 “Никакой не секрет, что надо сделать, чтобы вывести развитие российского капитализма на иной, цивилизованный путь. Нужно:

- Четко отделить собственность от власти.
- Обеспечить равенство правил игры в экономике.
- Заделать дырки в налоговом... режиме”. —

Гайдар Е.. Дни поражений и побед. С. 366;

“... разделение власти и собственности — это важнейшая предпосылка долгосрочного устойчивого экономического роста”. — Гайдар Е. Смуты и институты. Лекция:

<http://www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html>.

102 “Среди активных игроков оказались Гайдар... Операции-то все расписаны, они все остались в компьютерном банке данных! Как и операции Гайдара и других игроков...”. — Скуратов Ю. Вариант дракона: <http://tululu.ru/b56726>.

103 А. Суриков: “Господин Гайдар — участник рынка ГКО (6 млрд. рублей), комиссия по рынку ценных бумаг этим занимается. Господин Кох — тоже крупнейший участник рынка ГКО, господин Алексащенко, первый заместитель Председателя Центрального банка, — также крупнейший участник рынка ГКО. Это люди, владеющие всеми секретами рынка ГКО”. — Стенограмма 44-го заседания Совета Федерации России 17 марта 1999 года.

<http://council.gov.ru/files/sessionsf/report/20070404165957.DOC>.

“Господин Гайдар тоже один из крупнейших игроков на рынке ценных бумаг нашего государственного бюджета. По-моему, объем его участия равен 6 миллиардам долларов...” [Очевидная оговорка: речь идет о 6 млрд. рублей. — А. И.] “В докладе [Временной комиссии Совета Федерации по расследованию причин кризиса. — А. И.] содержатся фамилии крупнейших игроков на рынке ГКО: Алексащенко, Гайдара, Коха”. — Суриков А. Роль Центрального банка России в экономическом кризисе. Пресс-конференция 18 марта 1999 г.:

<http://www.akm.ru/rus/press-club/990318report.Stm>

104 В. Пивненко: “Временная комиссия провела семь заседаний, на которых были заслушаны начальник Департамента ценных бумаг Министерства финансов Российской Федерации Златкис, заместитель председателя Российского акционерного общества “Газпром” Дубинин, первый заместитель Председателя Банка России Козлов, председатель Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг Васильев, генеральный директор Московской межбанковской валютной биржи Захаров, первый заместитель Министра финансов Российской Федерации Вьюгин. Отказались от встреч с временной комиссией Кириенко, Гайдар, Чубайс”:

<http://council.gov.ru/files/sessionsf/report/20070404165957.DOC>.

105 “Это было 25 июня 1998 года на заседании клуба “Взаимодействие”... Поскольку летом 1998 года в воздухе явно носилось ощущение чего-то надвигающегося (правда, про катастрофу не говорили), то на заседание клуба был приглашен Гайдар, чтобы рассказать правду о том, что происходит, и дать ответ на вопрос, будет ли кризис или нет. На заседании был аншлаг — пришло, наверное, человек 150 — сливки либеральной общественности, бизнеса, журналистики. Гайдар выступал в течение минут сорока, сказав примерно следующее: да, ситуация не совсем простая, но кризиса не будет. Мы все держим под контролем, инфляция снижается, вот сейчас Чубайс съездил в МВФ, получил большой кредит, так что все в порядке, не беспокойтесь. Переживем. Трудно было не поверить Гайдару. Не то чтобы полностью исчезли все сомнения, но уровень напряженности стал постепенно снижаться. Вторым в прениях слово дали мне. Хотя по

регламенту надо было задавать вопрос, вместо него я сделал небольшое собственное выступление — такой содоклад минут на пятнадцать-двадцать. Я сказал, что слова Гайдара не соответствуют действительности. Ни один из факторов, названных им и якобы препятствующих кризису, не работает. Зато работают другие факторы, о которых он ничего не сказал. Кредиты МВФ не помогут, в лучшем случае оттянут начало кризиса, но увеличат его масштаб. Будет кризис. Будет девальвация рубля. Хотя точные сроки предсказать невозможно, но кризис произойдет до конца 1998 года. Если, говорю, девальвацию проводить в июле, то курс рубля упадет раза в два с половиной — рублем до 15 за доллар (в июне курс был чуть больше 6 рублей за доллар). Если оттягивать девальвацию, то курс может упасть вчетверо — до 24 — 25 рублей за доллар. В то время как экономические последствия девальвации будут обещающими — возрастет экспорт, улучшится платежный баланс, возрастет занятость, упадет безработица, начнется экономический рост, политические ее последствия могут оказаться очень тяжелыми. Гайдар не стал дожидаться завершения моего выступления, собрал свои бумаги и ушел. На следующий день, 26 июня,.. в трубке я услышал голос Гайдара: “Андрей, ты знаешь, я тебя мало о чем просил. У меня к тебе есть просьба”. Я сказал: “Да, я слушаю тебя”. — “Я тебя прошу: все, что ты рассказывал вчера на клубе, не говори, пожалуйста, журналистам”. Я был потрясен: “Почему?” — “Ну, знаешь, бывают вещи, которые говорить публично нельзя”. Я говорю: “Я таких вещей не знаю”. Он повторяет: “Ты знаешь, я тебя мало о чем просил. А сейчас я действительно прошу: не говори, пожалуйста, ничего об этом журналистам”. — Илларионов А. Слово и дело. Ч. 1. “Континент”, № 134: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>.

106 “Вообще, когда мы согласились писать программу, мы относились ко всему этому очень скептически. Программ уже было некое количество, и никто их не собирался реализовывать. Программы превратились в такие академические упражнения. Плюс у нас был совершенно смешной побудительный мотив: [мэр Москвы] Гавриил Попов тогда собирался отобрать у [Абела. — А. И.] Аганбегяна здание Академии народного хозяйства, где сидел и Институт экономической политики. Соответственно, мы лишались площадей. И это была одна из причин, почему мы решили откликнуться на предложение Бурбулиса, — чтобы помочь Аганбегяну отстоять здание”. — Нечаев А. Никто из солидных людей не хотел брать на себя ответственность. - Форбс, 19 марта 2010 г.: <http://www.forbes.ru/interview/46600-reformatory-prihodyat-k-vlasti-andrei-nechaev>.

107 “Потом он [Гайдар. — А. И.] мне позвонил... и предложил стать его заместителем, когда ему Горбачев сделал институт экономической политики. И соответственно год я у него был замом в этом институте”. — Нечаев А. Неприлично во всех грехах обвинять прежнюю власть: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/60059-neprilichno-vo-vseh-grehah-obvinyat-prezhnyuyu-vlast>;

“Одно из выступлений Горбачева, почти полностью написанное Гайдаром, оказалось весьма удачным и было хорошо принято депутатами Верховного Совета СССР. В итоге осенью 1990 года Горбачев решил “вознаградить” Гайдара за выполненную на высоком профессиональном уровне работу созданием “под него” Института экономической политики, призванного разрабатывать практические и теоретические вопросы экономических преобразований”. — Нечаев А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М., 2010. С. 10-11.

108 “Институт был создан в конце 1990 года как структурное подразделение Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР, инициаторами были академик Абел Аганбегян (незадолго до этого возглавивший АНХ) и Михаил Горбачев”. — Май В. Экономическая политика. Институт Гайдара: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/10/05/246984>.

109 Илларионов А. История одной ошибки: <http://aillarionov.livejournal.com/272119.html>.

110 “2. Возложить на Институт экономических проблем переходного периода как независимую некоммерческую научно-исследовательскую организацию и научно-методический центр переподготовки кадров в области экономических исследований и финансов организацию и координацию исследований и разработок, представляемых Россией в международные финансовые организации.

3. Министерству финансов Российской Федерации и Министерству науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации: предусматривать начиная с 1993 года выделение из республиканского бюджета Российской Федерации средств для Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации на финансирование приоритетных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполняемых Институтом экономических проблем переходного периода. Выделение средств осуществляется с учетом оплаты статистической информации, вычислительной техники, оргтехники, видов связи, транспортных средств, социально-бытового и медицинского обслуживания сотрудников; выделить в 1993 году на указанные цели по разделу “Наука” 140 млн. рублей.

4. Институту экономических проблем переходного периода согласовывать объем необходимой Институту статистической информации с Государственным комитетом Российской Федерации по статистике на договорной основе.

5. Министерству связи Российской Федерации и Федеральному агентству правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации обеспечить Институт экономических проблем переходного периода необходимыми видами связи на договорной основе...

7. Установить, что сотрудники Института экономических проблем переходного периода пользуются услугами Медицинского центра при Правительстве Российской Федерации на договорной основе.

8. Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом: разместить до 1 декабря 1992 года на условиях долгосрочной аренды Институт экономических проблем переходного периода на площадях, занимаемых ранее департаментами электротехнической промышленности и приборостроения бывшего Министерства промышленности Российской Федерации, в зданиях по адресу: г. Москва, ул. Огарева, дом 3, строения 2 и 3; дом 5, строение 3; передать на баланс указанного Института имущество и средства связи, находящиеся в передаваемых помещениях”. — Постановление правительства РФ от 11 ноября 1992 года № 874 “Вопросы Института экономических проблем переходного периода”:

http://www.pseudology.org/Gaydar/Postanovlenie_institut.htm.

111 “Руководитель правительства России подарил сам себе институт. <...> На выселение старых хозяев и вселение нового отводилось 19 дней. Гайдар знал, что его премьерские дни сочтены. Вероятно, департаменты сопротивлялись реформам. 3 декабря 1992 г. Госкомимущество приказывает: “Обеспечить в срок до 10 декабря освобождение площадей, занимаемых ранее департаментами электротехнической промышленности и приборостроения. Разместить в срок до 10 декабря 1992 г. ИЭППП”. Подписал Чубайс. Он дал на въезд и выезд еще неделю... Площадь, полученная Гайдаром для своего ИЭППП, составляла 4651,5 кв. м, затем она выросла. Стала 5077,41 кв. м”. — Минкин А. “Новая газета”, 14 – 20 октября 1996 г.

“9 декабря 1992 г. эти 6106,6 кв. м по договору аренды № 95 были переданы Егору Тимуровичу Гайдару, бывшему в то время первым заместителем председателя правительства РФ, советником Президента РФ по вопросам экономической политики, под офис на срок до 1 декабря 2042 года”:

<http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

112 “Гайдар платит за аренду по 17 660 рублей за кв. м в год. А “излишки” сдает всяким фирмам по всяким ценам. Кому – по 500 долл. за кв. метр в год, кому – по 600, кому – по 800. В результате этой полезной деятельности Гайдару досталась разница в сумме 7 346 723 513 рублей. <...> Сейчас ИЭППП сдает площадь семнадцати фирмам”. — Минкин А. “Новая газета”, 14-20 октября 1996 г.; “Нетрудно подсчитать, что до недавнего времени “Институт экономики переходного периода” уплачивал в казну чуть более 200 тыс. долл. за аренду “под офис”. При “безвозмездном пользовании” и того не будет. Зато какой гешефт можно получить, имея право передачи в пользование третьим лицам, то есть сдавать офисную площадь в центре столицы по коммерческим ценам! Как известно, коммерческая стоимость аренды помещений в центре Москвы на сегодняшний день составляет от 1500 до 5000 долл. США. По первым подсчетам такая коммерция дает и может давать минимум 10 млн долл. ежегодно. Неплохой подарок преподнес себе в 1992 г. Егор Тимурович на десятилетия вперед, фактически воспользовавшись своими

властными полномочиями!” — Гайдар зарабатывает на государстве \$ 10 000 000 ежегодно: <http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

113 “...Прошу Вас рассмотреть возможность передачи Фонду “Институт экономики переходного периода” нежилых помещений, находящихся по адресу: г. Москва, Газетный пер., дом 3-5, строение 1, в безвозмездное пользование на срок до 01 декабря 2042 г. с правом передачи их в пользование третьим лицам. В настоящее время указанные нежилые помещения находятся у Фонда “Институт экономики переходного периода” в собственности на праве аренды на срок до 01 декабря 2042 г.”. Такое вот официальное письмо написал 19 сентября 2008 г. директор этого фондо-института Егор Гайдар руководству Федерального агентства по управлению государственным имуществом”. — Гайдар зарабатывает на государстве \$ 10 000 000 ежегодно:

<http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

114 Гайдар Е. Испытание России фашизмом:

<http://www.inosmi.ru/inrussia/20060512/227393.html>.

115 “Летом 1990 года отклоняю предложение Григория Явлинского поработать в российском правительстве. Не в последнем счете и потому, что не хочу оставлять Горбачева в тяжелое для него время”. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 60.

116 19 августа 1991 г.: “Из института ищущ по телефону всех, кому можно дозвониться. Звоню помощнику Горбачева, О. Ожерельеву. Спрашиваю: жив ли Михаил Сергеевич и можем ли мы для него что-нибудь сделать? Отвечает крайне уклончиво — разговор не поддерживает. Звоню в Белый дом Сергею Красавченко, Алексею Головкову. Прошу передать начальству, что институт в распоряжении российской власти”. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 74; “Он начал писать экономические обзоры в журнал “Коммунист” в 1986 году. Успел написать, наверное, четыре обзора... В то время он скорее был человек Горбачева, чем Ельцина. Когда стало понятно, что Горбачев совсем не контролирует ситуацию, деваться было некуда. Надо было хоть на кого-то уже опираться”. — Стругацкая М. Он не понимал, как дальше все повернется. — “Огонек”, №10 (5169), 14 марта 2011 г.: <http://kommersant.ru/Doc/1597249>.

117 “Тут приехали Гайдар с Чубайсом и... потребовали разговора с Кириенко наедине. Цель их разговора была очевидной...”. — Илларионов А. Слово и дело. Ч. 1. — “Континент”, № 134: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>.

118 “Конференция подтвердила состав блока СПС, приняла программный документ — “Правый манифест” и одобрила общедоверительный список кандидатов в депутаты. В первую тройку списка вошли С. Кириенко, Б. Немцов, И. Хакамада, московскую региональную часть списка возглавил Е. Гайдар... Блок СПС поддержал возобновленную осенью 1999 премьер-министром В. Путиным войну в Чечне... В декабре 1999 СПС выдвинул лозунг “Путина — в Президенты, Кириенко — в Государственную Думу!””: http://www.anticomproamat.org/sps/spr_sps.html.

119 “При неблагоприятном развитии событий в мировой экономике, замедлении экономического роста в России в сознании элиты и общества может укорениться иллюзия, что оно напрямую связано со сменой первого лица государства”. —

Е. Гайдар. Состояние мировой конъюнктуры и перспективы экономической политики в России. Доклад на заседании Ученого Совета 22 января 2008 г.:

http://www.iet.ru/files/persona/gaidar/Doklad_konf_22.01.08.doc,

<http://www.sps.ru/?id=225359&PHPSESSID=491fdf0959d5936f368ae30c17e0d78e>;

“У него [будущего президента. - А.И.] будут более жесткие условия работы, чем у нынешнего главы государства”. — Гайдар Е. Будут более жесткие условия. — “Русский Newsweek”, 28 января 2008 г.:

<http://www.sps.ru/?id=225095>, <http://www.iep.ru/ru/egor-gaidar-budut-bolee-zhestkie-usloviya.html>.

120 Гайдар Е. Интервью “Эху Москвы”: <http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

121 Гайдар Е. Мировой кризис и Россия. Суть разногласий. — “Ведомости”, 21 марта 1998 г.: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/03/21/144035>.

122 10 сентября 2008 г.: “Все умные люди, которые причастны к процессу принятия инвестиционных решений, прекрасно понимали, что после одностороннего признания Косово все, что уже произошло на Кавказе, было неизбежным, и включали эти риски в

свои инвестиции в Россию. Это значит, что котировки российских ценных бумаг строились исходя из гипотезы неизбежности больших неприятностей на Кавказе. Поэтому, по моей информации, прямые инвесторы никак не отреагировали на события в Грузии. То есть те, кто вкладывал напрямую в российские предприятия, они деньги не стали выводить. Бежал лишь спекулятивный капитал фондового рынка”. — Гайдар Е., Чубайс А. До 2009 года кризисов в России не будет. А потом...
<http://kp.ru/daily/24162/375899/>.

123 16 октября 2008 г.: “Известный экономист и демократ Егор Гайдар уже дал Кремлю совет, как справиться с финансовым кризисом... В целом, по его словам, правительство предпринимает правильные действия по преодолению финансового кризиса. На вопрос, что именно он посоветовал Кремлю, Егор Гайдар уточнять не стал. Он ответил, что банковская сфера очень “тонкая сфера” и все, что ее касается, огласке не подлежит. “Деньги любят тишину”, — подтвердил Гайдар. Для справки: ЦБ и минфин выделили на поддержку финансовых институтов и рынков порядка 3 триллионов рублей”. — Гуленок О. За совет — любовь?

<http://www.kasparov.ru/material.php?id=48F73018D08ED>.

124 “...заместитель министра экономического развития РФ А.Ю.Левицкая подписала письмо № 14228-АЛ/Д08 от 2 октября 2008 года, которым, по сути, предписывает Росимуществу в кратчайший срок решить вопрос о размещении гайдаровского фонда “на условиях договора безвозмездного пользования с правом передачи третьим лицам”. Срок исполнения — до 13 октября 2008 года”:

<http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

125 “А. Шохин: Поначалу ЧВС [В. С. Черномырдин. — Ред.] был настроен резко. Он мне объяснил почему: “Я бы всех вас из правительства убрал, но после того, как Гайдар порекомендовал мне сделать именно так, за исключением Чубайса и Салтыкова, я решил погодить с этим решением. Если Гайдар не хочет, чтобы, скажем, ты был в моем правительстве, ну тогда поработай, я еще посмотрю — чего ты стоишь. Я сначала думал, что вы одна команда, а оказывается, у вас такие сложные отношения”.

А. Кох: У тебя к тому моменту с Гайдаром были непростые отношения?

А. Шохин: У меня с Егором стали непростые отношения. После этого разговора с Виктором Степановичем я поехал к Гайдару и спросил его в лоб: “Егор, правда, что ты сказал, что лучше и меня убрать, и всех убрать, кроме Чубайса и Салтыкова?” Он говорит: “Правда”. Я говорю: “А мотивация?” “Чем меньше нас там будет, тем быстрее они обосрут, и мы опять вернемся”. “А Чубайс с Салтыковым зачем?” “Ну, кто-то должен там все-таки следить за тем, что происходит”.

А. Кох: Получается, что ты с Гайдаром поругался...

А. Шохин: Поругался, сказав, что он, мягко говоря, не прав. “Всех на хер из правительства” — это крайний, но возможный вариант. Но надо было сесть, поговорить хотя бы и решить, что у нас тактика вот такая, что мы все дружно подаем заявление, из этого делаем некую политическую акцию. А когда этого не взяли, другого взяли, Петя написал заявление, а остальные сидят, ждут, а Гайдар их тайком всех сдает, не поставив их даже в известность о такой своей позиции, то это как называется? <...> мы дружили семьями, сидели в соседних кабинетах, через стенку, когда в науке работали... его рекомендация Черномырдину не брать никого в правительство меня очень сильно задела. Я сильно возмутился по этому поводу и сказал ему всякие нехорошие слова...

А. Кох: А ты приехал к Егору после разговора с Черномырдиным?

А. Шохин: Мы ж на соседних дачах жили. Вижу, огонек горит и Гайдар подъехал. Ну, я и пошел...<...> На тот разговор, в декабре 1992 года он нас всех отослал в отставку, и я ему наговорил много разного, причем при свидетелях...

П. Авен: Свидетелями были только я и моя жена.

А. Шохин: Нет, свидетелем был ты, Андрей Бугров,.. Костя Кагаловский (тогда директор от России в МВФ) и Маша Гайдар — жена Гайдара... Они у меня на даче сидели (настроение было возбужденное), вижу, Егор приехал, говорю: “О, Гайдар дома, пошли ему морду бить!”... Костя сказал: “А что, пошли”. Я, кстати, ничего обидного не сказал. Я сказал: “Егор, так дела не делаются. Ты обязан был сказать до того, с чем ты идешь. Ты имеешь право говорить, что хочешь. Но я-то должен был знать. Если мы члены одной команды, почему я не знаю, с чем ты идешь по моей персоне?” Причем Черномырдин

сказал, что он каждому из нас дал характеристику. А я его спрашиваю: “А почему я должен вам верить, Виктор Степанович?” Он отвечает: “А вот видишь блокнотик? У меня все записано. Я бюрократ старой школы. Тебе почитать?”

П. Авен: Он не стал читать?

А. Шохин: Не стал читать. Или нет, он зачитал? Сейчас уже не вспомню. Ну, может, про кого-нибудь, но не мне про меня. Много примеров привел со слов тогда, правдивых, на самом деле. Можно было по-другому. Собрать ребят: “Ребята, я вас прошу, давайте все уйдем сейчас. Поверьте, мы потом вернемся”. – Шохин А. Мы взяли власти столько, сколько было возможно: <http://www.forbes.ru/node/57754>.

126 “...для “Выбора России”, конечно, результаты выборов 1993 года были холодным душем, потому Егор и ушел из правительства в январе. Психологически было понятно, хотел стать премьером парламентского большинства. Но зачем тебе уходить? Второй человек в правительстве. Черномырдина можно окружить соратниками. Но он ушел. Я считаю, что он хотел вернуться через некоторое время на коне”. – Шохин А. Мы взяли власти столько, сколько было возможно: <http://www.forbes.ru/node/57754>.

127 “Мне трудно представить Лугового в качестве мирового заговорщика, который вместе с детьми едет в Лондон кого-то травить, – заявил Гайдар в эксклюзивном интервью ИР “Радио Свобода – Екатеринбург”, – зная его, я во всю эту историю не верю ни на грош”... Егор Гайдар поставил под сомнение причастность английских спецслужб к отравлению Александра Литвиненко, несмотря на то, что “все, что рассказывает Луговой, по мнению Гайдара, очень похоже на правду”:

<http://www.svoboda.ural.ru/chr/chr20070608.html>;

<http://grani.ru/Politics/Russia/m.123241.html>;

Е. Гайдар: Знаете, я Андрея знаю – он у меня работал охранником, когда я работал в правительстве. Там у него есть свои преимущества, свои недостатки, но знаете, человек, который с вами много часов проводит, вы его неизбежно знаете. Представить себе Андрея, который везет с собой двоих детей и жену с тем, чтобы травиться полонием, – я не могу. У меня не получается.

Е. Альбац: Но у вас нет независимой информации?

Е. Гайдар: Нет, конечно, нет.

Е. Альбац: Это исключительно ваше предположение. А как давно вы видели Лугового?

Е. Гайдар: Давно.

Е. Альбац: Годы или месяцы?

Е. Гайдар: Годы, конечно.

Е. Альбац: А вы допускаете, что человек мог измениться, или у человека были обстоятельства?

Е. Гайдар: Знаете, у меня был вопрос очень деликатный от разных информированных структур, связанных с этим делом. У меня спросили – могу ли я представить себе, что Андрей из патриотических соображений решил пойти на этот шаг – я имею в виду на отравление Литвиненко. Я сказал, что у него есть преимущества и недостатки, но в этом заподозрить его я абсолютно не могу.

Е. Альбац: В патриотизме?

Е. Гайдар: В том, что он из патриотических соображений решил отравить Литвиненко, – вот в это я поверить не могу совсем. Ни при каких обстоятельствах:

<http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

128 Е. Гайдар: ...вот независимая английская бюрократия, история с тем, что кому-то не предоставили политическое убежище в Лондоне, и он залил пол-Лондона полонием, – вот она просто...

Е. Альбац: И Королевская прокуратура на весь мир врет, и предъявляет дело, в условиях, когда 30 граждан Великобритании оказались заражены полонием? Вы сами верите в это, Егор Тимурович?

Е. Гайдар: Исходя из большой жизненной опытности – верю. Я не утверждаю, что я это знаю, не утверждаю, что я стопроцентно информирован, но я довольно прилично информирован, чтобы иметь такие мысли:

<http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

Е. Гайдар: Так получилось, что у известного наверняка вам прекрасно диссидента советских времен, Жореса Медведева и одного из ближайших коллег Б. А. Березовского

одна и та же специальность. И эта специальность дает им возможность много знать по поводу полония-210.

Е. Альбац: У Березовского специальность?

Е. Гайдар: Нет, что вы – у Гольдфарба, естественно. У Гольдфарба и Жореса Медведева одна и та же специальность – они оба специалисты по ядерной химии.

Е. Альбац: И вы полагаете, что это они привезли полоний, который доказывает, что ...

Е. Гайдар: Нет, я совершенно ничего не полагаю. Я просто скажу, что я бы очень вам советовал провести подробное интервью с Жоресом Медведевым – он много вам интересного расскажет, что он знает про технологию.

Е. Альбац: Когда Жорес Медведев последний раз занимался...

Е. Гайдар: Тогда же, когда и Гольдфарб, на самом деле.

Е. Альбац: Лет сто назад?

Е. Гайдар: Ну, зачем же?

Е. Альбац: Извините.

Е. Гайдар: Тогда же, когда и Гольдфарб.

Е. Альбац: Я вам скажу, Егор Тимурович, – я просто хочу закончить эту тему...

Е. Гайдар: Жорес написал книжку, которую я читал.

Е. Альбац: Простите, смешно сейчас говорить о Жоресе Медведеве, потому что сейчас в Москве есть Курчатовский институт, в нем есть специалисты, есть специалисты в бывшем Горьком, Нижнем Новгороде, и так далее. И, конечно же, в том же самом журнале “Нью Таймс”; когда мы проводили свои расследования, то мы консультировались с большим количеством физиков.

Е. Гайдар: Конечно, не сомневаюсь.

Е. Альбац: Поэтому апелляция к Жоресу Медведеву сейчас выглядит несколько забавно. Г-н Гольдфарб давно не занимался, – я вообще не знала, что он когда-либо занимался...

Е. Гайдар: Занимался...

Е. Альбац: Вам очень много идет сообщений о том, что Алик Гольдфарб был молекулярным биологом и никакого отношения к ядерной физике не имел, работал он в Институте генетики. <http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

129 “Когда днем 25 ноября впервые промелькнула мысль о том, что произошедшее может быть результатом чьих-то целенаправленных действий, задумался о том, кто за этим может стоять. Кому выгодно? Собственности, о которой имеет смысл говорить, у меня нет. Прибыльной металлургической или нефтяной компании – тоже, отбирать нечего. Значит, если это покушение, за ним стоит политика. В российской политике далеко не первый год, немало о ней знаю. Неплохо знаком с ее основными участниками. К этому времени понимаю, что выжил чудом. Быстрота восстановления организма показывает: задачей было не искалечить, а именно убить. Кому в российской политике была нужна моя смерть 24 ноября 2006 года в Дублине? Подумав, почти сразу отклоняю версию о причастности к произошедшему российского руководства. После смерти Александра Литвиненко 23 ноября в Лондоне еще одна насильственная смерть известного россиянина, произошедшая на следующий день, – последнее, в чем могут быть заинтересованы российские власти. Если бы речь шла о взрыве или выстрелах в Москве, в первую очередь подумал бы о радикальных националистах. Но Дублин? Отравление? Очевидно не их стиль. Значит, скорее всего, за произошедшим стоит кто-то из явных или скрытых противников российских властей, те, кто заинтересован в дальнейшем радикальном ухудшении отношений России с Западом. За несколько часов, сопоставляя по датам события последних полутора месяцев, формулирую для себя довольно логичную и целостную гипотезу о причинах произошедшего. Картина мира вновь обретает внутреннюю логику, перестает напоминать кафкианский кошмар. Правда, от этого она не становится веселее”. – Гайдар Е. От себя: Понимаю, что выжил чудом:

<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/117194/>.

130 Письмо Е. Гайдара Дж. Соросу: “Дорогой Джордж!.. Что касается вопроса о том, что Вы могли бы сделать, выскажу несколько соображений. Вы, как и я, знаете Бориса Березовского. Общественное мнение в последнее время подзабыло о том, с кем мы имеем дело. Вам напомнить об этом особенно удобно. Все знают, что Вы не являетесь лучшим другом сегодняшнего Кремля... Сейчас его главная цель – создать неприятности В. В. Путину, подорвать его власть. Средство – ухудшение отношений России с

Западом... Когда речь идет о Б. Березовском, о соображениях морали стоит забыть. Это не более чем набор моих соображений. Еще раз благодарю Вас. С уважением, Е. Гайдар”: <http://grani.ru/files/32450.gif>.

131 А. Гольдфарб: “В начале апреля 2007 года в зале вылетов берлинского аэропорта я столкнулся с Катей Гениевой,.. которая сопровождала Гайдара на конференции в Дублине. Я хотел узнать подробности... Она также подтвердила аутентичность письма Соросу. “Может быть, Гайдара шантажирует Кремль, чтобы замазать Бориса?” — поинтересовался я. “Конечно, нет, — ответила Катя. — Егор Тимурович действительно верит, что за этим стоит Березовский””: <http://vlad-ab.livejournal.com/15950.html>.

132 “Он [современный российский капитализм. — А. И.], к сожалению, не решил одну из важнейших проблем, которая стояла перед страной после краха Советского Союза, — разделение власти и собственности. Именно этот принцип послужил основой беспрецедентного в мировой истории ускорения экономического развития, которое произошло на рубеже XVIII — XIX веков, и во многом сформировал современный мир... В России проблему разделения власти и собственности не удалось решить ни в девяностых годах, ни в двухтысячных... Я пытался объяснить это в книге, написанной в 1994 году... Сегодня мы как общество по-прежнему заинтересованы, чтобы между элитами не было конфликта, чтобы они поняли: постепенное разделение собственности и власти и либерализация режима нужны им самим... Да, важная проблема раздела власти и собственности не решена, но это не повод опускать руки”. — Гайдар Е. Режим может рухнуть неожиданно, за два дня:

<http://www.novgaz.ru/data/2009/129/09.html>.

133 В. Путин: “Кончина Егора Тимуровича Гайдара — тяжелая утрата для России, для всех нас. Не стало настоящего гражданина и патриота, сильного духом человека, талантливого ученого, писателя и практика. Не каждому государственному деятелю выпадает возможность служить Отечеству на самых переломных этапах его истории, принимать ключевые решения, которые определяют будущее страны. Егор Тимурович Гайдар достойно выполнил эту сложнейшую задачу, проявив лучшие профессиональные и личные качества. Он не стал уклоняться от ответственности и в самых непростых ситуациях с честью и мужеством держал удар”:

<http://government.ru/smi/messages/8597/>.

Д. Медведев: “Ушел из жизни выдающийся ученый-экономист. Государственный деятель, с именем которого связаны решительные шаги по формированию основ свободного рынка и переходу нашей страны на принципиально новый путь развития. Егор Тимурович Гайдар был смелым, честным и решительным человеком. И в период кардинальных перемен взял на себя ответственность за непопулярные, но необходимые меры. Он всегда твердо следовал своим убеждениям, что вызывало уважение его единомышленников и оппонентов”:

<http://news.kremlin.ru/news/6351>.

134 “Вчера заехал к другу на день рождения (юбилей). В ресторане собралось человек 50 народа: газетчики, телевизионщики, радийщики. Почти все хорошо знают друг друга. Все дружно шептались о том, что пришла команда сверху снять любую отрицательную информацию о Гайдаре. А один из замов главного редактора на втором канале выступил и сказал: — А давайте поставим рубрику “Разные мнения”? Так ведь честно будет! — Честно будет на пенсии! — ответили ему. — Лепим только позитивняк!!!”:

<http://blog.kp.ru/users/panzir56/post116882701/>.

135 Указ Президента РФ от 17 мая 2010 года “Об увековечении памяти Егора Гайдара”:

<http://kremlin.ru/acts/7772>.

136 Илларионов А. Не “свой”:

<http://aillarionov.livejournal.com/270942.html>.
137 Постановление правительства РФ от 25 октября 2010 года № 856 “О внесении изменения в перечень российских организаций, получаемые налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению”:

<http://www.government.ru/gov/results/12761/>.

138 Постановление № 602 от 15 июля 2009 г. “Об утверждении перечня российских организаций, получаемые налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержания науки, образования, культуры и искусства в

Российской Федерации, не подлежат налогообложению” (в ред. Постановлений Правительства РФ от 25.10.2010, № 856, от 27.11.2010, № 936):

<http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=107428>.

139 Похмелкин, Юшенков, Головлев и Рыбаков вышли из СПС:

<http://www.newsru.com/russia/14jan2002/sps.html>.

140 “А. Чубайс назвал войсковую операцию в Чечне “началом возрождения армии” и публично объявил “предателем” лидера “Яблока” Григория Явлинского, предлагавшего возобновить переговоры с чеченскими сепаратистами”:

http://www.anticomproamat.org/sps/spr_sps.html; Яковлев Е. Оглобля вместо шпаги:

<http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/obsch-14.html>.

141 Е. Гайдар: “Вы знаете, мы с Анатолием Борисовичем просто такие друзья, про которых можно сказать, что мы спиной к спине у мачты, против тысячи вдвоем”:

http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajjdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html.

142 “Он [Е. Гайдар. – А. И.] мне прямо сказал, что его не устраивает широкое, неуправляемое демократическое движение, он намерен был создать компактную партию. “У коммунистов надо брать лучшее – дисциплину”, – говорил он. Создавая партию власти с жесткой дисциплиной, Гайдар переманивал кадры из “ДемРоссии””. – Пономарев Л. Народ, Ельцин, Горбачев. – “ЕЖ”, 21 марта 2011 г.:

<http://ej.ru/?a=note&id=10894>.

143 “То, что Александр Некрич до сих пор считает главным препятствием углублению преобразований идеологические соображения, извинительно. В политическом анализе особенно важны конкретность, четкость в оценке меняющейся ситуации – качества, которые нелегко сохранить в эмиграции. Полагать, что антикооперативные настроения – результат продолжающейся социалистической пропаганды, можно лишь вдали от отечественных реалий. Куда важнее, на мой взгляд, другое. Набравший силу процесс демонтажа идеологических стереотипов грозит обернуться формированием новых, противоположных по знаку. И вот уже многим кажется, что достаточно произнести магические слова “частная собственность”, “свобода предпринимательства” – и проблемы решатся как по мановению волшебной палочки. Конечно, мир не перевернется, если даже личную собственность на средства производства переименовать в частную”. – Гайдар Е. Частная собственность – новый стереотип. – “Московские новости”, 9 октября 1989 г.: <http://aillarionov.livejournal.com/276579.html>.

144 “Здесь и далее мы ссылаемся на материалы, приведенные в книге В. Буковского, которые в настоящее время недоступны в открытом хранении в российских архивах. Цитируя их, мы полагаемся на ответственность автора. Позволю себе использовать эти материалы, так как, на мой взгляд, репутация человека, который их опубликовал, не позволяет сомневаться в их подлинности”. – Гайдар Е. Гибель империи. С. 133.

145 “Вторым депутатским объединением в составе Съезда народных депутатов СССР, имеющим собственное политическое лицо, была депутатская группа “Союз”, образованная в феврале 1990 г. Сопредседателями группы были избраны Юрий Блохин (Молдавия), Виктор Алкснис (Латвия), Георгий Комаров (Киргизия), Анатолий Чехоев (Южная Осетия). Идеологической платформой группы являлось требование сохранения СССР в виде федеративного (фактически унитарного) государства, недопущение отделения союзных республик или ослабления роли центра (в связи с этим члены группы выступали против заключения Союзного договора в его новоогаревской редакции, поскольку, по их мнению, он превращал Советский Союз в конфедерацию). Во всем остальном единства среди членов группы “Союз” не было – в нее входили сторонники как восстановления монополии КПСС на политическую власть, так и политического плюрализма, сторонники рынка и его противники. На IV Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.) в группе “Союз” был зарегистрирован 561 человек, и она стала второй по численности парламентской группой (после “Фракции на платформе КПСС”). К V Съезду народных депутатов СССР (март 1991 г.) в группу “Союз” вступило более 700 депутатов”: http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_11.htm.

146 В. Алкснис: “Среди этих документов [архив депутатской группы “Союз”. – А. И.] находятся и бумаги с мыслями г-на Гайдара, который в те годы числился среди консультантов нашей депутатской группы. И могу сказать, что эти мысли, которые он

предлагал для внедрения депутатской группе “Союз”, весьма далеки от того, что он делал на практике в 90-е годы. Мне вспоминается, что он скорее был апологетом РЕГУЛИРУЕМОЙ ГОСУДАРСТВОМ рыночной экономики и был категорическим противником стихийного рынка образца XIX века...”:

[http://v-alksnis2.livejournal.com/157429.html?thread=12688629;](http://v-alksnis2.livejournal.com/157429.html?thread=12688629)

“Е. Гайдар был консультантом группы “Союз” по экономическим вопросам и был одним из авторов нашей экономической программы. Сама экономическая программа группы “Союз” достаточно много обсуждалась в СМИ того времени... Могу еще раз подтвердить, что Е. Гайдар на тот момент времени был сторонником регулируемой государством рыночной экономики, причем регулируемой достаточно жестко”. — Письмо В. Алксниса автору от 25 января 2011 г.; “В тот период времени... десятки людей приходили как в МДГ, так и в группу “Союз”, предлагая свои проекты и предложения. Среди них был и Е. Гайдар... Невзирая на то, что таких консультантов у группы “Союз” были десятки, именно Е. Гайдар мне запомнился потому, что у него была “громкая фамилия”, а буквально через полтора года он оказался исполняющим обязанности Председателя Правительства РФ. И проводил при этом политическую линию принципиально отличавшуюся от той, которую он предлагал группе “Союз”, что вызвало в те дни у меня шок”. — Письмо В. Алксниса автору 31 января 2011 г.

147 С. Белковский: “Я просто хочу сказать, что это люди, которые перебежали из одного спецраспределителя в другой. Кончился советский спецраспределитель, Егор Тимурович успел поработать идеологом экономической группы “Союз”, который возглавляли Алкснис, Блохин и Чехоев, — почему-то об этом никто не помнит, — потому что он считал, что они победят. Как только он понял, что они не победят, летом 91-го г., он перебежал в ультралиберальный лагерь. Я считаю, что главная проблема наших либералов состоит в том, что они не готовы... это не убеждения то, за что они борются. Они борются за кормушку, за спецраспределитель...”:

[http://www.echo.msk.ru/programs/oblozhka/25443;](http://www.echo.msk.ru/programs/oblozhka/25443)

“...антинародные либеральные реформы начала 1990-х годов — тоже ужасное наследие совка. Идеологом-то их был не кто иной, как редактор отделов экономики журнала “Коммунист” и газеты “Правда”, разработчик экономической доктрины группы “Союз” Верховного Совета СССР (если вы еще помните, там были депутаты Алкснис, Блохин, Коган, другие официальные лица) Егор Тимурович Гайдар. Он буквально за несколько месяцев до начала реформ прямо объявлял, что от советского наследия отказаться нам никак не можно, а кто думает иначе — опасный мечтатель”:

[http://www.gzt.ru/topnews/politics/-istrebiteli-sovetskogo-nasledstva-/286607.html.](http://www.gzt.ru/topnews/politics/-istrebiteli-sovetskogo-nasledstva-/286607.html)

148 Выдержки из программных документов депутатской группы “Союз”: “Все это в целом создает реальную угрозу существованию СССР... чревато возникновением гражданской войны...”. — Платформа Всесоюзного объединения народных депутатов всех уровней “Союз”, Москва, 1 – 2 декабря 1990 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/04.htm; “Всесоюзное объединение народных депутатов... “Союз” создается... для того, чтобы... приостановить... распад... страны...”. — Резолюция Учредительного съезда Всесоюзного объединения народных депутатов СССР всех уровней “Союз” о единстве Союза ССР. Москва, 2 декабря 1990 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/07.htm;

“Народные депутаты, входящие во Всесоюзное объединение народных депутатов...

“СОЮЗ”, заявляют о своей... борьбе со всяческими попытками ввергнуть страну в состояние... гражданской войны...”. — Заявление Учредительного съезда Всесоюзного объединения народных депутатов всех уровней “Союз” о политической и экономической ситуации в стране. Москва, 3 декабря 1990 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/05.htm;

“...ввести чрезвычайное положение на всей территории страны с целью...

предотвращения голода на шестимесячный срок (апрель—октябрь месяцы)...”. —

Резолюция II съезда Движения “Союз” “О первоочередных задачах”, 21 апреля 1991

[http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/11.htm.](http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/11.htm)

“... намечаемое реформирование неминуемо приведет к расколу общества, ожесточенной борьбе и, не исключено, — к гражданской войне... признаются недопустимыми: гражданская война; расчленение страны и потеря ее государственности;

голод... Самые срочные меры в Программе на этапе выживания... снятие угрозы повсеместного голода... При этом возможно разрастание гражданского противостояния и братоубийственной гражданской войны”... — Доклад председателя Всесоюзного объединения депутатов (ВОД) “Союз” Ю. В. Блохина на 11-м съезде ВОД. Москва, 21-22 апреля 1991 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/12.htm;

“Наша цель —... не допустить, чтобы острота политической борьбы... привела к гражданской войне”... — Программа действий Всесоюзного народного движения “Союз”, 21-22 апреля 1991 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/02.htm; “Все мы стоим перед выбором: либо междоусобица и начало гражданской войны... Необходимо сплочение всех сил спасения страны от развала... на основе Всесоюзного движения “Союз”... Нельзя не видеть опасности развязывания гражданской войны”... — Декларация о создании Всесоюзного народного движения “Союз”, 30 апреля 1991 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/01.htm;

“Наши главные задачи. — Не допустить развала страны. Предотвращать реальную угрозу гражданской войны”... — Обращение Московской региональной организационной конференции Всесоюзного народного движения (ВНД) “Союз” к соотечественникам, 16 мая 1991 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/13.htm.

149 “...преодоление катастрофической ситуации в стране возможно только... при сильной власти в центре и на местах, исключающей попытки установления любой диктатуры — либо тоталитарной, либо новой — “демократической””. — Программа действий Всесоюзного народного движения “Союз”, 21-22 апреля 1990 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/02.htm.

150 “...необходимо немедленно ввести Чрезвычайное положение по всей территории страны. Проект Программы предусматривает его ввод на шестимесячный период — апрель — октябрь месяцы... Чрезвычайное положение — это то необходимое и решающее условие, без которого все другие меры останутся благими пожеланиями: катастрофа неминуема... И тут не нужно пугаться этих слов о чрезвычайном положении. Достаточно посмотреть нашу прессу, послушать наши радио и телевидение, везде одно и то же — твердят, что положение чрезвычайное, что нужны чрезвычайные меры. Действительно, общий кризис налицо. Нужны “шоковые” действия во благо всех. Промедление смерти подобно! Чрезвычайное положение обеспечит условия, необходимые для проведения в жизнь неотложных мер по выживанию государства и стабилизации общественно-политического положения... создать институт полномочных представителей Президента СССР на местах, которые брали бы на себя всю полноту власти;.. восстановить единство банковской системы”... — Доклад председателя Всесоюзного объединения депутатов (ВОД) “Союз” Ю. В. Блохина на 11-м съезде ВОД. Москва, 21-22 апреля 1991 г.:

http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/12.htm.

151 “Обсуждение возможности выхода из кризиса путем создания института военно-полицейской власти переключалось на страницы изданий самой различной политической ориентации... Так, например, идея “блока настоящих предпринимателей, армии, спецслужб, опирающихся на широкую народную поддержку, могущих приостановить дальнейшее разграбление страны, провести приватизацию в интересах всего народа”, “реформы, опирающиеся, если не непосредственно на военную, то на очень жесткую власть”, высказанная... экономистом и предпринимателем Сергеем Кугушевым (статья “Пока не приватизирован Кремль”. — “Комсомольская правда” от 6.02.1991 г.)”:

<http://old.russ.ru/antolog/1991/massmed.htm>;

“...именно блок настоящих предпринимателей и армии, спецслужб, опирающийся на широкую народную поддержку, способен приостановить дальнейшее разграбление страны и провести приватизацию в интересах всего народа... если оставить эмоции и обратиться к историческому опыту самых разных стран, выбиравшихся из ужасов тоталитаризма к рынку; то следует признать: в любом случае реформы опирались если и не на военную силу непосредственно, то на очень жесткую власть. Собственно, существуют два пути такого перехода. Первый путь — это путь Германии и Японии, второй — Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В первом случае бывшая тоталитарная

структура разрушена до основания, но остается трудовая этика плюс ощущение национального поражения. Реформы осуществляет фактическая оккупационная администрация, которая создает заново структуры власти, опираясь на сохранившуюся трудовую этику и желание людей забыть кошмары тоталитаризма. Этот путь для нас заказан. Значит, остается второй путь — путь рыночного реформаторства, осуществляемого сильной властью. Типичный пример — Чили”. — Кугушев С. Пока не приватизирован Кремль. — “Комсомольская правда”, 6 февраля 1991 г.

152 Из книги Е. Гайдара “Дни поражений и побед”: “Депутаты в зале многозначительно, с гордостью поглядывают друг на друга: выходит, они вовсе не отраслевые лоббисты, выколачивающие из казны ничем не обеспеченные деньги, и не демагоги, раздающие избирателям невыполнимые обещания” (С. 219); “Тулеев выступил с развязной, но яркой речью... Н. Травкин, испытанный боец, ключевой оратор оппозиции, на этот раз подкачал. Накануне в одной из газет появились откровения одной дамы, рассказавшей, как она спала с Хасбулатовым, а вот Травкину заполучить ее не удалось. Задетый за живое, он начал оправдываться и объяснять, что ему не очень-то и хотелось, а если бы захотелось, то и получилось бы” (С. 228); “Убежден, что мы и второй ногой — в ведьмин студень, крепнет” (С. 230); “Р. Хасбулатову удалось провести его через съезд лишь благодаря своему таланту манипулятора” (С. 233).

153 Е. Гайдар о Ф. Кастро: “Ну так именно потому, что он происходил из аристократии. Происходил из кастильской аристократии — это круг людей, которые привыкли всю жизнь управлять Кубой. А потом приходят американцы на Кубу, ставят там режим, который им лоялен, и после этого, да, кастильской аристократии оставляют собственность, ей оставляют поместья, но никогда больше ее к власти на Кубе не подпускают, а правят там люди, которые, на взгляд людей таких, как Фидель, являются выскочками. Какой-нибудь сержант Батиста. Кто для Фиделя, отца Фиделя сержант Батиста? Да вообще никто — карикатура”:

<http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

154 “He was the third child born to Angel Castro y Argiz, a Galician immigrant from the impoverished northwest of Spain who became relatively prosperous through work in the sugar industry and successful investing”: http://en.wikipedia.org/wiki/Fidel_Castro.

155 Е. Гайдар: Я не знаю, что там на самом деле реально, не в курсе дела. Я говорю о том, что мне говорили очень информированные люди, которые абсолютно интегрированы туда. Вот когда мы закончим передачу, я вам скажу, кто. Потому что не могу это сказать публично. Понимаете, какая проблема — если это связано с кем-то из тех, кто получил политическое убежище в Британии, это не проблема премьер-министра Блэра, это проблема всей административно-политической элиты. Поэтому органы правоохранные находятся под сильнейшим давлением — так что, пожалуйста, эту тему — как там чего дальше...

Е. Альбац: Вы действительно верите в то, что “Форин офис” мог надавить на Королевскую прокуратуру Великобритании?

Е. Гайдар: Ой, что вы, это не “Форин офис”. При чем тут “Форин офис” — это то, что называется “Совет старейшин”, это лидеры британской бюрократии, которым совершенно не хочется быть в положении полных идиотов. А там они интегрированы. Если вы думаете...

Е. Альбац: Подождите, я еще раз хочу понять — вы хотите... я правильно вас понимаю, что вам кажется, что представление о независимости судебной системы Великобритании...

Е. Гайдар: Ну, что вы — естественно, она независимая, честна. Но если вы думаете, что она не интегрирована со всей другой административной элитой, что прокуратура не общается с министерством финансов...

Е. Альбац: Егор Тимурович, а вы представляете, что там есть выборы и что тори сейчас следят за лейбористами.

Е. Гайдар: Это вопрос к ключевым заместителям министров ключевых ведомств.

Е. Альбац: То есть, Гордон Браун...

Е. Гайдар: Нет, это другая история. Это не к политикам, это к...

Е. Альбац: Вы денонсируете всю систему парламентаризма Великобритании, которая построена на независимом суде.

Е. Гайдар: Английская система включает в себя действительно функционирующую систему парламентаризма, свободу, которая важна, где выборы имеют значение. Но там есть еще независимая бюрократия. Вот независимая бюрократия, кстати, которая смотрит на политиков, прошу прощения, как на детей, которая считает, что они-то умные, а политики – своеобразные: <http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

156 “Связывать с моим именем надежды тех, кто хочет построить в России реально функционирующую демократию, мне кажется ошибкой”:

<http://www.sps.ru/?id=227866&PHPSESSID=5e553367f96fe9caf100a3bcd6d18f49;>

“Зачем с моим именем ассоциировать любые инициативы по созданию демократической оппозиции? По-моему, это просто неразумно”:

<http://www.svobodanews.ru/content/article/1516760.html>.

157 “Кох: Петя, помнишь мою теорию про 3 октября 1993 года ? О том, кто это придумал? Авен: Помню, конечно. Алик считает, что это Егор подговорил Ельцина распустить Верховный Совет. И в случае чего не бояться силовой конфронтации.

Нечаев: Допускаю, кстати.

Кох: Не ельцинский это стиль, нет... По стилистике – нет”:

<http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/60059-neprilichno-vo-vseh-grehah-obvinyat-prezhnyuyu-vlast>.

158 “Очень долго, на протяжении всего 1992 года, я решительно отвергал любые идеи конфронтационного, силового разрешения противоречий с парламентской оппозицией. Но в 1993 году убедился: нынешнее большинство в Верховном Совете беспрекословно подчиняется людям, которые не признают никаких этических рамок и демократических норм... Вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым при необходимости применить силу”. – Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 276.

159 А. Шохин: В итоге схема Егора была жесткой. Борис Николаевич должен понять, что единственный “его” кандидат – это Гайдар. Если не Гайдар, то к едреной матери весь Верховный Совет, и съезд нужно разогнать. Хотя у меня лично (да я уверен, не только у меня в нашей команде) особого желания начать эту конфронтацию не было, поскольку можно было реализовать другой сценарий. Но тогда начался следующий этап этой истории. Когда Гайдара не утвердили, Б. Н. готов уже был распустить съезд. Депутаты чуть ли не всем миром встречались и с патриархом, и с Зорькиным и прочее. Ельцин же, после того как не утвердили его кандидата, готов был их распустить!

А. Кох: Что в какой-то степени могло предотвратить 1993 год?

А. Шохин: Наверное. Так сказать, “предотвратить” октябрь 1993-го, потому что он состоялся бы в декабре 1992-го. – Шохин А. “Мы взяли власти столько, сколько было возможно”: <http://www.forbes.ru/node/57754/>.

160 Е. Гайдар: “И если бы Борис Николаевич Ельцин 3 – 4-го не сделал того, что он сделал, я бы считал, что он предал, например, меня и всех, кто разделяет мои убеждения... А Ельцин... не хотел насилия, но только он не был слабаком. И вот я очень рад тому, что он оказался в это критическое время нашим президентом”:

http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajjdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html.

161 “Е. Гайдар: “Там был безумный перелом – осень 1993 года. Он не хотел насилия, он очень не хотел... Очень не хотел насилия, пытался его избежать. В общем, по большому счету, избежал... Но в полном объеме не допустить насилие, видимо, в это время было невозможно, хотя он очень этого хотел. Эти десять болванок, выпущенных по 10-му этажу Белого дома, и два зажигательных снаряда, которые ни одного депутата не убили, для него, тем не менее, были тяжелой травмой””:

http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajjdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html;

“Е. Гайдар: У меня ощущение, что я знаю двух Борисов Николаевичей Ельциных. Первый прекратил свое существование 4 октября 1993 года. Я его хорошо знаю, с ним работал.

Был еще один человек, который тоже называется Борис Николаевич Ельцин. Но он совсем другой. Я не говорю о том, что до осени 1993 года Борис Николаевич напоминал рыцаря без страха и упрека, но это был один человек, а после 1993 года – уже другой...

А. Кох: У него произошел нравственный надлом?

Е. Гайдар: Да, какой-то надрыв. И нравственный, и моральный, и физический...

А. Кох: Как ты думаешь, этот надрыв случился после путча?

Е. Гайдар: Да, думаю, после событий 3-4 октября 1994 года” [очевидно, имеется в виду 1993 г.]: <http://www.sps.ru/?id=219244>.

162 Вот несколько выдержек из последних работ Гайдара.

“Смуты и институты”:

С. 31: “Выяснилось, что в армии нет полка, готового выступить по приказу короля. Отказ солдат стрелять придавал смелость тем, кто выступал против существующего порядка”.

С. 40: “Верность армии существующей власти, ее готовность выполнить приказ применить оружие против народа – не гарантирована”.

С. 51: “При крахе военной организации решающее значение имеет то, остались ли в распоряжении властей пусть небольшие, но надежные части. Полковник Кутепов просил для выполнения приказа одну надежную бригаду”.

С. 56: “В распоряжении Временного правительства надежных войск нет. А это значит, что несколько тысяч вооруженных людей могут установить контроль над ключевыми точками столицы”.

С. 57: “История русской революции начала XX в. показывает, какую роль в периоды хаоса и анархии играют пусть немногочисленные, но боеспособные, готовые исполнять приказы части”.

С. 66: “У них не было инструментов принуждения”...

С. 118: “В условиях рухнувшей власти, при отсутствии дееспособных силовых структур такая толпа опасна”.

С. 124: “... если нет боеспособной армии, действующих правоохранительных служб, пограничного контроля, центр перестает контролировать ситуацию на местах”.

С. 179: “Вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым применить силу”.

С. 180 – 181: “В сложившихся условиях задействовать армию трудно. На протяжении последних лет мы много раз повторяли, что армия вне политики, ее нельзя привлекать для решения внутривластных конфликтов. Это стало символом веры, убедительно подтвержденным в августе 1991 года. Однако развитие событий 3 октября показало, что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве... Необходимость срочно поднять армейские части стала очевидной. Но будут ли приказы выполнены, не получится ли, как в августе 1991 года, что армейская машина просто откажется сдвинуться с места?..”: <http://www.iet.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>;

“Раньше или позже выясняется, что у него нет ни одного надежного полка. В 1917 году, когда развивались ключевые события, связанные сначала с борьбой за власть, а затем с борьбой за власть между большевиками и Временным правительством, ни одна из сторон не могла выставить хотя бы надежную бригаду. Кутепов, преданный царю офицер, безусловно, готовый стрелять по толпе из пулеметов, получил приказ прекратить беспорядки. Он просил бригаду. Бригады не нашлось, дали сводный отряд. Тут же выяснилось, что в сводном отряде пулеметы без глицерина, стрелять из них нельзя”: <http://www.novgaz.ru/data/2009/129/09.html>;

“... в какой-то момент у авторитарного, не очень популярного режима вдруг не оказывается ни одного надежного полка. После этого он рушится, причем рушится стремительно. Вот у ГКЧП не нашлось ни одного надежного полка... Совершенно ясно, что ни одного полка, который готов выполнить приказ Горбачева, в его распоряжении нет... Устойчивость власти зависит от того, кого поддержит улица. Причем речь идет не о поддержке миллионов людей, а о поддержке двух – пяти тысяч людей, но организованных. Этого вполне достаточно, чтобы свергнуть власть... всегда вопрос заключался в том, кого поддержат две-три тысячи организованных людей. И это вопрос, ответ на который определял будущее очень большой страны”:

<http://www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html>.

163 “два зажигательных снаряда, которые ни одного депутата не убили”:

http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajjdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html;

“Указы... “президента” Руцкого производят комичное впечатление”:

<http://www.iet.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>

- 164 “В те дни [ноябрь 1991 г. — А. И.] офицеры и генералы в интервью журналистам заявляли, что не готовы выполнять приказы, с содержанием которых не согласны. Общую атмосферу в армии того времени иллюстрируют два тезиса из выступлений участников армейского собрания в январе 1992 года: “армию не удастся втянуть в политические игры” и “терпение людей в погонах имеет предел”. Прочитав их, нетрудно понять, что армии у государства нет”. — Гайдар Е. Смуты и институты. С. 123:
<http://www.iet.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>.
- 165 “При радикальном — почти 6-кратном (с ноября 1980 г. по июнь 1986 г.) — падении цен на основные экспортные товары страна столкнулась...” — Гайдар Е. Долгое время. М., 2005. С. 344.
- 166 World Economic Outlook Database:
<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/weoselagr.aspx>.
- 167 “Позже от Ельцина узнал — Хасбулатов сам усиленно добивался назначения на должность премьера”. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С.171.
- 168 Распоряжение Президента РСФСР от 25 августа 1991 г. № 25 “О деятельности таможенной службы на территории РСФСР”:
<http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex11172.htm>.
- 169 Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 октября 1991 г. № 1780-1 “Об образовании Государственного таможенного комитета РСФСР”:
<http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10806.htm>.
- 170 Указ Президента РФ от 25 октября 1991 г. № 161 “О Государственном таможенном комитете РСФСР”: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10770.htm>.
- 171 “Таможенному комитету РСФСР... обеспечить строгий контроль за соблюдением установленного настоящим постановлением порядка вывоза нефти и продуктов ее переработки за пределы республики... Взыскание штрафа производится государственными налоговыми инспекциями по представлению соответствующих органов Таможенного комитета РСФСР”. — Постановление Правительства РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 7 О регулировании поставок нефти и продуктов ее переработки за пределы РСФСР:
<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10619.htm>.
- 172 Angel Castro y Argiz/: http://en.wikipedia.org/wiki/%C3%81ngel_Castro_y_Argiz.
- 173 Илларионов А. Чувство острой неловкости:
<http://aillarionov.livejournal.com/27338.html>.
- 174 Online-интервью с Егором Гайдаром: <http://www.kommersant.ru/Doc/1288838>.
- 175 Некрич А. СССР: История и перестройка. Взгляд из-за океана. — “Московские новости”, 8 октября 1989 г.
- 176 Гайдар Е. Частная собственность — новый стереотип. — “Московские новости”, 8 октября 1989 г. См.: <http://aillarionov.livejournal.com/276579.html>.
- 177 А. Чубайс: “Мы были единственной группой в стране, потратившей больше 10 лет на профессиональную работу по проектированию реформ”:
<http://www.polit.ru/analytics/2010/11/01/chubays.html>.
- 178 А. Чубайс: “Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией”. — Форбс, 27 августа 2010 г.: www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/55203-intervyu-s-anatolijem-chubajsom?from=button1.
- 179 “Проще всего в ближайшее время... продолжать линию на расширение самостоятельности предприятий, ее закрепление в новых законах. Беда в том, что при всей кажущейся политической привлекательности экономически такой курс наиболее опасен. Если следовать ему, хозяйственное развитие вскоре полностью выйдет из-под контроля государства, подавленная инфляция перейдет в открытую, а ответственность за это ляжет на правительство и правящую партию”. — Гайдар Е. Трудный выбор. Экономическое обозрение по итогам 1989 года. — “Коммунист”, № 2, 17 февраля 1990
<http://www.iet.ru/ru/trudnyi-vybor-ekonomicheskoe-obozrenie-po-itogam-1989-goda.html>
- 180 “И. Сталин, выбрав модель индустриализации, противоположную бухаринской, заложил фундамент экономико-политической системы, в котором со временем стали образовываться крупные трещины, создающие риск его разрушения при относительно скромных внешних воздействиях. Развитие событий в СССР в последние годы его существования демонстрирует, сколь важно, вырабатывая экономическую политику, учитывать долгосрочные риски, оценивать принимаемые решения не только с точки

зрения годовой или трехлетней перспективы, а на десятилетия вперед. Если этого не делать, следующим поколениям россиян придется отвечать за ошибки, допущенные сегодня”. – Гайдар Е. Гибель империи. С. 428.

Краткая биография

Андрей ИЛЛАРИОНОВ – родился в 1961г. в Сестрорецке. Окончил экономический факультет и аспирантуру ЛГУ, кандидат экономических наук.

В 1983-1990 гг. – ассистент кафедры международных экономических отношений ЛГУ. В 1990-1992 гг. – старший научный сотрудник и заведующий сектором Проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных экономических исследований Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.

В 1992-1993 гг. – первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ (РЦЭР).

В 1993-1994 гг. – глава Группы анализа и планирования при премьер-министре России В.С.Черномырдине (советник премьер-министра).

В 2000-2005 гг. – советник президента России по экономическим вопросам, личный представитель президента России (шерпа) в Группе восьми.

С 1994 года – директор, с 2000 г. – президент Института экономического анализа в Москве.

С октября 2006 года – старший научный сотрудник Института Катона в Вашингтоне. Живет в Москве и Вашингтоне.

От редакции

Главный содержательный стимул, побудивший нас взять это интервью, – в нашем постоянном стремлении разобраться в российской истории прошедшего двадцатилетия – эпохи, которая в чем-то серьезно изменила страну, а в чем-то удивительным образом продемонстрировала, сколь мало изменчивыми являются стереотипы поведения, оказавшиеся характерными и для нынешнего, и для советского, и для имперского периодов ее жизни.

Непосредственным же поводом для беседы, текст которой публикуется ниже, стала кончина Егора Тимуровича Гайдара, последовавшая 16 декабря 2009 года и завершившая собой эту своеобразную эпоху – двадцатилетие, символом которого в большой мере и стал Гайдар.

Над его гробом произносились славословия и обличения, озвучивались апокрифы, вспоминались старые мифы и создавались новые. С тех пор прошел уже почти год, и мы надеемся, что за это время страсти немного поутихли. Сейчас у нас появляется возможность вновь взглянуть на недавнюю историю, – но уже менее эмоционально и пристрастно. С этой целью мы и обратились к Андрею Николаевичу Илларионову – человеку, чьей научной добросовестности, осведомленности и дотошности доверяем безусловно.

Беседу вели Игорь Виноградов и Ирина Дугина